

соединение
ФОНД ПОДДЕРЖКИ СЛЕПОГЛУХИХ

Обретенный свет

Обретенный
СВЕТ

Сборник по итогам литературного конкурса
для слепоглухих (и о слепоглухих)
«Со-творчество»

9 785604 493625

ЛИТГОСТ

Благотворительный фонд поддержки
слепоглухих «Со-единение»

Обретенный СВЕТ

*Сборник по итогам литературного конкурса
для слепоглухих (и о слепоглухих)
«Со-творчество»*

Москва

ЛитГОСТ

2021

УДК 821.161.1
ББК 84
О 24

Предисловия

*Наталья Соколова
Юлия Подлубнова*

Послесловие

Александр Суворов

Составитель и редактор

Владимир Коркунов

О 24 **Обретенный свет**

Сборник по итогам конкурса для слепоглухих (и о слепоглухих) «Со-творчество» / Зоркое сердце. — Москва: ЛитГОСТ, 2021. — 226 с. — («Со-единенные»)

ISBN 978-5-6044936-2-5

В книгу по итогам второго литературного конкурса «Со-творчество» вошли лучшие произведения слепоглухих поэтов, прозаиков и эссеистов (как тотально слепоглухих, так и имеющих остаточное зрение и/или слух), а также опубликованные в СМИ произведения о слепоглухих людях (или слепоглухоте).

© Авторы, 2021
© Соколова Н.Д., предисловие, 2021
© Подлубнова Ю.С., предисловие, 2021
© Суворов А.В., послесловие, 2021
© «ЛитГОСТ». макет. 2021

ISBN 978-5-6044936-2-5

Негромкая пронзительная речь

Сборник «Обретенный свет» выходит по итогам II литературного конкурса «Со-творчество». Второй раз мы получили более 60-ти работ со всей страны — от Москвы до Владивостока и от Петербурга до Новосибирска (и из соседних стран — Украины и Молдовы). Второй раз в сборнике представлены лучшие работы конкурсантов, доказывающих: письмо изнутри темноты и тишины *возможно*.

Многое, что делает Фонд «Со-единение», — можно описать словом «возможно» или словосочетанием «стало возможным». Еще шесть лет назад мир слепоглухих людей в России был сужен до небольших групп или одиночек, зачастую находящихся в изоляции в четырех стенах. Существовавшие организации делали все, что могли, но удовлетворить потребности *всех слепоглухих* они не могли. Фонд помог наладить систему адресной помощи, открыл восемь инклюзивных театральных школ (в этом сборнике есть наши актеры — Максим Черный и Алена Капустьян) и десятки досуговых центров — от столиц и до периферии, где сейчас буквально пульсирует активная жизнь.

Оттуда, из регионов, и пришла большая часть работ на конкурс — некоторые буквально записаны из руки в руку, напечатаны на компьютере и высланы нам. А теперь они, и те, которые прислали сами авторы, подчас тотально слепоглухие, как Ирина Экимашева, и с остаточным слухом и зрением, — собраны под обложкой «Обретенного света».

Он имеет и социальное, и эстетическое значение. С одной стороны, это сборник конкурсных работ, в котором показаны тексты и темы, интересующие конкурсантов. Важная деталь: если стихи более абстрактны и часто не связаны с пробле-

мами здоровья, в прозе и эссе речь больше о личном опыте — от слепоглухоты до перенесенной/переносимой самоизоляции. С другой стороны — это настоящая карта пишущих слепоглухих людей, показывающих — мы есть, нас интересует мир, и вот как мы его чувствуем. В книге 32 слепоглухих автора, причем 17 опубликованы в наших конкурсных сборниках впервые. Наконец, тексты, из которых собрана книга, — это литература. Может быть, не такая продвинутая, как у представителей литературного истеблишмента, но все же — настоящая. Где-то наивная, где-то, напротив, изощренная, где-то нежная (как в эссе Константина Снежко о маме), а где-то предельно искренняя, даже когда речь идет о самой сильной на свете боли (как в рассказе Игоря Маркаряна о взрыве, после которого он потерял зрение и частично слух).

Мне кажется, тексты, опубликованные в сборнике, должны прочесть все — в первую очередь, для того, чтобы *понять другого*. Мы много говорим о терпимости, но часто это остается в словах, — и забываем, что русская литература всегда была совестью, честью, мыслью. Произведения слепоглухих авторов — придуманные ими истории, дневники или исповеди о жизни — это и наша совесть, пристальный взгляд в сторону незамечаемых. Взгляд в сторону тех, кто не может видеть. И говорит с нами с листа бумаги.

Я хотела бы, чтобы все услышали эту негромкую, но, в то же время, пронзительную речь.

Наталья СОКОЛОВА,
исполнительный директор Фонда «Со-единение»

Из разных ниш реальности

Так бывает часто: литературное произведение пишется автором для своих, обозримого круга тех, кто мыслит в одном направлении, говорит на общем языке и кому не нужно объяснять ничего из написанного. Если этот круг — профессиональные литераторы, то чем литературнее, тем лучше, тем больше шансов получить на выходе если не шедевр, то крепкое произведение, имеющее шансы найти читателя и за пределами ограниченного сообщества. Если же автор не является или еще не является профессиональным писателем, здесь образуются подчас замысловатые сюжеты. Например, нередко оказывается, что идентичности, скрепляющие такое сообщество, не всегда связаны лишь с любовью к словесности. Литература здесь — не путь к успеху (автор может о нем не думать вообще), но возможность проговорить коллективные травмы и расширить зону видимости самого сообщества. Добраться до читателя не столько через установленные в культуре механизмы отбора, оценивания и продвижения текстов, сколько благодаря социально значимой теме, актуальной проблеме, набору триггеров, что, замечу, вовсе не обесценивает чей-либо труд, но переводит разговор о нем в особую плоскость, где предметом обсуждения становится опыт. Опыт того, кто пережил что-либо экстремальное, и пишет об этом. Опыт читающего/воспринимающего, который печально соотносится или пугающе не соотносится с тем, что предлагает автор. Опыт социума в целом, в какой-то прогрессивной своей части осознающего остроту и необходимость сказанного. Опыт, который может отодвинуть художественность на второй план, а может с ней органично сочетаться.

Когда речь идет о таких чувствительных для индивида и социума моментах, как болезнь, физическая утрата, огра-

ничество возможностей, травма — и все это проговаривается авторами, берущимися что-либо написать, есть ли смысл подходить к оценке их трудов по гамбургскому счету? Но и другое: не обидны ли скидки? Понятно, что универсальных ответов на эти давно поставленные вопросы нет и не будет.

Что касается самих текстов, построенных вокруг экстраординарного и часто стигматизированного в социуме опыта болезни, то они очевидным образом часто носят документализированный характер, при том что поэзия, у которой, как показывает практика последних лет, есть существенный потенциал для работы с документом, подобный опыт только начинает осваивать, да и то лишь силами профессиональных авторов, но не тех, кто учится говорить о чем-то ощутимо личном.

В этом плане то, что делает Фонд поддержки слепоглухих «Со-единение», — в высшей степени своевременно. Литературный конкурс «Со-творчество» знакомит подопечных Фонда, имеющих потенциал к написанию текстов, и поэтов, прозаиков, критиков с их именами. Он сводит вместе обладателей не самого прозрачного опыта и тех, кто понимает, как использовать современный язык в разговоре о болезни и утрате, и умеет это делать.

Проект «Со-единения» поддерживает не только инклюзию, что само по себе достойно внимания и одобрения со стороны литературных сообществ, но и в целом становление культуры бережного отношения к Другому. И здесь его гуманитарная миссия совпадает с этическими установками русской литературы как проекта Нового времени, пытающегося сеять доброе, разумное, вечное (и делающего это, даже когда она, миссия, демонстративно отказывается от расхожих этических клише).

Выход второго сборника — первым было прошлогоднее «Зоркое сердце» — и сам факт проведения конкурса во второй раз показывают, что проект развивается. Привлекаются новые авторы, новые члены жюри. Показательно меняются рубрики конкурса; к литературе — поэзии, прозе, эссеистике — теперь примыкает журналистика, вполне качественная, появившаяся впервые в «Новой газете», на портале «Такие

дела» и в других центральных изданиях. Благодаря конкурсу и работе его кураторов создается многослойное инструментальное пространство, в рамках которого идет процесс разработки способов и языков описания опыта слепоглухих.

О чем пишут авторы, предложившие работы на конкурс? На самом деле — о чем угодно. Берем поэзию. О землесводе (Николай Кузнецов), охапках звезд (Евгения Смоленская), самоизоляции по случаю карантина (Наталья Демьяненко), непослушном мальчике Роме (Максим Черный), веселых лицах матросов (Елена Волох), ковиде и человекониках (Галина Ушакова), словах «да», «нет», «конечно» (Альбина Снежка) и т.д. Но именно в поэзии, если судить по сборнику, оказывается меньше всего востребовано эмпирическое — то, что составляет повседневность человека, пораженного болезнью.

Чувствую я сердцем вашу доброту,
И всегда, гуляя, к вам я подойду.
Положу я руки на березы ствол,
И проникнет в душу ласковый покой,

— пишет, например, Ирина Экимашева, и тотчас же опознается жест человека, который вынужден видеть руками. С другой стороны, появившись этот текст в издании, лишенном указания на особенности восприятия мира его авторов, этот же самый жест перестал бы быть прозрачным и сместился в сторону символических в русской культуре объятий с березой.

Поэзия здесь оказывается пространством, подсознательно оберегаемым от условной прозы жизни, сотканным из элементов прочувствованного и прочитанного — и прочитанного в нем, кажется, гораздо больше.

Ах, хочу быть ветром, по миру летать,
Ни о чем не думать, жить и не страдать.
Да, пусть капли бьются, крыши щекоча,
Пусть деревья гнутся, горестно ворча,

— и снова перед нами эвфемистическое письмо, в данном случае от Дмитрия Алексеевских. Если не знать об ограни-

ченных физических возможностях автора, то стихотворение спокойно прочитывается в контексте романтических представлений о свободе, как, например, «Узник» Пушкина.

Поэтическим текстом, наиболее приближенным к опыту повседневности слепоглухого человека, в сборнике оказывается «Белая трость» Веры Филатовой. Трость — инструмент навигации в мире слепых и слепоглухих. В стихотворении она — друг, подруга, глаза, руки, ноги, защитница и советчик, и даже волшебная палочка. «белая трость меня в гости проводит,/ трость защитит от бегущих навстречу,/ убережет от неровностей встречных...»

Хочу заметить, что в поэзии сборника не востребованы эксперименты вроде «МУЛОМНГ/ уЛВА» («Глухонемой») Алексея Крученых или того, что фигурирует в более поздних практиках русского авангарда, никогда не чуравшегося исследования и конструирования языка Другого. Но, может быть, в том и дело, что подопечные Фонда «Со-единение» не определяют себя как Других и не рефлексировать по поводу непрозрачных границ собственного опыта, по крайней мере в рамках поэтических практик. Им не свойственна трансгрессивность футуризма. Авторы стихотворений ориентируются в основном на классические образцы в диапазоне от Пушкина до Пастернака и практически не выходят за пределы условной традиционной поэзии.

Немного жаль, что второй сборник остался без раздела с текстами профессиональных поэтов (в первом это было, например, стихотворение Лиды Юсуповой «Гласные на кончиках пальцев»), пытающихся зайти на территорию эмпирически непознаваемого, т.е. оказался без движения навстречу по ту сторону границ, что было бы опасно для границ и хорошо для инклюзии и для самой поэзии, если понимать ее как речь на грани возможного, а иногда и за гранью.

Проза и эссеистика, опубликованные в сборнике, а также очень убедительный раздел с публицистикой, — попытка сборки максимально разнородного дискурса о слепоглухих и их проблемах.

Проза и эссеистика (которые здесь не сильно отличаются друг от друга) — ожидаемый и неизбежный автофикшн,

рассказ об индивидуальном опыте людей с ограниченными возможностями, пребывании их в самых разных ситуациях. Не случайно первое место в номинации «проза» занял эпистолярный Натальи Демьяненко и Анатолия Киселева — настоящая *lovestory* в декорациях Нового года, ведущая к началу новой — совместной — жизни. Это продолжение истории из первого конкурсного сборника «Зоркое сердце» — в первой части мужской персонаж (Анатолий) учит героиню пользоваться «Эльбрайлем» (видом дисплея Брайля) — и они постепенно влюблялись друг в друга; на этот раз уже Наташа учит Анатолия дактильной азбуке, необходимой для личного общения. История заканчивается предложением руки и сердца.

Один день из жизни слепоглухой, поездка с сыном-инвалидом в райцентр, описан Любовью Молодых в рассказе «Смородиновый морс»: «Нам надо успеть на автобус, который встречает пассажиров электрички и идет прямо до поликлиники, и сын начинает нервничать. В толпе теряю направление, он водит меня то туда, то сюда, кидается во все стороны».

«В этом рассказе я хочу написать о своих успехах и падениях, о радости и печали и о моей борьбе с самой собой», — честно признается Игорь Маркарян, описавший взрыв в мастерской, нахождение в больнице (операции, боль и множество других, очень тяжелых испытаний) и первичную реабилитацию, изменившие жизнь 26-летнего мужчины.

«Думаю, если я стал незрячим, так и надо. И больше не обижаюсь, когда посторонние говорят, что ты слепой. Или возле магазина начинают совать деньги, как нищему. Ты не обижаешься на них, они ведь просто не знают, как вести себя с такими людьми», — вот она, рефлексия о границах, которой не было в поэзии. Даже мечта о том, что можно прогнать черноту и увидеть солнце, появившаяся в сказке про орла и пантеру у самой юной участницы конкурса Александры Бегуновой, очевидным образом навеяна личными ощущениями и, возможно, опытом преодоления болезни.

Эссеистика, а тем более журналистика в сборнике еще в большей степени наполнены конкретными жизненными ситуациями и живыми деталями. Елена Волох знакомит читателей с четой Егоровых, участниками литстудии для лю-

дей с инвалидностью «Друза». Владимир Елфимов пытается выйти на разговор о социализации слепоглухих: «В самом деле, слепоглухой человек — просто человек, испытывающий большую нужду в общении с окружающим миром». Об общественной работе, придающей смысл жизни, пишет Владимир Рачкин. Разнообразить быт на карантине: сшить креативные маски или, собравшись дружеской компанией в WhatsApp, провести викторину, — предлагает Любовь Малофеева. «Мы вместе, каждый из нас “не один в темноте” — думаю, такое открытие сделал каждый из нас, и это главный итог наших виртуальных встреч в период самоизоляции», — говорит она.

Репортаж с театрального форума-фестиваля «Особый взгляд» представляет победитель в номинации «СМИ» Елена Дьякова. Портрет Елены Токаревой из Ялуторовска, полный понимания и эмпатии, создан Ольгой Чухачевой (2 место). Жизнь Жанны, обретшей дом благодаря Фонду «Соединение», оказалась в фокусе статьи Анны Поваго (3 место).

Перечислять сюжеты и рассказывать истории из сборника можно, наверное, долго; они вряд ли могут быть ограничены одной книгой. Хочу лишь подчеркнуть, что в «Обретенном свете» мы имеем дело с предельно личными историями, с теми самыми человеческими документами, которые оказываются подчас сильнее и убедительнее художественного вымысла.

И еще подумалось, а что есть со-единение, если не вот это бережное знакомство — сведение под одну обложку — людей не только из разных городов и стран, но и из разных ниш реальности?

Юлия ПОДЛУБНОВА,
кандидат филологических наук

НОМИНАЦИЯ «ПОЭЗИЯ»

Лауреат I степени

Николай Кузнецов (*Санкт-Петербург*)

Лауреат II степени

Евгения Смоленская (*Москва/Троицк*)

Лауреат III степени

Наталья Демьяненко (*Санкт-Петербург*)

Шорт-лист

Максим Черный (*Люберцы*)

Елена Волох (*Москва*)

Людмила Нерадовская (*Печора*)

Галина Ушакова (*Сочи/Кингисепп*)

Дмитрий Алексеевских (*Москва*)

Ирина Экимашева (*Псков*)

Альбина Снижко (*Воркута/Москва*)

Аркадий Грязев (*Верхний Уфалей*)

Лонг-лист

Вера Филатова (*Москва*)

Ирина Жукова (*Починок*)

Михаил Блусь (*Брянск*)

Надежда Грановецкая (*пгт Лучегорск, Приморский край*)

Карина Жакова (*Брянск*)

Николай
Кузнецов
Санкт-Петербург

*лауреат I степени конкурса
«Со-творчество» в номинации «Поэзия»*

Закат

Луною солнце вспорото —
И в глубине высот
С отливом красным золото
Заполонило свод.

Скажи, какую драмой,
Огромнейший сосуд,
Ты сдержанно и рьяно
зеркальный красишь пруд?

За горными вершинами
В румянце из огня
Под покрывало синее
Вскользают копи дня.

И, будто по приказу,
Под серебристый звон
Пылинки из алмазов
Расцветят окоем.

И серебро, и золото
На водяном стекле.
Луною солнце вспорото,
А хорошо — Земле.

Мятлик на фоне Земли

Чуть поодаль — безмятежность дымки,
Где, робея, шелестит заря, —
Мир прозрачней простенькой картинки.
Чу! А вдруг под легкостью травинки,
В тяжести безмолвного суглинка
Притаилась капля янтаря?

Невозможно!.. Крылышки жука
Увядали в плачущей смоле,
И под щебет радостный в дупле
Капля зрела, притаив века.

Где иду я? Древний, словно сон,
Тихий, твердый город под землей,
Мертвенно-холодный — и живой...
Сдавлены слои со всех сторон.

Колокольный звон грунтовых вод —
Клокотанье плазменных огней —
Жар ядра под безднами морей...
Как тяжел безмолвный землесвод!

Солнца гребень расчесал травинки,
Рассмеялась в облачках заря.
Мир прозрачней простенькой картинки:
Легче пуха дымка над суглинком.
Ухожу протоптанной тропинкой,
Больше ничего не говоря.

Часы Сальвадора

Связаны тени, привязаны тени
К колдунье, чертящей круги.
И мерно, и плавно в туман сновиденья
Звенящие вводят шаги.

И вздрогнули дуги, раздвинулись морем,
Обрушив на стрелку фонтан.
Текуче шагают часы Сальвадора
В спеленатый времени храм.

Сдавлена стрелка, раздавлена стрелка
Под градом растекшихся гор:
Звенящие цифры и дробно, и мелко
Смешались в испуганный хор.

Где время, как реку, — с рожденья до смерти,
От прошлых до будущих снов, —
Прямая, как пика, в плену круговерти
Считала колдунья часов,

Там вскрылись потоки, раскрылись потоки:
Расплавленный солнцем металл
Смывает лениво отрезки и сроки
С усталых мозолистых скал.

Плавленья упрямо, как кровь великана,
И вихрится, капая вниз.
Круги разомкнулись, но вспять, как ни странно,
В потоках моря родились.

Моря то скрывались, то вновь открывались —
Вот истинный времени лик:
Времен миллионы скрестились, смешались
В волнистый таинственный миг.

По-прежнему строго колдунья простора
Ведет времена по часам.
Но рядом шагают часы Сальвадора,
Открывшие вечности храм.

Евгения
Смоленская
Москва/Троицк

*лауреат II степени конкурса
«Со-творчество» в номинации «Поэзия»*

Май

Когда я первый свой венок
Вязала ленточкой атласной,
Весь мир, как будто бы у ног,
Лежал, понятный и прекрасный.

На расписной ковер полей,
Приняв каприз за провиденье,
Хрустальной туфелькой своей
Ступала я без сожаленья.

И если крик осенних стай
Смущал беспечное блаженство,
Мне снился ландышевый май
В лучах любви и совершенства.

И все же, юности волна
В свой час отхлынула покорно,
Но память красками полна,
И скрипок хор звучит минорно.

В ней, как ушедшие друзья,
Картины прошлого теснятся,
Былые песни соловья
Счастливой радугой искрятся.

Уединения часы
Теперь милее и дороже,
И даже капельки росы
Мне стало совестно тревожить.

И пусть цветочно-звездный рай
Не удивляет так, как прежде,
Навеки остается май
Причалом веры и надежды.

Сказочный лис

Далеко, далеко за морем,
Где фиалками пахнет бриз
И сплетаются сказкой зори,
Поселился пушистый лис.

Он построил дворец прекрасный
Из мечтаний своих и грез,
Каждый вечер на небе ясном
Собирает охапки звезд.

А потом в небольшой гостиной
Достает из ларца секрет,
Освещает огонь каминный
Бесконечно родной портрет.

Лис всю ночь мадригалы пишет
О безбрежной любви своей,
А под утро идет на крышу
Наблюдать за игрой теней.

Чтобы первым лучом рассветным
Успокоить немного кровь,
Отправляя с летящим ветром
К даме сердца свою любовь.

На заре он кларнет достанет,
Заиграет от соль-диез,
Ночь поспешно в долину канет,
И проснется счастливый лес.

А она не совсем случайно
Просыпается раньше птиц,
Глядя в небо, смахнет печально
Непослушную соль с ресниц.

Все глядит, как восход лучистый
Поднимается из морей,
Вспоминая, как лис пушистый
Первый раз улыбнулся ей.

Повторяет стихи и фразы,
Что ей ветер ночной принес,
Расставляя в большие вазы
Золотые охапки звезд.

Размышления под музыку Моцарта

Из века в век торопятся года,
И в слово «честь»
Еще трудней поверить.
Едва лишь вспыхнув, догорит звезда,
Где Моцарт есть,
Там будет и Сальери.

Что миновало, повторится вновь,
Нет ничего,
Что не дано по вере.
Где Моцарт есть, там будет и любовь,
Где нет его,
Не будет и Сальери.

И спор любви с враждою не остыл
В веках земли...
Наверно, мы забыли,
Как наш Спаситель кровью заплатил,
Чтоб мы смогли
Свои расправить крылья.

Вновь Моцарты величие креста
Из нот и гамм
На нотный стан разложат.
За горсть серебряных предав Христа,
Потом и сам
Иуда жить не сможет.

Наталья
Демьяненко
Санкт-Петербург

*лауреат III степени конкурса
«Со-творчество» в номинации «Поэзия»*

* * *

Я мечтала земной красотой насладиться:
сколько красок вокруг, сколько ярких чудес.
Только тьма налетела, как черная птица,
закрывая крылом взгляд Светила с небес.
И остались тогда мне прекрасные звуки:
шум дождя, птичья трель, звон гитарной струны.
А потом, словно злые костлявые руки
заглушили мне их пеленой тишины.
С детства манят меня тайны дальней дороги.
Мне хотелось пешком целый мир обойти.
Но смеялись опять непокорные боги,
не оставив мне даже тропинки пути.
Но пока силы есть, голос есть обращаться,
вам, далеким и близким, должна я сказать:
Верьте, люди, в любовь, верьте в жизнь, верьте в счастье —
они есть, они рядом — рукою подать.
От меня поклонитесь дорогам бескрайним,
облакам и росинке, блеснувшей в луче.
А со мной поделитесь душевным касаньем,
чудом жить поделитесь, рукой на плече.

Русалка

Она не тихой рыбкой трепетала.
Она русалкой ветреной была.
Тебя околдовала, ошептала,
в бездонный омут страсти завлекла.

Очаровала голосом и взглядом —
шутить, любя, но не шутя, любить.
И ты стремился, ты мечтал быть рядом,
Ну а потом вдруг захотел забыть.

Ты уходил, русалка не корила,
тоску доверив лишь вечерней мгле.
А за тобой бежать — где взять ей силы?
Русалки ведь не ходят по земле.

Но боль пройдет,
вода омоет раны,
и над волной поднимется опять:
прекрасной, нежной, ветреной и странной.
Начнет русалка снова колдовать.

А ты, когда немало слез обронишь,
минуя лет с десятков перевал,
опять придешь, свою русалку вспомнишь.
Ее еще никто не забывал.

Подружка

Не дают года нам, видно, мудрости —
все душой мы в прошлое летим.
И в мечтах с тобой, подружка юности,
мы до слез, до споров говорим.
Вкус любви знаком был или выдуман —
сочиненных в одночасье бед?
Нам, подружка, было страшно вымолвить...

Было целых девятнадцать лет.
Нам хотелось, дерзким и запальчивым,
отыскать дороги без следа.
Мы влюблялись в шумных глупых мальчиков.
Каждый раз влюблялись навсегда.

Ветер перемен развел безжалостно
наши жизни. Разметал мечты.
Где-то в прошлых днях твоих осталась я,
где-то в прошлых днях осталась ты.
Мы ведь знали, но забыли вроде бы,
как легко порвать, стереть, уйти.
А за двадцать лет так мало пройдено
и так мало сделано в пути.
В перепутьях радостей и трудностей
всех забот отринув океан,
я зову тебя, подружка юности,
как спасенье от нажитых ран.
Что нам годы, что нам солнце, радуги,
что дожди, дожди, дожди, дожди!
Просто ты приходи опять негаданно,
словно бы нечаянно приходи.
И опять открытые, беспечные:
жизнь одна! разлука не беда!
Все решим с тобой проблемы вечные.
И влюбляться будем...
Навсегда.

Из самоизоляции по случаю карантина

Меня учили жить открытой настезь.
И пусть иные цели далеки,
Есть самая святая цель — в ненастье
не оттолкнуть протянутой руки,
не ранить чувства равнодушным словом,
не говорить о краткости минут.
Открытой жить, а значит, быть готовой

Всегда идти туда, куда зовут.
Идти с поддержкой в непроглядность ночи,
Сказать: «Держись» тому, кто на краю;
И даже если будет трудно очень,
не растерять в пути любовь свою.
Любовь к дорогам, к солнцу, к звездам, к людям...
Пусть кто-то там, за закрытым окном,
Поверит вдруг, что мир лишь лучше будет,
лишь ярче с каждым наступившим днем.

Максим
Черный
Люберцы

*шорт-лист конкурса
«Со-творчество» в номинации «Поэзия»*

Чемпион

Во дворе большого дома
Непослушный мальчик Рома
То вприпрыжку, то и вскачь,
Целый день гоняет мяч!

Целый день — сплошной футбол!
Рома бьет — и снова гол!
Снова он вперед бежит,
Аж земля под ним дрожит!

По воротам Рома бьет,
А его уж мать зовет
И кричит ему в окно,
Что домой пора давно!

Но не трогает ни грамма,
Что давно его ждет мама,
Что звала давно на ужин,
Что он дома срочно нужен!

Чтобы в комнате прибрать
И с собакой погулять,
А еще побыть с братишкой,
Почитать малютке книжку!

И чтоб сам угомонился,
Причесался и умылся,
И без нервов и мороки,
Наконец, сел за уроки!

Но домой не хочет Рома.
Во дворе — не то что дома!
Во дворе сегодня он —
Настоящий чемпион!

Сквозь восторженные лица
За мячом он снова мчится!
Вновь земля под ним дрожит,
И домой он не спешит!

Вот он делает проход —
Финт, обводка, разворот,
Скорость, натиск и напор,
И удар — почти в упор!

Только гол не получился!
Вот досада — оступился!
Оступился, не забил,
Мяч в окошко угодил!

Зазвенели стекла в нем
И посыпались дождем!
Через раму и карниз
Полетели стекла вниз!

Опустел мгновенно двор,
Кто в подъезд, кто за забор!
Кто-то в кустики забрался,
Только Рома и остался.

Смотрит грустно на стекло,
А из носа потекло,

Слезы брызнули из глаз —
Что же будет с ним сейчас?!

Виноват он, виноват!
Вот вернуть бы все назад,
Время если бы вернуть,
На немножко, на чуть-чуть!

Он бы не был бы упрямым
И послушался бы маму!
И скорей-скорей домой
Он помчался бы стрелой!

Он бы там за дело взялся —
Сразу в комнате прибрался,
Он бы вытер пыль повсюду
И помог помыть посуду!

Он бы заданный урок
Заучил бы назубок!
И с братишкой посидел,
Он ему бы даже спел!

Но мечтать уже нет толка
Средь рассыпанных осколков!
Слезы брызнули опять —
Не воротишь время вспять!

Нанесен уже урон,
Вот и хнычет чемпион.
Наказаний строгих ждет
И ревет, ревет, ревет!

В городе дождь

Великий город под Луной —
Ты меня ждешь!
В кварталах поздний мой визит
Встречает дождь!
Стуча в упругие зонты,
Играет марш!
Ведет меня от суеты
В мой ночной вояж!

Зеркальных лужиц кутерьма —
В них пляшет свет,
И зыбким отблеском витрин
Мне шлет привет.
Бегут ручьи за мною вслед —
До дверей.
И каждый дарит свой секрет —
Огней большой букет!

Елена
Волох
Москва

*шорт-лист конкурса
«Со-творчество» в номинации «Поэзия»*

Память детства

Я когда-то малышкой была,
Папу с мамой за ручки вела.
Я ужасно любила шалить,
Их, родимых и милых, дразнить.
Но они были разные все же,
И реакции разные тоже.
Вот однажды куда-то мы шли,
Вдруг я ножки поджала свои
И повисла у них на руках,
Как на тросах... У мамы был страх.
Все боялась, что я упаду.
Отлупила меня на ходу.
А отец улыбнулся слегка.
ЦНС у спортсмена крепка!
Он меня, шалунишку, поднял,
Вверх подбросил и ловко поймал.
Маме нежно погладил плечо,
Не волнуйся, мол, все ничего!
Случай этот остался в душе.
Папа сдал на крутом вираже.
Был разрыв, а затем он погиб.
Камнепад, горный смерч его сшиб...
Жизнь хлестала меня без конца.
Не хватало поддержки отца...

Аналогия

Я плыву на плоту. Тишина. Пустота.
Лишь бескрайние волны несет океан.
Неужели подходит к концу маета,
Что зовется судьбой? Или это обман?
Снова шторм... Боже мой! Плот летит в никуда.
Погибаю... Рука ухватилась за штырь.
А вокруг лишь соленая, злая вода
И открытая настезь небесная ширь...
Сил немного совсем... Вот сейчас, вот сейчас,
Если так суждено... Помолюсь и вздохну,
Полюбуюсь на солнце, вздохну еще раз,
Отцеплюсь и пойду потихоньку ко дну...
Светлый луч пробежался по стылой волне.
Напоследок глотнули глаза красоту...
Чьи-то руки метнулись поспешно ко мне...
О, спасенье пришло! Я лежу на борту...
Тихо, сухо, тепло... Врач с надеждой глядит.
У матросов веселые лица.
И не знает никто, сколько бурь впереди,
Но кораблик наш к берегу мчится!

Людмила
Нерадовская
Печора

*шорт-лист конкурса
«Со-творчество» в номинации «Поэзия»*

Розы на снегу

Кругом зима, метель, морозы —
И все дорожки занесло.
А я хочу живые розы
Сажать на снег ветрам назло!

Я верю, что любовь поможет
Мне это чудо совершить.
А кто увидит это — сможет
С согретым сердцем жизнь прожить.

К чему отчаянье и слезы,
И боль души, и сердца крик?
Сажай на снег живые розы:
Твори добро, ведь жизнь — лишь миг!

Добро бессмысленно не канет.
И сквозь метели и пургу
Пусть каждый для кого-то станет
Живою розой на снегу!

Снежинка

Я снежинку поймала
И боюсь шелохнуться.

Может быть, это сон?
И мне страшно проснуться.

Я стою удивленно,
Тихо сердцем ликую:
Я поймала в ладонь
Красоту неземную!

Для кого-то — пустое,
Для меня же — немало:
Я подарок Творца,
Я снежинку поймала!

Эту хрупкую нежность,
Этот мир и блаженство,
Тишину волшебства
И микрон совершенства!

Время, стой, умоляю!
Задержишь на мгновенье!
Мне снежинку оставь
И продли наслаждение.

Метаморфоза

Я хотела бы в стеклянную вазу
Хоть на несколько секунд превратиться,
Чтоб удариться о камни, и сразу
В сотни маленьких осколков разбиться!

Чтоб на солнышке они заискрились,
Засверкали огоньками цветными,
Чтоб за ними все невзгоды укрылись,
Чтоб вся боль моя укрылась за ними.

Чтобы искорки от этих осколков
Огоньками по сердцам разбежались

И любовью разгорелись настолько,
Чтобы ею все подряд «заражались»!

Чтобы каждому по крошке досталось,
Чтобы каждый мог гореть и светиться,
Чтобы в каждом я любовью осталась!
А для этого не жалко разбиться!

Галина
Ушакова
Сочи/Кингисепп

*шорт-лист конкурса
«Со-творчество» в номинации «Поэзия»
спецприз за лучшее стихотворение о пандемии*

Ковид и Жизнь

Ковид так жесток и нещаден.
 Всех загнал под замок в челоуейники.
 Лбами столкнул тех, кто думал:
 Любимый — всегда родной,
 Родной — всегда любимый...
 В чувство тех привел, кто привык,
 Что дом — лишь ночлег да еда,
 Кто не помнил, что ждут его дома
 И с любовью готовятся к встрече.
 Взаперти оказалось, что на самом деле —
 Ни любви нет, ни капли малой уважения.
 А кто-то — наоборот — понимать начал,
 Хоть и запоздало,
 Что нет на свете
 Человека родней и любимей того, кто рядом.
 Все смешалось в людских душах,
 Вдруг потеряли смысл мечты и планы...
 Как сказано в Библии?
 Время разбрасывать камни и время их собирать.
 Мы камни бросали в тех, кто нас любит,
 Мы из любимых рук получаем камни...
 Переживаем мы. Сокрушаются о нас.
 Но вползает тихой змеей равнодушие
 И жалит подчас ненависти больней.

Вот у другого ситуация чуток получше —
 И злость нежданная вдруг берет,
 Улыбка дается с трудом, чужая нам радость не в радость.
 Ковид так жесток и коварен:
 Вспоминают тех,
 кто ушел с пути в свой час.
 Камень брошен
 В тебя или в него — совсем не важно.
 Лучше снять его с чужой души, тепло поговорив,
 И свою облегчить, прощенья попросив.
 Все камни отставить с пути, расчищая дороги.
 Жизнь так бывает порой тяжка от них —
 И мелкой гальки, и валунов огромных.
 Освобождайте, люди, закоулки душ,
 Прочищайте каналы сердец нежных.
 Худа нет — нет и добра, так говорит народ.
 Ковид неумолим, как руки хирурга:
 Режут и чистят — и раны зашивают.
 Но ковид не так безысходен, как иным кажется:
 Тех — разлучает, а тех — соединяет.
 Через тысячи километров, прорвав невидимые сети,
 Слышишь голос любимый, родной,
 Читаешь строки, написанные сердцем...
 И даже больше — просчитав за и против —
 Срываешься с места, обнять желая,
 И идти вместе вдаль, рука в руке, —
 Наперекор непонятной судьбе.
 Человечество страдает о несделанном, несбывшемся, —
 Значит, еще не время, значит, надо так.
 Учимся смирению, учимся любви,
 Постигаем по-новому жизни суть.
 Перед рассветом особенно холодно, темно,
 И душа плачет в ропоте и трепете,
 Но Бог милостив, Бог есть Любовь,
 И рассвет грядет, грядет радость,
 И забудут люди горечь невзгод странных тех,
 И от солнца лучей глаза засияют всех...

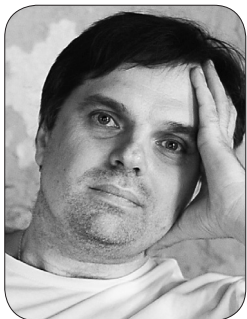
Птица в тумане

Свет — мой спаситель и друг.
 Свет — мой заклятый враг.
 Чем ярче мир, тем плотней белая пелена.
 Чем темнее вокруг, тем тяжелее страх...
 Но мир мой причудлив и часто он мне непонятен:
 Бывает, мрак вдруг приносит покой,
 Бывает, софит — кинжалом по глазам — наотмашь...
 Видишь людей, как деревья в лесу.
 Но с деревьями проще: там они не бегут, —
 И сложнее: руки-то они не протянут...
 Чаще идешь — как тетивы струна.
 И только изредка — как отпустив вожжи.
 Читаешь, строки — размытой тропой,
 Буквы, сорвавшись, плывут.
 Вглядываясь в картинку, гадаешь, что это:
 Расплывается, разбивается, рябит
 Точками, пятнами, мазками...
 И летит взгляд, как птица в тумане,
 И бьется об стекло, увидеть пытаюсь...
 И цвета не узнать, не узнать, не узнать...
 Синее ль небо под вечер? Неужто зеленое?
 Синее, синее! — Память добра на подсказку.
 Тяжек в руке апельсин: да разве он красный?
 Вот яблоко. Разве оно голубое?
 И в глухой тишине тебя накрывает шторм.
 И так сложно, так сложно в руках удерживать штурвал...
 Зеркала холод неслышно скользит под рукой:
 Где я? В стекле отражение боли, где я, наконец?!
 Ищу лицо свое — оно там, там, в сумраке...
 «Найти себя». Вот смешные... О чем вы, люди?
 Пальцем по темноте обводит память
 То, что помнит она и чего я не вижу...
 Мир гасит огни. Что впереди?
 Полная тишина и пустые глаза?
 Я бороться устала, я изнемогаю, Боже,
 От осознания, что отныне и не для меня

Свет и цвет — дар бесценный Небес.
 Я людей подчас узнаю и вещи,
 Только тронув, ощупав, погладив.
 Пока жива память линий, —
 Все же и я жива, жива и Богом любима...

Осенняя тоска

Сижу в кресле на веранде застекленной,
 Вскормленная в городе старушка еще недрыхлая...
 Дождь в окна стучит
 Тоскливый такой,
 Тоска просится посидеть тут со мной...
 Я яблок засушила, оладушек настряпала,
 Травяной чай в чашке заварила,
 Ложечку меду туда кинула,
 Но тоску присесть со мною не позвала.
 Стоит тоска у мокрого порога,
 Запуталась в волосах осенняя паутина,
 Грустно заглянули ко мне мохнатые эхинацеи,
 И огоньки гелиотропа тускнеют, тлея.
 По мокрой траве идти уже не сладко —
 Но скоро вот, скоро зимними вечерами
 Вспомнится мне лета мягкого сладость
 И сныть по колено, и крапива в рост,
 Ковер густой, роскошный клеверный.
 Пряный аромат отцветающих флоксов
 И сиротливо стоящая качалка на лужайке...
 Мое это царство, маленькое такое, —
 Но для меня — доступный мне мир,
 Где я властвую, где живу и пою.
 Скоро в дорогу, в дом свой у моря,
 Но весна придет — и опять сюда вернусь я.
 Уходи, тоска! Мне не по пути с тобою,
 И места тебе не найду за столом моим...

Дмитрий
Алексеевских
Москва

*шорт-лист конкурса
«Со-творчество» в номинации «Поэзия»*

Раздождилась осень, хмурится фонарь

Раздождилась осень, хмурится фонарь.
А у дальних сосен — сумрачная хмарь.
Улицы угрюмы — зябкие дома.
Тягостные думы сердце защемят.

Рассекает вечер огненный трамвай.
Лист, кружась навстречу, шепчет: «Ну, бывай!».
Заиграет ветер с зонтиком моим,
Ох, какой беспечный этот господин!

Ах, хочу быть ветром, по миру летать,
Ни о чем не думать, жить и не страдать.
Да, пусть капли бьются, крыши щекоча,
Пусть деревья гнутся, горестно ворча.

Ирина
Экимашева
Псков

*шорт-лист конкурса
«Со-творчество» в номинации «Поэзия»*

* * *

Солнышко в окошечке сквозь березки светится,
День к исходу клонится, вечер тихий близится.
Выйду я на улицу, погуляю рядышком
С вами, белоствольные, как олешки в пятнышках.
Вы, подружки милые, смóтрите мне вслед,
Машете листочками, шлете свой привет.
Чувствую я сердцем вашу доброту,
И всегда, гуляя, к вам я подойду.
Положу я руки на березы ствол,
и проникнет в душу ласковый покой.

* * *

Блистают купола,
Осенний ветерок,
Слегка дрожит листва,
А мы идем с тобой
Порою золотой.
Солнечный луч скользит за нами,
Лаская нас своими мягкими пальцами.
В полете мысль, кружится голова.
Парк, наша скамья.
Ты и я.

* * *

Вышло солнце из-за тучки вольной,
Озаряя землю ярким светом,
Навеяв мыслей ход спокойный,
Прогоняя грусть своим приветом.
Все проблемы в жизни проходимы,
Вот, порой, встают они стеною,
Но найду я путь необходимый.
Были бы друзья со мной, слепоглухою.
Вы, как солнце, улыбнитесь, люди,
И откройте двери мне, стучащей.
А про Божие ученье не забудем:
Подавайте помощи просящим!

Альбина
Снижко
Воркута/Москва

*шорт-лист конкурса
«Со-творчество» в номинации «Поэзия»*

Не ждите

Не ждите,
когда закончите институт,
когда родятся дети.
Хватит ждать,
когда начнете работать,
когда уйдете на пенсию,
когда женитесь,
разведетесь.
Не ждите вечера пятницы,
утра воскресенья,
покупки новой машины,
новой квартиры.
Минуты счастья — драгоценны,
это не конечный пункт путешествия,
а само путешествие.
Работайте не только ради денег,
Любите не в ожидании расставаний.
Самая ужасная ошибка,
которую, вы можете совершить —
это всю жизнь гнаться за целями,
не замечая, как мимо вас
пробегает ваша жизнь...

Начать писать стихи — КОНЕЧНО

У каждого человека
есть желание творить — КОНЕЧНО.
Наша жизнь и без того
слишком специализирована — ДА.
Мы занимаемся работой —
однообразной — ДА.
Не шьем — НЕТ,
не работаем с деревом
или металлом — НЕТ,
редко выращиваем растения — ДА.
Для того чтобы пилить лобзиком,
нужно место — ДА,
время и доброжелательные соседи — ДА,
а стихи можно писать по дороге
через пустырь домой или на работу — КОНЕЧНО.
Но обратите внимание:
несовершенные творения
очень часто вызывают восторг.
Парадокс? — НЕТ.
Кто-то считает, что достаточно запретить
низкопробные поделки,
и народ будет учиться на лучших образцах?
Ничего подобного! — НЕТ,
художественные достоинства стихотворения —
это ведь еще не все,
чем нас привлекает поэзия — ДА.
Конечно же, мы ищем что-то,
на что способна откликнуться душа — КОНЕЧНО.

Аркадий
Грязев
Верхний Уфалей

*шорт-лист конкурса
«Со-творчество» в номинации «Поэзия»*

Набат

Ветры вешние вновь повеяли,
Снова перепись вы затеяли.
Расскажите нам, покажите нам,
Где отцы лежат, по каким лесам?
Расскажите нам, покажите нам,
Где отцы лежат по глухим местам?
Где могилы их безымянные?..
Где останки их не убранные?..
Сестры, братья где? Сыновья лежат?
Им за упокой ветры бьют набат.
Сестры, братья где? Матери лежат?
Им за упокой лишь звучит набат...

Топь болотная приняла одних,
Гниль окопная спрятала других.
Может, сын там твой
Или брат лежит?!
Заросли травой все их блиндажи...
Не сынок ли твой там, отец, лежит?

Ветры вешние, расскажите, где? —
Чтоб останки их нам предать земле.
Ветры вешние, покажите, где,
Чтоб по-христиански их нам предать земле.

* * *

Родился в небольшом селе,
Семь человек было в семье.
Окончил семь я также классов.
Село любил, учился классно.
Трудиться с детства я любил
И с музою всегда дружил.
Служил во флоте, за границей,
В руках держал крепко синицу.
Живу девятый я уже десяток лет,
Слепой, глухой — душой поэт.

Вера
Филатова
Москва

*лонг-лист конкурса
«Со-творчество» в номинации «Поэзия»*

Белая трость

Белая трость впереди всегда ходит,
белая трость меня в гости проводит,
трость защитит от бегущих навстречу,
убережет от неровностей встречных:
бордюры, тропинка, трава или яма...
Подскажет: сворачивать нам или прямо,
ступеньку нащупает вниз или вверх —
это мужества нашего виден пример.
Белая трость — это наша подруга,
дорогу найдет и проводит до друга,
людям покажет, что помощь нужна.
Белая трость для нас очень важна!
Остановит машину она на пути,
подскажет, что надо помочь подойти.
Увидят прохожие белую трость —
к остановке проводят, предложат помочь.
Это наши глаза, наши руки и ноги —
не найти без нее нам до дома дороги.
Эту трость мы в дорогу всегда забираем.
Я стихи белой трости свои посвящаю.

Ирина
Жукова
Починок

лонг-лист конкурса
«Со-творчество» в номинации «Поэзия»

Душа

Душа замерзла,
Льдом сковало сердце,
Припорошило вьюгой злой
Эмоции и чувства.
Не ее все, не ее...

Живет она по-прежнему —
Дела, заботы.
На автопилоте в круговерти каждодневной.
Нет в ней больше трепетности легкой...
Словно старинная лампа перегорела вдруг,
Тускло все вокруг
Без нежности и радости.

Мистерия весенняя куда-то подевалась —
Испарилась...
Была ль она?

Может, все еще вернется? —
С надеждою душа спросила.
Все возможно, все возможно...
Но когда?..
Не знаю, —
Молвила Судьба...

Михаил
Блусь
Брянск

лонг-лист конкурса
«Со-творчество» в номинации «Поэзия»

Деду Николаю

*Мой дед, Николай Владимирович Блусь,
встретил войну на западной границе.
Опишу это стихом.*

Родился предок мой в Сибири,
Любил уральские хребты.
Немало знал о нашем мире,
Имел достойные черты.

Общительный и деликатный —
Немного иногда болтлив.
Всегда носил костюм изящный,
Во всех местах бывал учтив.

Он храбро с немцами сражался,
В боях к востоку отступал,
Но в окруженье оказался
И в плен к захватчикам попал.

Потом сестра мне рассказала,
Как дед мой из тюрьмы бежал.
К тому рассказу добавляла,
Как он Варшаву штурмом брал.

Пусть много лет уж миновало,
Давно и деда с нами нет,
Но сердце в память все собрало,
Он словно шлет опять привет.

Храм зазвонит колоколами,
Который дед восстановил,
Чтоб помнить все, что было с нами,
Для тех, кто жизнь нам подарил.

Надежда
Грановецкая
*пгт Лучегорск
(Приморский край)*

*лонг-лист конкурса
«Со-творчество» в номинации «Поэзия»*

* * *

А у меня такая есть мечта:
Чтоб не было слепых на белом свете!
Чтобы исчезла вакуум-пустота
Того, чего не видим на планете.
Красу Земли, сияние небес
И даже лужи под ногами.
Весной увидеть бы зеленый лес,
А летом — луг с цветущими цветами.
И очень хочется мне верить —
Слепым наука в мир распахнет двери,
Создаст такие нам глаза,
Что позавидует и зрячий.
Без зренья никому нельзя,
А одиноким к старости — тем паче.
Не пожелаю никому,
Ни даже лютому врагу,
Попасть в такую кабалу:
Зависеть от других людей,
Хоть выгляжу иных я здоровей...

Карина
Жакова
Брянск

лонг-лист конкурса
«Со-творчество» в номинации «Поэзия»

* * *

Танцую вальс на лезвии дождя,
Мы друг у друга в сладостном плену.
Текут минуты, тихо уходя
В мир прошлого, далекую страну.
Ночного леса непроглядна мгла,
Потоки ливня увлекают нас.
Хоть времени безжалостна стрела,
Не в силах мы забыть тот чудный вальс.

НОМИНАЦИЯ «Проза»

Лауреаты I степени

Наталья Демьяненко и Анатолий Киселев
(Санкт-Петербург / пос. Винзили, Тюменская область)

Лауреат II степени

Любовь Молодых (ст. Озерки, Алтайский край)

Лауреат III степени

Игорь Маркарян (Васильков, Украина)

Шорт-лист

Михаил Кременецкий (Астрахань)

Арина Деньмухамедова (Оренбург)

Владимир Елфимов (Новосибирск)

Приз самой юной участнице

Александра Бегунова (Великий Новгород)

Лонг-лист

Виталий Рольщиков (Железнодорожный)

Ирина Экимашева (Псков)

Александр Галан (Тюмень)

Ирина Жукова (Починок)

Наталья Демьяненко
Санкт-Петербург
Анатолий Киселев
пос. Винзили (Тюменская область)

лауреаты I степени конкурса
«Со-творчество» в номинации «Проза»

**10 писем,
которые подружили меня с дактилем**

ПРОЛОГ

Какое это все-таки замечательное изобретение электронная почта. Человек далеко, а письмо, им написанное, приходит мгновенно. Все, о чем думается, мечтается, переживается, все в письме и все актуально.

Так однажды я, благодаря почте, познакомилась с Анатолием Солиным. Я попросила помочь с освоением казавшейся на тот момент непостижимой техники. Толя помог, подружил меня с тифлокомпьютером. С тех пор так и пишутся письма из Питера в Тюмень и из Тюмени в Питер. Эта ниточка общения в письмах становится все прочней и необходимей. Потому что вдруг оказалось, что бывает такое: два совершенно разных человека с абсолютно непохожими судьбами встречаются и дополняют, повторяют друг друга во всем: в направленности мыслей, в понимании окружающего мира. Дополняют и повторяют почти сверхъестественно. Это дружба? Родство душ? Я не знаю. Но однажды я поняла, что наше виртуальное общение так хочется сделать реальным. На день, на два, на... На сколько возможно.

Наступила зима, а с ней и подготовка к новому году. Украсить дом, приготовить подарки для близких, найти в интер-

нете рецепты чего-нибудь интересного к новогоднему столу. Одним словом, все как всегда.

Но почему-то от этого «как всегда» в этот раз накатывает такая тоска... Нет, пусть в этом году будет по-другому.

Несколько дней обдумывала. Пришла идея устроить новогодний карнавал. Пусть все будет по высшему разряду! Много блеска, шума, новогодней мишуры. Гости. Близкие и не очень друзья.

Для колорита нужна изюминка, какое-нибудь необычное условие на карнавале.

Для чего мне все это нужно? Новый год наступит и без всякого карнавала. Вопросы потом. А вчера вечером я села к компьютеру и написала Толе. Тон письма был полушутливый, легкий. Я пригласила его на свой праздник. Теперь почему-то очень волнуюсь в ожидании ответа.

ПИСЬМО № 1

Наташа, вот и настали самые радостные, наполненные ожиданием чуда предновогодние деньки. За окном шумит ледяными горка. Тихо, кружась в замысловатом танце, падают снежинки. У нас, в Сибири, мороз опустился за 30, все в сугробах, но мыслями я в северной столице, в Санкт-Петербурге.

Там, прямо как в сказке, — за горами, за долами, живет Снежная королева. И она пригласила меня на новогодний карнавал. Но вот беда — на этом карнавале необходимо соблюдать одно, но существенное правило: не говорить! То есть общаться-то можно, но при этом ни слова сказать, ни фразу написать!

А может, компьютер взять? Кстати, эта королева не простая — она суперсовременная и замечательно владеет компьютером с помощью брайлевского дисплея! Но на карнавале это не выход. Не будешь же повсюду компьютер в кармане таскать, да и условие будет нарушено — писать-то нельзя!

Что делать? Должен же быть другой способ решения этой проблемы. Другой способ общения, когда два человека рядом. Казалось бы, чего проще! А может быть, просто задать этот

вопрос самой виновнице карнавала? Время еще есть. Напишу я Наташе письмо и задам этот вопрос. Чувствую — должен быть ответ. Он где-то летает между снежинок в воздухе. Не могло человечество что-нибудь да не изобрести в этом случае!

Скажи, Наташа, я ведь прав?

*

Толя, я, наверняка, не открою Америку, если скажу, что есть очень много вещей, которые можно сказать друг другу без слов. Впрочем, как и прочесть ненаписанное между строк. Но я не думаю, что суета карнавала, на который я жду тебя под новый год, нам это позволит. Да и все равно ведь захочется поговорить: поделиться мнениями, мыслями, просто новостями. Но — тссс! Правила есть правила.

На предстоящем празднике можно говорить, но только улыбками, взглядами, прикосновениями рук...

Подожди, подожди... Прикосновениями. А ведь это и есть ответ на твой вопрос, сможем ли мы общаться. И ведь сможем! С помощью дактилологии. Это азбука, буквы которой складываются из пальцев. Азбукой этой пользуются как люди, лишенные слуха, так и люди, лишенные одновременно слуха и зрения. Только последние при разговоре общаются рука в руку. Тебе не кажется, что это как раз то, что нам надо?

Я выучила эту азбуку лет пятнадцать назад. Хочешь, научу и тебя?

Толя, покажи мне кулак. Я не испугаюсь, наоборот, — порадуюсь, что первая буква алфавита у нас общая. Мы уже знаем ее. Кулак — это и есть буква «А» в азбуке дактиля.

Теперь слегка раскрой ладонь так, чтобы ногти указательного и среднего пальцев оказались как бы лежащими на согнутом большом. Безымянному и мизинцу места на большом пальце, скорее всего, не хватит, но нас это смущать не должно. Находясь в том же положении с указательным и средним пальцами (все четыре пальца согнуты и прижаты друг к другу), они образуют букву «Е». Как впечатление? По-моему, буква красивая.

Но если тебе не очень нравится, подними четыре не расстающихся пальца над большим. Получишь букву «С».

Ну, и чтобы не останавливаться на достигнутом, раскрой ладонь полностью, при этом плотно сжав пальцы. Ладонь должна напоминать дощечку. Теперь ты знаешь, как выглядит буква «В».

Если ты принимаешь такой способ нашего общения на карнавале, в следующих письмах познакомлю тебя с другими буквами.

И... карнавал ждет тебя. Город на Неве ждет тебя тоже.

И, конечно, жду тебя я.

Кстати, говорят, ласточка не делает весны, как, разумеется, и снег не делает зимы, а Новый год приходит в дома и в души, несмотря ни на что, но все-таки я очень надеюсь, что ко времени карнавала у нас здесь тоже затанцуют снежинки. Ты так красиво о них написал. Прихвати их с собой из Сибири в наш пока абсолютно бесснежный город, сможешь?

ПИСЬМО № 2

Наташа, со дня на день Новый год, а у вас до сих пор нет снега?! Для меня, сибиряка, это сравнимо с новогодним чудом! А помнится: какая вьюга разыгралась в Ленинграде, в ту Новогоднюю ночь, когда Ипполит спешил к Наде! Но, если что, мне не сложно — напихаю снежки во все карманы и обязательно доставлю тебе!

Насчет дактиля — это довольно-таки интересно. Припомнил, что, оказывается, тоже знаю четыре жеста.

Во-первых, кулак. Никак не ожидал, что это может быть чем-то другим, кроме демонстрации силы;

— кулак с выставленным вверх большим пальцем — тоже понятно, что это — хорошо;

— еще я знаю жест, когда указательным пальцем крутят у виска, но тебе такое показывать не буду;

— а вот еще жест, когда в кулаке большой палец протискивается между указательным и средним. Так... его я лучше себе покажу!

Мои познания «дактилологии» до сих пор на этом и заканчивались. А тут, оказывается, пока кулак до открытой ладони раскрывается — сразу четыре буквы возникают: А, Е, С, В!

Сейчас потренируюсь что-нибудь из них сообразить:

— АС — ну, это я учусь восхищаться мастерством пальцев;

— ЕС — это вместо «да», буду хвастаться познаниями английского;

— ВАС — уже умею к Вам обращаться;

— ЕВА — будет такая на карнавале?;

— СЕВА — это кавалер у Евы;

— САВА — соперник Севы;

— ВЕС — это я представляю, каким буду тяжелым со снежками в карманах;

— ВСЕ мы тут дружно собрались!

Тяжело, конечно, с непривычки, оказывается, пальцы строить. Но с каждым разом они все лучше начинают меня слушаться! Я работаю двумя руками — одна с другой разговаривают. Забавно!

Наташа, подбрось еще мне букв, пожалуйста.

*

Толя, к тому дню, когда ты будешь спешить ко мне на праздник, метели не обещаю, но небольшой снежок все-таки и у нас выпал, а точнее, как в песне группы «Пламя», которая мне очень нравится, — снег кружится, летает, летает...

Настоящая зимняя картинка, без которой, кажется, Новый год невозможно представить.

Кстати, как и без Ипполита, Жени и Нади, согласен? Я вот совершенно не признаю продолжение «Иронии судьбы». Для меня настоящее продолжение осталось за кадром, там, где с любимыми не расстаются.

Ну да вернемся к дактилю.

А с ним разговор у тебя, смотрю, пошел. Ха, к твоим знаниям жестов могу добавить еще один! По аналогии с жестом «хорошо», где, как ты верно сказал, вверх выставляется большой палец, используется жест «плохо» — при сжатом кулаке вверх поднимается мизинец. Да, я тоже уверена, что при

встрече жест, обозначающий плохое, нам не может понадобиться, но все-таки попробуй сложить соответствующую комбинацию из пальцев. Ты ведь просил еще букв, а этот жест, кроме того, о чем я уже упомянула, обозначает так же и букву «Ю». А эта буква хоть и редкая, но иногда без нее не обойтись.

Вот такой разговорчивый мизинец. Если из кулака за компанию к нему выпустить еще и безымянный палец, получится буква «И». Крутнувшись слева направо, те же пальцы покажут нам «Й».

Ну а если спрячешь все пальцы в кулаке, кроме указательного, а потом начертишь им в воздухе два полукружия, ты получишь дактильную «З».

В следующий раз я познакомлю тебя с абсолютно волшебным свойством большого пальца образовывать разные буквы. А пока в ожидании праздника ломаю голову над нарядом и прической, которыми мне очень хочется поразить гостей. И особенно одного из них. Если выучишь дактильную азбуку, на карнавале я обязательно назову тебе его имя.

ПИСЬМО № 3

Наташа, в последнем письме ты спрашивала про мое отношение к «Ирониям судьбы» старого и нового разлива. Я с тобой, конечно, согласен. Нет, лучше скажу вот так:

«Я тебе, конечно, верю,

Разве могут быть сомненья —

Я и сам все это видел,

Это наш с тобой секрет,

Наш с тобой секрет!»

А между тем, идея с дактилем меня затягивает. Если вчера я строил слова, постепенно раскрывая кулак, то сегодня пальцы самостоятельно — по одному и парами — стали заявлять о себе:

ИВА;

ВИЙ;

ВАЗА;

ВИЗА;

ЗЕВС;
ВСЮ;
ВЕЙ;
ВЕЮ;
СЕЙ;
СЕЮ;
ИВАСИ.

Не-ет. Наташа, вот посмотри — о какой иваси мы будем говорить на новогоднем карнавале? Так хочется чего-то великого! Например, о ЗИ_Е. А еще лучше о ВЕС_Е! И, конечно же, о _Ю_ВИ!

Но, видишь сама, — не хватает всего-то двух-трех букв, но, порой, самых главных.

Так что буду ждать от тебя нового урока. И, гадая, какое же ты напишешь мне слово, пожую у елочки ИЗЮ_.

*

Толя, а знаешь, лет в одиннадцать на новогоднем вечере в школе я была Мальвиной. Почему именно Мальвиной, честно говоря, не знаю. Память точно не подводит — волосы в голубой цвет я не перекрашивала. Зато в первый раз в жизни закрутила их в колечки. Ну а немножко Снегурочкой я, признаюсь, чувствую себя каждый новый год. Наверно, отсюда и любовь к карнавалам.

О! Действительно, разговор про иваси на вечере будет не совсем актуален.

Да, да и да, я тоже за то, чтобы поговорить о весне, розах, о том, что уже пора...

И тогда, как и обещала, раскрою маленький секрет большого пальца. В дактиле он тоже очень любит, как я в детстве, делать колечки, но, разумеется, не из волос, а в сочетании с другими пальцами, и, в зависимости от того, с каким именно образуется кружок, перед нами появляется очередная буква дактильной азбуки.

Попробуем?

Соедини большой палец с указательным. Остальные прямые смотрят вверх. Знакомься: это буква «О».

А теперь соедини большой палец со средним, остальные четко вытянуты вверх — ура! Перед нами буква «Р».

А если соединить большой палец с безымянным, получится буква «Н».

Как видишь, уже достаточно много слов можно сказать из известных тебе букв. А у нас еще мизинец остался. Если его соединить в кружок с большим пальцем, мы получим...

А, кстати, много чего получим, и мне не терпится тебе об этом рассказать, потому что, познакомившись со следующими буквами, ты сможешь дактилем обратиться ко мне по имени. А ведь я никогда не думала, что так бывает: оценила звучание и начертание собственного имени только познакомившись с тобой. Но придется набраться терпения. Тебе нужно приучить пальцы к новым буквам, а мне — готовиться к празднику и встрече моего гостя. Или, впрочем, это одно и то же?

ПИСЬМО № 4

Наташа, я уже представляю, как закручиваю колечки на волосах у Снегурочки... Только так и не понял, какая же буква будет, если большим пальцем прижать к ладони мизинец.

А так, конечно, интересно. До сих пор я был наивно уверен, что такие колечки рука формирует исключительно при производстве щелбанов. При этом даже, я бы сказал, музыкальных щелбанов. Ведь каждый палец вызывает своеобразный гул в голове оппонента! А оказывается...

А сейчас сразу и посмотрю, что получается:

ОН, ОНО, ОНА, ОНИ;
ОСА, НОС, СОН, СОР;
РОЗА, РАНА, НОРА, ВЕРА;
ВИНО, СЕНО, НЕВА, ИРИС;
ЗЕРНО, ВЕСНА, ВОЙНА, АВРОРА.

Красивые, четкие буквы получаются даже у меня. Но есть одна проблема. Когда я «пишу» слово, вероятно, необходимо, чтобы пальцы плавно переходили из комбинации одной буквы в комбинацию другой. А они, пальцы, сделав одну букву, тут же стремятся расслабиться, выпрямиться. Это, наверное, будет создавать проблемы при их распознавании. К тому же,

необходимо учиться делать это быстро, при этом четко фиксируя каждую букву. Это все не так просто!

Наташа, мне не хватает буквально двух букв, чтобы обратиться к тебе на дактиле. Вот как их выгучу, сразу и поеду в карнавальную санкт-петербургскую ночь. Так не терпится встретиться с главной героиней этого карнавала!

*

Вот так всегда и бывает. Снегурочка боится растаять при встрече, а кто-то думает о щелбанах. Хотя производство щелбанов в нашем случае тоже пригодится. Пальцы удобно тренировать (нет, нет, не в Питере). Просто я на днях прочитала, что специалисты советуют при использовании дактиля держать пальцы в небольшом напряжении, как будто в них спрятаны пружинки, и дактилирующая рука не должна уподобляться, как было метко сказано, пустой перчатке, вздувшейся поговорить.

Ну а те буквы, с которыми я обещала тебя познакомить, — вот они.

Большой палец и мизинец в колечке. Оставшиеся: указательный, средний и безымянный пальцы слегка раздвинуты и смотрят вниз — это буква «М».

А теперь эти же пальцы, направленные вниз, плотно сожми — ты сейчас показываешь букву «Т».

Поверни кисть руки так, чтобы указательный, средний и безымянный пальцы, так же плотно сжатые, были обращены кверху. Такая фигурка обозначает букву «Ш».

Ну вот, теперь ты сможешь мое сокращенное имя сказать без труда, а я, между тем, поменялась с тобой ролями. Из твоего сокращенного имени могу произнести — чтобы ты смог меня понять — только две буквы.

Но это не страшно. Я расскажу тебе о недостающих чуть позже. С этим проблем не будет. Меня беспокоят две другие проблемы. Сказать, какие? Хорошо, я попробую, хотя ты, наверно, и сам знаешь, как иногда трудно облечь в слова полный душевный сумбур. Первая проблема — это время, когда каждый день, как год, его хочется торопить и подгонять.

Вторая проблема... А тоже время, которое не идет, а мчится — не знаешь, как хоть чуть-чуть задержать.

Первую трудность почти остановившихся минут и часов мне сейчас приходится преодолевать одной. Над решением второй думать еще предстоит. Мне так хочется, чтобы ты мне в этом помог, Толя.

ПИСЬМО № 5

«Луч солнца золотого

Тьмы скрыта пелена...»

Ура! Я могу начертать все буквы твоего имени — НАТАША!

Привет! Как, оказывается, много могут сделать эти два пальца, соединенные вместе, — большой и мизинец!

Сейчас же попробую еще что-нибудь сообразить из вновь изученных букв:

НАША МАША;

ШИРШЕ СМОТРИ;

МОРОЗ МОСТИТ ШОССЕ;

ИЗ ТЮМЕНИ НА МАШИНЕ;

ОСТРОВ С МАМОНТАМИ В МОРЕ;

САША ИМЕЕТ СВОЙ РЕСТОРАН.

Все, Наташа, я сажусь на поезд, и к тебе. Сейчас я знаю главное — как сказать дактильно имя Снегурочки! Но дорога длинная, поэтому надеюсь, что успею получить от тебя пару писем и прибыть во всеоружии.

*

Толя, а я опять смотрю на время. Ты в поезде, а значит, с каждой минутой становишься ближе. Я представляю тебя в этом поезде. Стук колес, за окном одна картинка сменяет другую... Какой город ты сейчас проезжаешь? Сколько километров и часов отделяют тебя от меня?

Ура, мое имя ты теперь скажешь и дактилем. Мне даже завидно! Я тоже хочу говорить дактилем твое имя, а знания букв на двоих пока не хватает. Но это поправимо. Знаешь, в дактильной азбуке есть немало букв, которые можно показать

с помощью всего двух пальцев: указательного и среднего. Ну, например, фразу «кляп для бяк» полностью можно сказать только этими двумя пальцами.

Вот, смотри:

если указательный и средний пальцы, направленные вниз, развести в стороны, получится буква «Л». Похожа на зрячую печатную, правда? Мне когда-то в ней это очень понравилось.

Теперь держи пальцы так же, но плотно сожми. Это уже дактильная буква «П».

А попробуй средний палец положить на указательный — в дактиле так обозначается буква «Я».

Давай я тебе еще букву «К» покажу, чтобы можно было больше слов составить, пока будешь тренироваться, а остальные буквы из этих пальцев завтра напишу. «К» — сжать указательный и средний пальцы, а кисть руки повернуть боком. Из такого положения сделать кистью рубящий жест сверху вниз. Букву «К» неплохо бы показывать как можно четче, иначе ее легко перепутать с другими похожими.

Время? Пока писала, ты приблизился еще на километры. Удобное ли у тебя купе, Толя? Не беспокоят ли соседи? Я уже почти сама в том же поезде.

А до карнавала осталось двое суток.

ПИСЬМО № 6

Привет, Наташа, привет!

Это я так, тренируюсь, как буду дактильно здороваться с тобой на карнавале. Нет, Евгений в «Иронии судьбы» был не прав, когда пренебрег предложением Нади возвращаться на поезде. Современный поезд со спецкупе для инвалидов делает поездку комфортной. А время, которое всегда спешит, здесь неожиданно замедляется, что позволяет чуть оглянуться, разобраться, в первую очередь, с самим собой.

Несмотря на то, что в этом купе я еду один (место надо мной предназначено для сопровождающего) и не вижу, что за окном, — благодаря навигационному приложению в теле-

фоне, всегда точно знаю, где проезжаю в данный момент. Это очень интересно и познавательно — ощущать себя путешественником и открывателем. Но, в первую очередь, время, которое неожиданно у меня появилось, я могу использовать на изучение новых букв, с которыми ты познакомила меня.

Вот сразу и вспомню все буквы, которые знаю:

А — алмаз, Аврора, Атлантида;
 Е — Европа, Есенин, Екатерина;
 С — солома, сорока, соловей;
 В — восток, ветер, всадник;
 Ю — Юнона, ювелир, юнкер;
 И — известия, истина, излом;
 Й — йота, Йошкар-Ола, Йорк;
 З — Зимний, знакомство, Златовласка;
 О — олово, окошко, орнамент;
 Р — Россия, река, риск;
 Н — Нева, Наталия, нрав;
 М — молния, малина, мимоза;
 Т — трюк, трюмо, томление;
 Ш — шарик, школа, шлем;
 Л — люстра, лесник, локомотив;
 П — Питер, повозка, привет;
 Я — ясли, яркий, явление;
 К — карнавал, краски, красота.

А вот фраза «кляп для бяк» у меня, к сожалению, никак не получается — я еще не знаю ни букву «Д», ни букву «Б»! Даже обидно!

Наташа, а наряды для карнавала уже определены? Можно, каждый будет представлять какую-нибудь букву в алфавите дактиля? Если Снегурочка не против, я быстренько беру для себя букву «А». На то есть уважительная причина — я и Анатолий, и первый в очереди на раздаче букв!

А за окном город Верещагино. Какое название, словно по картинной галерее еду!

*

Толя, как много, оказывается, красивых слов можно составить даже из неполного алфавита. С эстетическим удоволь-

ствием читала: «алмаз, аврора, Атлантида... Юнона, ювелир, юнкер». Переливающееся ожерелье из слов.

А я так рада, что в купе тебе комфортно! Но, в то же время, жду, когда ты его покинешь и сойдешь на перрон Московского вокзала.

Все-таки ожидание встречи — ни с чем не сравнимое ощущение. Слышала утверждение, что мечты не могут не разочаровать, потому что, когда мы ждем, мечтаем обо всем сразу, порой, с противоположных точек зрения. Но как можно не ждать, когда ты совсем близко? Как можно не мечтать?!

О, интересная идея. Заметано, бери букву «А» на карнавал. А я пока подумаю, в качестве какой буквы выступить мне. Хотелось бы стоять рядом с тобой, но есть некоторые сомнения относительно той буквы, которая идет в алфавите сразу после «А»...

Шутки шутками, а за мной обещанные буквы дактиля. Уже упомянутая за кадром буква «Б» показывается так. Указательный палец вытянут вверх, средний, согнутый в крючок, прижимается к указательному. Остальные пальцы поджаты таким образом, чтобы крючок из среднего четко возвышался над ними. Иначе на ощупь непросто распознать букву.

Остальные буквы из этих пальцев просто отдых:

— если вытянуть указательный и средний пальцы вперед, а потом сделать ими кружок против часовой стрелки, получится буква «Д»;

— а согнутые указательный и средний пальцы, разведенные и направленные вверх в виде рожек, обозначают в дактиле «Ё».

Теперь оба эти пальца выпрями, плотно сожми, но оставь направленными кверху. И сделай легкое движение вниз всей кистью. Это буква «Ц». Помнишь, как печатные буквы изображаются? «Ц» — перевернутая вверх ногами «П», только с хвостиком. Вот это движение вниз и обозначает хвостик.

По такому же принципу показывают дактильную букву «Щ». Указательный, средний и безымянный пальцы смотрят вверх, кисть делает небольшое движение вниз.

Сегодня много букв получилось. Но ведь до Питера тебе осталось ехать несколько часов, а алфавит еще не весь

в нашем распоряжении. Поэтому приходится торопиться, ну а я уже несколько раз определилась, разочаровалась и снова определилась с нарядом, как и всегда перед большим праздником. Тем более что сейчас — не как всегда. Этот праздник будет особенный, и ты знаешь почему, правда? Письма, письма, письма, но совсем скоро я смогу написать тебе: до встречи.

ПИСЬМО № 7

Здравствуй, Наташа.

Сегодня со мной случилось что-то чудное. Уснув вечером, я продолжил путешествие по железной дороге во сне. Снилось ночью, ритмично подергиваются шторы на окне. А за ним над зданием вокзала ярко светятся буквы «Сергач». Потом как-то резко наступил день, и я иду по этому городу, при этом смотрю на него с высоты птичьего полета. Весь город оказался окружен горами, на вершинах которых стоят ослепительно белые церкви, а от маковок повсюду вместе с колокольным звоном разливается золотистый свет.

Честно признаюсь, не каждую ночь мне снятся цветные сны, далеко не каждую. Но самое удивительное — когда я, проснувшись, посмотрел по навигатору, где еду, то оказалось, что действительно ночью поезд проезжал город с таким названием.

Нет, что ни говори, но настоящая дорога ощущается только в поезде. Можно многое вспомнить, помечтать, ну и поучиться. Вот буквально сейчас я этим и займусь, чтобы крепче освоить новые буквы алфавита в дактильном исполнении:

Б — блок, бомба, барабан;

Д — дом, домбра, дрова;

Ё — ёлка, ёмкий, клён;

Ц — цирк, царица, циклоп;

Щ — щит, щеколда, щенок.

Пока изучал буквы, даже не заметил, как прошло время, и мой поезд вышел на прямую дорогу на Санкт-Петербург! Уже совсем скоро, буквально через считанные минуты, я окажусь, Наташа, рядом с тобой в карнавальном круговороте.

И еще. Можно, Наташа, чтобы я увидел тебя издалека, попросить Снегурочку надеть подвенечное белое платье?

*

Ну вот и наступил этот день — день карнавала, день твоего приезда, Толя. Письмо мое тебя в поезде уже не застанет. Застанет где-то в городе. Ты уже совсем рядом, и мне кажется, даже город стал неуловимо другим. Ты когда-нибудь замечал, что окружающий нас мир: природа, предметы, даже люди — меняются в зависимости от нашего настроения? Не бывает плохих людей, плохой погоды. И любые сны сейчас могут обещать только хорошее.

Но буквы! У нас остались невыученные буквы! Сейчас расскажу о трех очень похожих. Показывают их двумя пальцами, большим и указательным. Остальные скромно спрятались, понимая, что сейчас не их выход.

Итак, большой и указательный пальцы вытянуты: большой в сторону, указательный ему перпендикулярен и направлен вниз. Ты уже, наверное, догадался, какая это буква. Точно, буква («Г»).

А теперь при том же положении большого пальца, поверни указательный так, чтобы он смотрел строго вверх. Это еще не буква, это фигурка, которая может показать или твердый, или мягкий знак в зависимости от того, в какую сторону ты сделаешь поворот кистью. Если сделаешь резкое движение по часовой стрелке, получится твердый знак, а против — мягкий.

Осталось еще несколько букв. Наверняка ты с ними познакомишься, находясь рядом со мной. Сейчас мне надо идти. Мой город уже встретил тебя, моя улица ждет тебя, мой дом — это уже почти я...

У меня такое чувство, как у заколдованной принцессы, которой нужно сделать так, чтобы принц узнал ее из десятка похожих девушек.

Помнишь, как у Высоцкого:

«Здесь лапы у ели дрожат на весу,

Здесь птицы щебечут тревожно.

Живешь в заколдованном диком лесу,

Откуда уйти невозможно.

Пусть черемухи сохнут бельем на ветру,
Пусть дождем опадают сирени —
Все равно я оттуда тебя заберу
Во дворец, где играют свирели».

Я уже почти ощущаю себя хозяйкой этого дворца со свирелями. Но сейчас важно, чтобы мой гость нашел, увидел, узнал и выбрал меня, именно меня. Я иду надевать подвенечное платье.

ПИСЬМО № 8

Привет! Вот и я! Прибыл в твой город, как сибирский снегирь, с полными карманами снега, как обещал... А тут дивная сказочная зима! Все в таких замороженных кружевах, а воздух буквально звенит! Так и хочется оповестить всех о своем прибытии криком... А вот как это сделать, чтобы это было красиво? Попробую, пока иду по городу, посвистеть, подражая тем птицам, названия которых я уже могу набрать дактилем:

1. А — альбатрос;
2. Б — буревестник;
3. В — ворона;
4. Г — голубь;
5. Д — дрозд;
6. Е — египетская цапля;
7. Ё — королёк;
8. З — зяблик;
9. И — иволга;
10. Й — индейка;
11. К — колибри;
12. Л — лебедь;
13. М — малиновка;
14. Н — нектарница;
15. О — орел;
16. П — павлин;
17. Р — райская птица;
18. С — соловей;

- 19. Т — тетерев;
- 20. Ц — цибиз;
- 21. Ш — шабашка;
- 22. Щ — щеголь;
- 23. Ъ — съезд скворцов;
- 24. Ь — птица-секретарь;
- 25. Ю — юрок;
- 26. Я — ястреб.

О! Я вижу, вижу очаровательную королеву карнавала! И она совсем не заколдованная, даже и не строгая. А может быть, она услышала мое птичье пение и поэтому улыбается мне? Интересно, какая трель ей больше понравилась?

«ПРИВЕТ, МИЛАЯ КОРОЛЕВА!» — пишу я тебе дактилем в ладонь...

*

Съезд скворцов — какая красота!

Толя, привет! Привет, дорогой мой гость!

Наконец-то! Пойдем со мной. Я тебя больше от себя не отп... Пока не сказать. Пойдем, Толя. На карнавале столько красавиц, но... смотри только на меня, ладно? Затеряемся в блеске праздника.

А вот здесь давай остановимся, поговорим. Только я и...

Мой далекий, но уже близкий принц. Я подбираю слова. Заметил? А мне надо, надо, так надо говорить тебе все.

Вот я, а вот т... А вместе м...

Давай тогда снова к дактилю. Второй палец и мизинец поставь прямо, а оставшиеся — спрятались.

Все, дактильная «Ы» с нами.

Ты со мной, мы вместе.

На ...лице темно. Нет, не на лице, а на ...лице. А на лице ...лыбка. ... тебя теплая р...ка.

Мизинец и большой палец вытянуты, остальные спрятались.

Такая в дактиле «У».

Ура, ура, ура! Я сразу объясню тебе и другие буквы.

Оре...и, ...олодно, ...ризантемы.

Букву («Х») показывает только указательный палец. Простого согни его. Да, вот так, — во второй фаланге.

Ха, как хорошо!

...кскурсия, ...верест, ...кватор.

Нужна буква «Э». Указательный так же согнут, как при букве «х», но к нему добавляется еще и большой палец. Вместе с указательным образуя как бы полукруг. Теперь и это у нас есть!

Толя, я хотела бы, если ты не против...

Ну вот, нас ищут другие гости. А я и забыла давно о них...

Как обидно! Но у нас впереди еще много времени. И разве не это самое главное?

ПИСЬМО № 9

— О, Вы прекрасны, восхитительная королева бала!

Кто придумал такую замечательную вещь, как дактиль? Когда можно при разговоре с самой королевой касаться ее рук! А как трепетно и нежно Вы считываете своими руками мое признание!

А я пишу, пишу, пишу! А Вы так чувственно молчите...

Ну что ж, нас увлекают в хоровод! Мы кружимся, и я пою:

«На мгновенье надо

Детство возвратить.

Мы теперь утята,

И так прекрасно

На свете ...ить».

Ой! А с буквой («Ж») заминка получилась. И как же мне теперь без этой буквы жить?

Королева, выручай! Побежали в уютный уголок, где ты мне покажешь последние и столь нужные буквы!

*

Я думаю, здесь нас никто не найдет. А, вероятно, и искать не будут. Гости там, где музыка, шампанское, салют. А здесь только мы и звезды за окном.

Давай у этого окошка я покажу тебе последние буквы дактиля.

Пальцы, указательный, средний, безымянный и мизинец, плотно сжаты. Наклони их так, чтобы с ладонью они обра-

зовали почти прямой угол. А большой палец при этом пусть подпирает средний в самом центре снизу. Да, вот так. У тебя замечательно получается. Это буква «Ж».

А теперь большой палец сдвинь так, чтобы он при том же положении, как в предыдущей букве четырех собратьев, прижимался к боку указательного. Это дактильная буква «Ф».

И еще одна буква. Последняя. Сложи большой, указательный и средний пальцы шепоткой. Так же, как ты делаешь, когда крестишься. Все правильно. Буква «Ч» тоже с нами, как и весь алфавит.

Все, ура!

Скажи, тебе не кажется, что каждая буква приближала нас к этой минуте так же, как поезд приближал ко мне моего самого долгожданного и желанного гостя? И эти три буквы. Какая вроде бы ерунда. А все равно. «Ж»: уже не нужно ни о чем жалеть. Можно только желать до головокружения и ждать.

Так. А с буквой «Ф»: мы будем фантазировать под эффектные всполохи фейерверка.

Забавно.

Хотя все это неважно.

Или важно?

А знаешь, отойдем от окна.

Толя!

Почему у меня такое чувство, что этой ночью, точнее, прямо сейчас, с нами случится какое-то чудо?

ПИСЬМО № 10

Наташа... Я что-то волнуюсь. Давай, действительно, отойдем от окна.

Есть же такие вещи, которые бывает так трудно сказать голосом...

Вот, дурной! — у меня же есть палочка-выручалочка — дактиль — язык без слов.

Самое главное сейчас, чтобы руки не дрожали и не потели. Все. Нахожу твою руку и говорю:

«Я Вас люблю!»

«Будьте моей женой!»

Сказал!

А сейчас, пока ты думаешь над моими словами, надо как-то заполнить это томящее время, которое, кажется, совсем остановилось. Что-то надо говорить. А вот быстренько повтори слова с новыми буквами:

Ж — желанная, жизнерадостная, женственная;

Ф — фантастическая, феерическая, эффектная;

Ч — чарующая, чудесная, чистосердечная.

Что? Твои пальчики что-то сказали? Какое-то короткое слово из двух букв. Повтори, повтори их, пожалуйста!

*

Толя! Ты чувствуешь? У меня рука дрожит.

Но я повторю. Повторю... Я ответила тебе — «да».

А дактиль, оказывается, может прийти на помощь и тогда, когда рука — единственное, что в определенный момент свободно и может говорить.

Когда голос, кажется, совсем не к месту, а губы...

Воспользуюсь этой возможностью. Скажу дактилем: «Люблю. Люблю тебя, Толя».

А для остальных разговоров у нас еще будет время — вся жизнь.

Санкт-Петербург — Тюмень

2020 г.

**Любовь
Молодых**
*ст. Озерки
(Алтайский край)*

*лауреат II степени конкурса
«Со-творчество» в номинации «Проза»*

Смородиновый морс

Встаю по будильнику. Сегодня мы едем в райцентр под-писать у завполиклиникой бумаги. Слушая плотный звон в голове, первым делом привычно тянусь за глюкометром и шприц-ручками. Прокалываю палец, долго всматриваюсь, появилась ли капля крови. Так и не поняв, подношу глюкометр со вставленной тест-полоской, медленно веду его по коже пальца. Возможно, капля есть, возможно — нет. А может быть, она уже скатилась к ладони. Бывает, я порчу так по две-три полоски. Но прибор едва слышно пикает — взял кровь. С некоторым замиранием жду — достаточно ли? Второй сигнал звучит через пять секунд — все в порядке.

Вообще-то говорящий глюкометр у меня есть. Но поло-ски к нему две недели как закончились, новые обещали при-слать только через десять дней. Спасибо моему эндокриноло-гу — выписала две коробки к неговорящему. Но на нем почти ничего нельзя рассмотреть, особенно по утрам. И кто придумал, чтобы тонкие черные цифры были на сером фоне? 6.6. Отлично.

Подхожу к комнате сына:

— Валер, вставай.

Он бормочет что-то, просыпаясь. Через несколько минут предстает передо мной:

— Доброе утро. Как спалось?

Я привыкла к его произношению, понимаю.

Провожу пальцами по его щеке:

— Побрейся сегодня.

Пока он в ванной, готовлю одежду, потом собираю на стол, режу хлеб. Хлеб надо бы взвесить — мне полагается сорок граммов. Но говорящие весы дорогие, а мои давно стали бесполезны. Поэтому беру полтора кусочка — на глазок. Тем временем сын перебазируется на кухню, садимся завтракать. Прежде чем встать из-за стола, говорю:

— Все на диване, будь внимательнее.

Одеваюсь, собираю документы, складываю сумочку. Под-ходит сын. Провожу руками по его плечам, по торсу, провер-я, правильно ли надел. Слегка поправляю воротник теннис-ки. Обуваемся, он выходит во двор и возвращается с соба-чьей миской, наполняет. Закусываю губу: он уже в выходной одежде, сегодня некогда переодеться несколько раз. Прошу в спину:

— Не прижимай к себе.

Но проверить, все ли в порядке, не могу. Ладно, теперь уже как есть. Снимаю с вешалки трость, выходим из дома.

Сегодня горячее солнце и холодный ветер. Песок под но-гами плотно сбит вчерашним дождем. Иду по колее, держу трость перед собой слегка навесу, чтобы не слишком цепля-лась за неровности и не путалась в траве у обочины. Взгля-дом веду по небу. Радостно вижу голубизну. Дома и деревья кажутся серыми неясными пятнами. Но ориентируюсь при ходьбе все равно на них.

Пытаюсь выбраться из колеи на более ровное место, но без конца оступаюсь обратно. Сын, прихрамывая, идет рядом и говорит. Я научилась не слушать и обращаю внимание на его речь, только если в ней звучит что-то необычное. До-рога требует всего внимания. В колеях стоят лужицы, и сын иногда мягко кладет руку мне на запястье и отводит в сто-рону, а иногда я наступаю в них — они слишком маленькие, и я не могу нащупать их тростью.

Приходим на станцию, останавливаемся у крыльца. Я по-даю два паспорта — свой и его.

— Валер, не доставай свою справку, чтобы не возиться. Возьми по моей с сопровождением.

Он поднимается по деревянным ступенькам в домик станционного вокзала. Через несколько минут выходит, возвращает паспорт.

— Вложил справку и билеты?

— Она сама вложила.

Кассиры на вокзале знают нас и нередко сами вкладывают под корочку паспорта наши проездные документы, чтобы Валерке не мучиться с этим перед окошечком кассы. Беру сына под руку, идем на перрон. Чтобы никого не зацепить, громко постукиваю тростью.

Подходит электричка. Последние годы двери на вагонах стали красить в красный цвет, и я довольно уверенно иду к двери. Сын держит меня за локоть, слегка направляя. Ждем, когда все зайдут. Ищу поручень. Поднимаемся, заходим в вагон.

— Куда?

Он что-то бормочет, не может определиться. Идем. Снова спрашиваю:

— Скоро?

Он снова бормочет. Останавливаюсь.

— Валер!

Он тянет меня на сиденье.

Едем. Я сижу без дела. Сын согнулся над телефоном.

На выходе сталкиваемся с проблемой. Зимой перрон в райцентре отремонтировали и положили новую плитку. Сейчас ее, оказывается, снимают, под ногами глубокий песок. Нам надо успеть на автобус, который встречает пассажиров электрички и идет прямо до поликлиники, и сын начинает нервничать. В толпе теряю направление, он водит меня то туда, то сюда, кидается во все стороны. Останавливаюсь. Вокруг уже никого нет.

— Подведи меня к перилам!

Снова куда-то идем, он ругается сквозь зубы.

— Объясни, что вокруг нас! — требую я, теряя терпение. Но прекрасно знаю, что это невозможно. Пытаюсь идти сама, он останавливает меня и снова ведет. Он паникует.

Кое-как выводит на пандус. Сползаю вниз. Торопливо идем вдоль вокзала. Чувствую, что сын снова меняет направление.

— Стой. Осмотрись и найди взглядом автобус. Он здесь?

Пауза — сын осматривается.

— Он отъезжает!

Поспешно идем. У двери уже никого нет, только кондуктор — нас увидели и подождали. Подаю Валерке деньги, он рассчитывается. Сдачу кондуктор вкладывает мне в ладонь.

Нащупываю поручень, заходим. Прохожу немного и останавливаюсь, пытаюсь найти поручень вверху. Автобус уже выворачивает. Рядом встает девушка:

— Женщина, садитесь.

Но я не пойму, куда. Кто-то берет меня за руку, тянет. Трогаю ладонью, нащупывая сиденье. Сын остается на ногах.

Дорога — пять минут, несколько поворотов, и вот мы выходим.

— Посмотри, где встал автобус, и найди «зебру».

Он довольно уверенно подводит меня куда надо. Но люди уже перешли. На несколько секунд приподнимаю над дорогой трость, демонстрируя ее водителям, и мы идем. Зашагиваем на тротуар. Отвлекаюсь на что-то и едва не падаю с бордюра — тротуар уже кончился. Еще несколько бордюров и поворотов, мы заходим в калитку, поднимаемся на крыльцо без перил и входим в здание поликлиники.

Здесь я чувствую себя довольно уверенно и сама иду к лестнице. Сын рядом и не вмешивается. Но у ступенек снова отводит в сторону — кто-то спускается навстречу.

— Можно, — говорит он.

Кладу руку на перила, поднимаюсь. На шестой ступеньке успеваю вовремя отдернуть пальцы — уже попадалась, знаю. Здесь перила вплотную приделаны к верхнему лестничному пролету.

Выходим в коридор.

— Справа двадцать пятый кабинет.

Валерка останавливается у нужной двери.

— Спрашивай.

Мнется. Вдыхаю и спрашиваю сама:

— В двадцать пятый кабинет кто последний?

Тишина. Повторяю вопрос. Кто-то говорит:

— Никого нет, заходите.

Это хорошо. Обычно здесь толпа. Достāju бумаги, отдаю сыну. Снова мнется. Наконец спрашивает:

— Что говорить?

подавляю новый вздох — толку-то? — и в сотый раз тихо диктую:

— Зайдешь, скажешь: подпишите, пожалуйста, документы.

Стучит, заходит. Слышу его голос:

— Здравствуйте... — и сквозняк прихлопывает дверь.

Через пару минут Валерка выходит:

— Подписал!

Цель достигнута! Можно возвращаться.

Жаль, что отсюда — пешком. Идем через двор, Валерка спрашивает:

— Вода у нас есть?

— Нет. Хочешь пить?

Подходим к магазинчику за территорией, достāju деньги, считаем. Я кладу мелочь себе на ладонь, он называет монеты. Набираем двадцать рублей.

— Поллитровую бутылочку, — напутствую я.

Он заходит и возвращается:

— Не хватило.

— Сколько надо?

Мнется:

— Не знаю.

— Ну так спроси.

Выходит:

— Тридцать пять рублей.

— Поллитровая бутылочка?

Тут же теряется.

— Да...

Снова считаем деньги. Заходит, выходит и начинает доставать из кармана сдачу, локтем прижимая холодную бутылочку к груди. Забираю у него воду.

— Откуда сдача?

— Она восемнадцать рублей стоит.

Молчу. Что скажешь?

Помогаю открыть крышку, чтобы не облился, прижимая к себе. Несколько минут стоим. Торопиться некуда. До об-

ратной электрички два с половиной часа. Потом продолжаем путь.

— Смотри, где-то здесь тротуар.

Тротуар узкий, шириной около метра. Его сделали недавно вдоль самой дороги. Ходить по нему я боюсь. Оступишься влево — окажешься на дороге, вправо — довольно высоко. Тщательно прощупываю край тростью. Сын идет рядом и, как всегда, говорит. Люди не встречаются — наверно, видят нас и сходят с тротуара в заскорузлую под солнцем грязь. Вниз, к выезду со дворов — вверх, вниз — вверх. Никак не могу запомнить, сколько раз. Наконец трость стучит по плитке. Так, мы у магазина. Значит, рядом перекресток. Подходим. Валерка подводит меня к «зебре». Он не любит этот перекресток. Здесь светофоры только для транспорта, и пешеходу их не видно. Когда в критических случаях Валерке приходится приезжать в райцентр одному, он переходит эту улицу в другом месте. Там светофор удобный, но перед ним — разбитая лестница, по которой я со своей тростью пройти не могу. Боюсь до потери сознания.

Напрягая внимание, сквозь звон в голове, прислушиваюсь. Так, шум машин стих. Приподнимаю трость. Идем. Здесь дорожка удобная. Наконец доходим до нужного поворота. Сво- рачиваем. Нам нужно купить бритвенные станки, и я говорю:

— Читай все вывески слева. Там есть «Лепта», хозяйственный магазин.

Вернее, он там был, когда я еще сама ходила по магазинам. И тогда мне было глубоко безразлично, на третьем от угла крыльце его дверь или на двадцать третьем. А теперь я никаким образом не могу этого вспомнить.

Сын читает вслух, но нужной вывески среди названных нет. Что ж, идем дальше. В конце концов, впереди у нас еще два магазина, где могут быть хозяйственные отделы. Но теперь надо перейти дорогу, и я не помню, есть ли на ней «зебра».

— Валер, когда увидишь «зебру», будем переходить.

Доходим до перекрестка, но «зебры» нет. Вернее, есть, но одна и не на ту сторону. Вздыхаю. Отходим подальше, и я говорю:

— Ладно, пойдем так. — И, чтобы успокоить сына, поясняя: — Пункт 14.5: слепой имеет право переходить улицу в любом месте.

— Но я-то не слепой! — резонно возражает сын.

— Ты сопровождаешь слепого, — уверенно говорю я.

Переходим, идем вдоль заборов. Снова переходим дорогу без «зебры», поднимаемся на крыльцо магазина.

— Зайди, посмотри, есть ли нужный отдел.

Он заходит. Выходит и радостно сообщает:

— Есть.

— Купи... — начинаю я.

— Зайди со мной.

Что ж, покупка непривычная. Заходим. Он подводит меня к отделу, решаем, какие станки нужны, достаю кошелек. Спрашиваю, показывая купюры:

— Это что?

— Сотня.

— Это?

— Пятьдесят.

— Это?

— Двести.

Даю нужное продавцу. Потом, отойдя на два шага, считаем сдачу. Прижав трость локтем к телу, на одной ладони держу мелочь, он перекладывает монеты на другую ладонь, называя и подсчитывая. Социализация, мать ее... Кто, глядя на нас, поверит, что он пару лет назад сдал ГИА?

Продолжаем путь к вокзалу. Оказываемся на довольно обширной площади. Валерка останавливается на середине, крутит головой. Сбился.

— Смотри, где магазинчик «Билайн».

Обрадовался — увидел. Переходим улицу, идем. Здесь нет тротуаров, но по ту сторону — заборы с бурьяном на обочине, а здесь можно идти. Останавливается. На той стороне высокое крыльцо магазина.

— Я посмотрю диски?

Прислушиваюсь сквозь шум железной дороги и постоянный звон в голове. Машин нет, а «зебры» на этой дороге еще не избреты. Вроде бы тихо.

— Иди. Да не беги только.

По быстрому сдвоенному топоту понимаю: бежит. Высокий, выше меня на голову, рука, согнутая, как куриная лапка, прижата к груди. Что ж, я свое переплакала.

Возвращается:

— Ничего интересного.

Снова по краю дороги идем к станции. Уже близко.

Останавливаемся у перрона. Сейчас сын спокоен, и я спрашиваю:

— Валер, а почему мы утром не могли здесь спуститься?

— Там ступеньки разобраны.

— А люди как прошли?

— По пандусу.

Так это или нет, я узнаю, если расспрошу кого-нибудь из знакомых, кто был здесь сегодня. Ладно.

— Пойдем на вокзал или посидим здесь?

— Здесь.

Помогает найти пандус и подняться на перрон. Начинает пугливо оглядываться, ища, есть ли здесь скамейки. Видит одну, с облегчением ведет меня к ней.

Ждем. Сын снова сутулится над телефоном.

Достаю глюкометр. На ярком солнце каплю крови видно лучше. Поворачиваю дисплей к сыну.

— Пять и три, — сообщает он.

Маловато, ведь впереди еще дорога. Закидываю в рот несколько карамелек. Лучше на этот случай возить с собой рафинад, но коробочка рафинада довольно увесистая, в мешочке сахар крошится, а в бутылочке из-под витаминов гремит.

...Наконец выходим на нашей станции. Да, а теперь-то через мост. Мостом у нас пользуются редко, бегают через рельсы — всего-то четыре пути! — но мы на такие подвиги не отваживаемся.

Ступеньки выщербленные, металлические уголки на их краях отстают, и в них застревает трость. Да и сил что-то нет. Ничего, осталось полчаса — и мы дома.

Лужицы подсохли, идти стало легче. Но зато пыль поднимается от ног, зарывается трость. Пока вытаскиваешь, она попадает в траву на обочинах, запутывается. Ничего, вот уже

под горку, в горку, мимо переулочка, три двора — и наша калитка. Сын достает что-то из почтового ящика — слышу, как гремит крышкой.

— Что это?

— Не знаю.

— Ну так прочитай.

Расправляет одной рукой, читает.

— Мам, задолженность за электроэнергию.

— Не может быть! — устало выдыхаю я. — Все оплачено на прошлой неделе.

Дозвониться в «Крайэнерго» почти невозможно. К тому же, там спрашивают данные с квитанций, но я их не вижу.

Что ж! Значит, завтра мы снова едем в райцентр... автобусы туда не ходят, и как пройти, сын наверняка не помнит. Я знаю, что от переезда надо свернуть на одну из многочисленных тропинок, но там никаких ориентиров: ни столба, ни забора, которые можно нащупать тростью.

Как же мы найдем дорогу?..

Достаю ключ, открываю дверь, разуваюсь. На запыленных ногах бреду по паласу в комнату. Не переодеваясь, снова достаю глюкометр (мне полагается два измерения в день, и тест-полоски выдаются с этим расчетом). 3.0. Мало. Вот почему я так обессилела.

— Валер!

Нет, ему не открыть одной рукой банку.

Кое-как встаю, бреду на кухню. Открываю банку, лью варенье в стакан. Сын уже рядом:

— Налить воды?

Он знает, что мне и в доброе время трудно прицелиться. Я сажусь на стул, ослабевшими, вздрагивающими руками беру стакан.

Господи, до чего же вкусно! Холодный, кисло-сладкий смородиновый морс!

Осторожно ставлю стакан на стол. Медленно расслабляюсь. Ничего, будем жить. Как хорошо-то, Господи...

Игорь
Маркарян
Васильков
(Украина)

лауреат III степени конкурса
«Со-творчество» в номинации «Проза»

Зачем судьба дала мне вторую жизнь

Рассказ посвящается Маме, Папе, Бабушке и сестре Лене за их безмерную любовь, поддержку и веру в меня

В этом рассказе я хочу написать о своих успехах и падениях, о радости и печали и о моей борьбе с самим собой.

ПРОЛОГ

Когда мне было 26 лет, я особо не отличался от других людей. Жил в небольшом городе под Киевом, работал в фирме по продаже котлов и котельного оборудования. А занимался вот чем: обслуживал, настраивал и ремонтировал котлы в домах, офисах и заводах. Приходилось ездить своим ходом по Киеву и области с инструментом в рюкзаке, с пылесосом в кулке и щетками в руке по разным объектам. График работы был ненормированным. Вставал в шесть утра и работал до позднего вечера, так что не упускал возможности поспать в любое свободное время. Было тяжело, но мне нравилась моя работа, где надо было действовать и руками, и головой. Любил что-нибудь мастерить, паять. Следил за техническим прогрессом. Любил ходить в кинотеатр и ездить на радиорынок. Был «злостным» меломаном: снимал наушники только тогда, когда мне надо было что-нибудь купить или о чем-то спросить. Друзей и знакомых было немного: я был необщительным и стеснительным. Молча наблюдал, как все вокруг живет своей жизнью.

ГЛАВА ПЕРВАЯ РОЖДЕНИЕ, ИЛИ КАК Я ПЕРЕЖИЛ ВЗРЫВ

Когда со мной произошла трагедия, был обычный осенний день — последнее воскресенье октября.

В течение дня я играл за компьютером — отдыхал от работы. А вечером, за полчаса до ужина, решил сходить в свою мастерскую, которая находилась во дворе, кое-что отремонтировать. Когда я стоял в мастерской возле стола с отверткой в руке, произошел небольшой хлопок, и сразу же стало звенеть в ушах. Я испугался и замер, пытаюсь понять, что это было. Время как будто остановилось. И вот тогда произошел основной взрыв. Он был не такой, как показывают в фильмах: оглушающий звук, море огня. Нет, этого не было. Вам когда-нибудь приходилось слышать взрыв петарды, после чего начинает звенеть в ушах? Вот такой звон в ушах был и у меня. Он нарастал, и этому не было конца. Потом я закрыл глаза и начал медленно, очень медленно падать...

Чего только я не передумал за время этого падения: «Что это взорвалось? Черт, это газовый баллон?! Почему он взорвался? Почему я так медленно падаю? Блин, да когда же я, наконец, упаду?».

Наконец-то я упал. Боли не было, я напряженно ждал, что будет дальше. Прибежал Папа и крикнул: «Игорь! У тебя трех пальцев нет!». Только тогда я понял, что все очень серьезно и плохо. В этот момент я начал кричать от шока и ощущать нарастающую боль. Здесь тоже было не так, как показывают в фильмах, когда за мгновение перед глазами пронесится жизнь. Нет, этого не было. В голову лезли совершенно незначительные мысли: надо позвонить заказчику и перенести встречу, сообщить шефу, что меня не будет на работе в понедельник...

Папа попросил Маму вызвать «скорую», а сам побежал в дом за бинтами, чтобы перемотать мне руки. Сестра пошла встречать врачей. Когда машина приехала, фельдшер с водителем, увидев меня, растерялись. Но Папа сориентировался и вместе с дядей погрузил меня в машину. «Скорая» помчалась в районную больницу. А я корчился от боли и желал од-

ного: поскорее туда доехать. Старался постоянно думать — все равно о чем, главное не отключиться.

Когда машина приехала, меня выгрузили на каталку и повезли в хирургию. Когда я лежал на столе, с меня начали срезать одежду, спрашивая, что взорвалось. А я не мог ничего ответить — не получалось говорить. Потом мне сделали в ногу укол, и я отключился.

ГЛАВА ВТОРАЯ НОВАЯ ЖИЗНЬ, ИЛИ СЕМНАДЦАТЬ ДНЕЙ КАТОРГИ

Странное чувство, когда не понимаешь, где находишься: в реальности или во сне. Все так одинаково... Вот тебя о чем-то спрашивают, а ты не можешь ответить, не понимая, не хочешь или просто не можешь этого сделать. Сны и реальность менялись с калейдоскопической быстротой. Я ничего не чувствовал: ни боли, ни напряжения, ни покоя, ни времени. Только молча смотрел на смену декораций. Через какое-то время я понял, что лежу на чем-то относительно мягком. Тогда и стал анализировать, где я нахожусь, что со мной случилось и в каком я состоянии. Первое, что я вспомнил, — взрыв, и как меня везли в больницу. Уже неплохо. Значит, я в больнице. Но почему так темно и нет никаких звуков, кроме сильного звона в ушах? Ладно, оставим это на потом, тем более что звон, как мне казалось, остался после взрыва, и это надолго. Так, почувствуем внутреннее состояние. Боли нет? Хорошо. Теперь пошевелим правой ногой — откликается. Второй подвигаем. То же самое. Правда, их что-то держит, не могу сильно ими двигать. Может, привязанные? Все равно неплохо, значит, с ногами проблем нет. Теперь давай подвигаем руками. В локтях сгибаются, правда, очень плохо, и тоже, скорее всего, привязанные. А вот с пальцами проблемы: на правой руке я их вообще не чувствую, а на левой кое-как ощущаю безымянный и мизинец. Я вспомнил, что после взрыва Папа сказал, что у меня нет трех пальцев на правой руке. И тут я испугался: знать бы, каких пальцев нет. Если это мизинец, безымянный и средний — куда ни шло. Но если нет большого, указательно-

го и среднего... об этом и думать не хотелось. Ведь тогда брать отвертку я больше не смогу. Надо позвать кого-нибудь, чтобы объяснили, что со мной и где я нахожусь. Но я не смог произнести ни слова: вместо нормальных звуков у меня вырывался еле слышный шепот.

Потом я попробовал пошевелить головой. Получилось. На голове, кажется, повязка, может, поэтому я ничего не вижу? Потом я пересчитал языком зубы. Кажется, все на месте. Я помнил, что после взрыва было много крови во рту, и я не мог говорить.

Не знаю, сколько прошло времени: час, день, неделя... Может быть, месяц или два? Было постоянно темно. Не видишь — день или ночь, светло в помещении или темно, я тут один или еще кто-то есть? Периодически мне делали перевязки на животе и руках, мерили давление и делали болезненные уколы. Я пытался поговорить с врачами, но все без толку: они меня игнорировали, как будто меня здесь нет. Было постоянно или холодно, или жарко. Еще я все время задыхался и не мог никого позвать. Тогда я придумал свою систему общения. Для того чтобы привлечь внимание врачей, стал постукивать большим пальцем ноги о кровать. Тогда ко мне подходили и начинали что-то чистить в районе шеи. В этот момент я начинал кашлять так, что меня просто выворачивало. Постоянно хотелось пить, но позвать я никого не мог. А когда получалось привлечь внимание врачей, приходилось долго показывать, что я хочу. Например, если я хотел пить, то складывал губы в виде поцелуя. Если было холодно, то дрожал. Если было жарко, то пытался пальцами ноги снять одеяло. Но зачастую в те моменты, когда я пытался привлечь внимание, меня просто обрызгивали водой, чтобы я успокоился.

Пока я лежал, привязанный к кровати, — успел о многом передумать. О своей жизни, о том, почему это со мной произошло, когда это закончится. Было страшно, каким я выйду из больницы, что со мной будет дальше. Как мои родители переживут это? Меня «достали» бесконечные страшные сны — такие страшные, что вспоминать и говорить о них не хочется. Порой не знаешь, где сон, а где реальность. А главное: полное непонимание, что со мной. Это как пытка. Это мучительное

чувство, когда хочешь встать, открыть глаза, вздохнуть, не задыхаясь, сказать нормальным голосом, а не получается. Ощущение, что лежишь в маленьком ящике, не покидает и мучает. И этот сильный звон в ушах — когда же он исчезнет хоть на часок? Я устал. Нет возможности что-то изменить или исправить, нет сил это выносить...

Вот тогда и пришла мысль, что если я не могу ничего изменить, надо это принять как должное и не сопротивляться. Рано или поздно — все заканчивается. Я постарался в это поверить, я очень на это надеялся...

Шло время. Я все так же лежал привязанным к кровати. Хотелось покурить и выпить холодной колы. Или это просто сон? Я не понимаю...

И вот опять начинаю задыхаться и кашлять в надежде, что меня услышат. Наконец они пришли, стали прочищать, но у них что-то не клеилось. Сквозь звон в ушах я услышал, как они переговариваются.

— Никак не выходит почистить, наверное, основательно забилось, надо снимать.

— Думаете, уже можно? Да, легкие очистились, она у него долго стоит.

Когда с меня сняли эту штуку, радости не было предела! Я мог не только нормально дышать, но и говорить.

Вскоре, когда пришли делать перевязку, я спросил:

— Как мои дела?

— Жить будешь, отправляем тебя домой.

— А где я сейчас?

— В Киевской областной реанимации...

И повезли на каталке куда-то. Вывезли на улицу, погрузили в машину скорой помощи. В этот момент я услышал знакомый голос.

— Папа, это ты?

— Да, я.

И я заплакал от радости. Пока машина стояла, мы успели немного поговорить. Я узнал, что после взрыва прошло семнадцать дней. В первую ночь меня много часов оперировали в районной больнице. Мое состояние было критическое, и врачи решили отправить меня в Киев. В Киеве были еще

две операции, после которых я оказался в реанимации. Я подумал: неужели пришел конец моим мучениям и душевной боли, семнадцать дням ада и каторги?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ РАЗРУШЕНИЕ СТАРОЙ ЖИЗНИ, ИЛИ КАК Я УЗНАЛ, ЧТО СТАЛ СЛЕПЫМ

После того как меня привезли в районную больницу, я провел ночь один. Меня, как и в Киеве, привязали к кровати. Были слышны тяжелые стоны, дыхание лежащих пациентов. Периодически меня кормили, давали пить, делали перевязку рук и живота. Потом пришла офтальмолог и начала показывать медсестре, как надо правильно протирать и закапывать глаза. Я спросил: «Почему я не вижу? Когда я буду нормально видеть?» Она ответила, что не все сразу, надо потерпеть. И я успокоился.

Вечером меня отвезли в палату, где я наконец-то смог услышать родителей и сестру. Я был так рад! Правда, Мама плакала и о чем-то говорила. Я не понимал слов — по-прежнему плохо слышал. Позже я узнал, что первая операция была тяжелой. Оказалось, у меня черепно-мозговая травма. В голове осколок. Сильный ушиб легких, поэтому пришлось подключить к искусственному аппарату вентиляции легких. Обширная рана живота. Нет многих пальцев на руках, один из них собирали по частям. Прогнозы были неутешительны, родители дежурили всю ночь, и когда пришел хирург-травматолог, Папа и Мамой спросили у него: «Как наш сын?». Хирург ответил: «Если выживет, то останется тяжелым инвалидом. А сейчас ему нужна противогангренозная сыворотка, которую надо ввести в первые сутки после травмы. Но в Украине ее нет: ее производит только Россия». Я узнал, как родители искали сыворотку, и как сестра ее везла, чтобы успеть сделать укол. Узнал, как было принято решение о перевозке меня в областную больницу. Как искали реанимобиль, но никто не хотел брать ответственность за такого тяжелого пациента. Как вместе со мной в Киев поехали Папа и Сестра. Как они ночью искали для меня кровь для пере-

ливания. Как в киевской больнице сделали еще две операции, после которых я оказался в реанимации...

В больнице родители и сестра дежурили круглосуточно. Чтобы было легче, они распределили между собой задачи. Папа взял на себя финансы, а Мама с Сестрой — разговоры с врачами и лекарства, Бабушка же занималась приготовлением еды. И все они молились, чтобы я остался жить. На мои операции, лекарства, врачей нужно было очень много денег, такой суммы у нас просто не было! Тогда Мама решила написать просьбу о помощи в соцсети, знакомым и родственникам. Многие откликнулись на просьбу.

Шло время. Я лежал в общей палате, родители по-прежнему были со мной. Они мне помогали, утешали, успокаивали и поддерживали — я был абсолютно беспомощным.

С рук сняли повязки, и я смог ощупать пальцы. Ситуация была плачевной. На левой руке остались целыми только мизинец и безымянный. На среднем пальце — две фаланги, на указательном и большом — по одной. На правой руке остался только перебитый мизинец, плохо работающий безымянный и одна фаланга среднего пальца. Мне стало так больно: что же я этими руками смогу делать? Ни паяльник взять, ни отвертку, ни гайку закрутить — вообще ничего. Помню, я много плакал, родители успокаивали и поддерживали меня, но, признаюсь вам, я сильно раскис.

Меня готовили к очередной операции на животе — нужно было зашить обширную рану. Помню, как Сестра, мельком увидев мой живот без повязки, испугалась: рана была на полживота, ближе к легким, очень глубокая. Слава Богу, внутренние органы не задеты: слой кожи и жира не дали осколкам попасть внутрь, так что мой животик меня спас.

И вот меня везут на операцию. Мне было так страшно, что руки тряслись! Привезли в операционную, а там холодно и людно. Начали привязывать к столу, я от испуга говорю: «Зачем меня привязывать, я же не убегу!». А когда хирург начал размечать место, где будет резать, я все время бормотал: «Я не сплю, не сплю, не сплю...» И отключился.

Когда начал приходил в себя от наркоза, я стал бредить и сильно кричать. Тогда Папа, взяв мою руку и поглаживая ее, смог меня успокоить. Я утих и заснул.

В целом, операция прошла успешно, зашили хорошо, а мое состояние врачи объяснили нервным перенапряжением, ведь это была уже четвертая моя операция под общим наркозом.

Шли дни. Я понемногу восстанавливался. Медсестры снимали швы на животе, ставили капельницы, делали уколы, давали таблетки. Болела правая рука. Оказалось, там остался осколок. Следующим утром, после очередной перевязки на животе, хирург сделал надрез и вытащил его.

В палате меня ждали Сестра, Мама и Папа. И когда они узнали, как все прошло, Папа рассказал, что во время взрыва осколки повредили мне глаза, и я не смогу больше видеть.

Поначалу я не хотел в это верить. Папа, Мама и Сестра начали меня утешать, уверяли, что жизнь продолжается, стать слепым — не конец всему, что незрячие люди нормально живут, а они всегда будут любить и поддерживать меня.

Я плакал, думал: неужели это происходит со мной, как я теперь буду жить? А потом пришли безразличие и пустота, как будто оборвалось что-то внутри. Я опустил руки — у меня рушилась вся моя недолгая жизнь. Думал о том, что никогда не смогу работать руками, не увижу золотую осень или снежную зиму, которые не опишешь словами, не увижу, глядя в окно маршрутки, как проносятся дома, деревья, шумные улицы... Не увижу лиц Мама, Папы, Бабушки, Сестры...

Шло время. Я по-прежнему лежал в палате, рядом со мной сутками дежурили родители. Я устал лежать, а еще эти бесконечные уколы, капельницы, таблетки, перевязки... Чувствовал, что и родители устали, постоянно решая массу больших и малых проблем.

Мама тогда много говорила со мной, объясняла, что осколок попал мне в мозг через правый глаз. Я думал, может, поэтому половина головы ничего не чувствует? Мама говорила, что из-за моего состояния они не могли мне сразу сказать, что я ослеп. Подбирали нужный момент, искали верные слова и очень боялись моей реакции.

Господи, сколько же я принес им душевной боли и страданий, сколько отнял у них лет жизни! Я не смогу сказать, кому было больней и тяжелей — им или мне. Сколько пролитых слез, бессонных дней и ночей, как они переживали из-за меня!.. Мне и не представить.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ДОЛГАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ, ИЛИ ЗАЧЕМ ЖИТЬ ДАЛЬШЕ

После долгого пребывания в больнице я наконец-то приехал домой. Помню, первым делом, попросил Папу отвести меня в мастерскую. Я пришел туда, нащупал рабочий стол, в котором обнаружил дырку от взрыва, и, не знаю почему, сказал спасибо. Может, за то, что остался жив после взрыва, а может, я именно в этот момент принял свою слепоту...

Дома я лежал полтора месяца, нужно было, чтобы живот окончательно зажил. Папа по-прежнему делал перевязки, Мама ставила уколы. Я пил много таблеток и оставался беспомощным, в том числе, из-за рук: пальцы почти не разгибались. Я не мог ни умыться, ни побриться, ни прикурить сигарету, даже нормально потушить ее не мог! Тогда Папа стал разрабатывать мне пальцы, было больно, но я знал, что так надо, и терпел.

Долгое время я был в депрессии, много размышлял, почему судьба так со мной обошлась. Может, она хотела надо мной подшутить, посмотреть, каким я стану, если отнять зрение и пальцы, а может, это мне за мои грехи и неправильные поступки... Сколько вопросов, а ответ один — не знаю. Много вспоминал прежнюю жизнь, ее самые яркие моменты. И становилось больно от того, что это уже не вернется.

Я боялся всего. Пугался каждого прикосновения, не мог сосредоточиться из-за постоянной темноты. Обычно, когда зрячий человек о чем-то думает, ждет или просто сидит без дела, его взгляд на чем-то фокусируется. А на темноте не сфокусируешься.

Постепенно живот зажил, походы по врачам закончились. Мне присвоили 1 группу инвалидности.

В этом были и положительные моменты. Например, после длительного разминания пальцев я смог взять в левую руку бутерброд. Безымянным пальцем умудрялся с помощью зажигалки подкуривать сигарету. Понемногу и родители стали приходить в себя от шока и бешеного графика.

Ко мне приехал мой лучший друг Игорь. Ему сообщили на работе, что я умер! Он отказывался в это верить и решил

после шести лет разлуки найти меня мертвым или живым. И нашел. Помню, как он обрадовался, что я остался жив, и его не испугал мой нынешний вид. И с тех пор он все время под-держивает меня.

Но случилась еще одна напасть. После похода к отоларингологу я узнал, что на левом ухе у меня полностью разрушена барабанная перепонка. На правом осталось лишь половина, а в самом ухе началось воспаление. Стало понятно, почему оно все время течет. Чтобы это исправить, нужно сделать по две операции на каждом ухе. Что ты, судьба, еще мне преподнесешь, какие еще испытания я должен пройти?

После первой операции на ушах я понял, в чем заключается разница между общим и местным наркозом. При общем наркозе тебе делают один укол, и ты отключаешься. А при местном, кроме напряжения и страха, у тебя присутствует вся палитра боли. Чувствуешь, как тебе делают очень болезненные уколы прямо в ухо. Ладно если бы один. Так нет же! Тебе вкалывают семь уколов не только в ухо, но и вокруг него. «А вот на тебе еще!» — подумал я, когда в ухо засунули трубку для отсасывания жидкости. Ну как, хватит? Нет? Так мы сейчас еще немного посверлим внутри ушка и немного поскребем. И ты вжимаешь голову в стол, чтобы она случайно не дернулась, и молишься, чтобы это поскорее закончилось. И когда ты, полностью обессиленный, лежишь в палате, можешь радоваться только одному — все позади. Конечно, я не виню и не злюсь на врачей, я очень благодарен им за спасение жизни. Только хочу порекомендовать: если есть выбор, лучше соглашаться на общий наркоз.

Вскоре после операции Мама дала мне послушать аудиокниги, и я понял, что это отличный способ отвлечься от плохих мыслей. Когда слушаешь книгу, стараешься представить то, о чем пишут. И у тебя это получается.

Мама долго искала в Интернете программы реабилитации слепых. Она нашла курсы по обучению незрячих работе с компьютером и стала уговаривать их пройти. Поначалу я сопротивлялся, жалел себя, но потом подумал... родители ведь и так много перенесли, им и так досталось... И я просто не имею права опускать руки! Хватит винить себя в случившемся!

Пора начинать что-то делать! И я с помощью Мама записался на курсы. Поначалу было страшно — как меня воспримут другие незрячие люди? Но оказалось, я встретил людей, у которых были схожие проблемы и испытания, что и у меня. Я понял, что для работы с компьютером не обязательны все пальцы, хватит и трех! Плохо слышишь? Тоже не проблема: учитель может говорить громче или поближе подойти. Через три месяца, с перерывом на очередную операцию, я успешно окончил курсы. Я мог сам найти и поставить любимый фильм или музыку, слышал, как безмерно рады родители моим маленьким достижениям. И я подумал, что, может быть, судьба и не смеялась надо мной, не пыталась сломить, а дала второй шанс и возможность исправить свои ошибки.

Вот тогда я и начал всерьез работать над собой. Не думайте, что это было легко. Наоборот. Когда пытаешься что-то сделать, а у тебя не выходит, — в ярости бросаешь это дело, считая его невозможным! Но даже для самого элементарного нужно много времени и терпения. И после перерыва ты снова и снова пытаешься сделать это, а в голове крутятся слова: «Меня не сломать! Я — сильный! Ведь теперь я знаю, зачем мне это надо, я знаю, зачем мне жить дальше».

ЭПИЛОГ

Прошло три года после взрыва. Я пережил восьмую операцию, и она не последняя. Борюсь с собой постоянно. В голову иногда лезут плохие мысли, но я научился переключаться на хорошие. Достиг определенных успехов: «выучил» компьютер, пользуюсь сенсорным смартфоном, окончил курсы по ориентированию с помощью трости, могу сверлить дрелью, обращаться с ножовкой. Сейчас учу английский язык и пытаюсь паять. Думаете, это невозможно? В смысле — паять, когда ты слеп? А я скажу — это вполне реально!

Главное — это цель. Не взять отвертку в руку, чтобы закрутить болт, а понять, зачем тебе надо этому научиться. Был случай, когда я сидел на курсах по работе с сенсорным телефоном и у меня ничего не получалось. В голове стало вертеть-

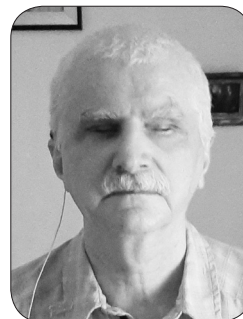
ся: «И чего я тут делаю?! Плохо слышу, слепой — и без пальцев!» Но когда я подумал о конечной цели — если научишься, то сможешь позвонить родителям или друзьям, и они будут рады тебя слышать, ты станешь самостоятельнее и будешь меньше зависеть от других, — появились силы пытаться снова и снова.

Я научился избавляться от плохих мыслей. Когда они приходят, надо переключиться на что-то незначительное. Например, подумать, сколько времени или что сегодня на ужин. Мне такой способ помогает подавить плохие мысли в зародыше. Но, бывает, на тебя так накатит, что обычный способ не действует. Тогда надо чем-то заняться, даже через силу. Например, перебрать вещи, вспоминая, что это и откуда. Или послушать аудиокнигу. Мне это помогает если и не избавиться от депрессии, то быстрее ее пережить.

Я не виню свою судьбу за то, что она со мной сделала. Мне была дана вторая жизнь и возможность переосмыслить себя. Да, я больше не мечтаю снова видеть. Думаю, если я стал незрячим, так и надо. И больше не обижаюсь, когда посторонние говорят, что ты слепой. Или возле магазина начинают совать деньги, как нищему. Ты не обижаешься на них, они ведь просто не знают, как вести себя с такими людьми, и думаешь о том, как эти деньги отнести в церковь.

Моя жизнь продолжается благодаря безмерной поддержке и помощи родителей, родственников, друзей, знакомых и незнакомых людей. Думаю о том, как они верили и верят в меня. Надеюсь, я тоже смогу помочь тому, кто окажется в трудном положении и не будет знать, как из него выйти.

Ведь я не сломлен, и моя душа еще не умерла.

Михаил
Кременецкий
Астрахань

*шорт-лист конкурса
«Со-творчество» в номинации «Проза»*

День в руку

О том, как изменилась жизнь на Земле в условиях пандемии коронавируса, вызвавшей введение ограничительных мер, написано, рассказано и показано столько, что ни слушать, ни читать на эту тему больше не хочется...

И я решил написать и, главное, описать лишь день из Своей жизни, проведенный в условиях карантина и самоизоляции, которые Я, прямо скажем, далеко не всегда соблюдал, но, как говорится, что было, то было, и шила в мешке не утаишь, а из песни слова не выкинешь.

Пробудившись ото сна ранним и чудесным майским утром, Я, как обычно, первым делом протянул руку к лежащим на прикроватной тумбочке наручным часам: они показывали начало седьмого — мое привычное время пробуждения, приведения себя в надлежащий вид и должный порядок и подготовки к осуществлению намеченных мероприятий, если, конечно, таковые предполагались. А в тот день у меня был запланирован поход на ближайший рынок за продуктами.

Конечно же, можно было дожидаться соцработницы Светланы, которая регулярно, а именно, два раза в неделю меня навещает и помогает в немудреных житейских делах, однако ходить «на добычу» хотя бы недалеко от дома, дабы как минимум не растерять наработанных навыков по ориентированию на местности, Я почитаю за первейшую обязанность, да и пройтись по городу приятно и полезно: глядишь — встре-

тишь кого-то из Своих знакомых, купишь что-то нужное в хозяйстве. Одним словом, прогулка, особенно утренняя, когда и погода всячески располагает, — для меня праздник.

Убрал постель, попрыгав и поприседав, зарядившись бодростью и энергией, Я скорым и пружинящим шагом направился на кухню, где занялся приготовлением вкусного и обильного завтрака.

Должен признаться, прием обязательных для каждого человека ежедневных трапез имеет для меня в некотором роде и философское значение, за основу которого мною взята известная Восточная мудрость, гласящая: «Завтрак съешь сам, обед раздели с другом, ужин отдай врагу».

И каждодневно Я съедал завтрак именно САМ, обед иной раз приходилось в приятности делить с кем-то из числа друзей-приятелей или же соседа по лестничной площадке, другое дело — ужин... Вот с ужином дело обстоит сложнее, потому как врагов Я до сих пор так и не нажил, да и не заслужил Я этой чести: называться чьим-то врагом. Так или иначе, но отдавать ужин несуществующему врагу мне было не с руки, иначе вся моя философская концепция рассыпалась бы как карточный домик.

...Враг, которому Я бы мог без страха, но с упреком отдать пресловутый, равно как и весьма калорийный, с очевидным искусством мною же приготовленный ужин, таки нашелся, ибо, как пришлось мне в этом убедиться, анализируя последствия своих вредных привычек, враг этот не кто иной, как Я: сам себе и — сам в себе.

Вот этому самому, отнюдь не мифическому, но вполне реальному врагу Я и отдаю каждодневно ужин, и в этом случае совесть моя чиста и непорочна, как поцелуй ребенка. Оправдание на сей случай тоже имеется: «Жизнь — штука вредная, от нее болеют и умирают, но когда хорошо покушаешь, эта зловещая перспектива уже не кажется такой уж мрачной и безысходной...»

...После завтрака, который Я мажорно и жизнеутверждающе завершил чашкой ароматного и крепкого чая «с удовольствием», мне пришла мысль, от которой было невозможно отмахнуться.

Дело заключалось в следующем: голова Моя совершенно потеряла нормальный, привлекательный человеческий вид, джунгли волосяного покрова на ней настолько разрослись во все стороны Света, что мне порой приходилось буквально отыскивать в зарослях шевелюры Мой аудиопроцессор.

В обычных жизненных условиях Я поступал элементарно просто, как поступил бы любой здравомыслящий человек, иными словами — отправился бы в ближайшую парикмахерскую, где я давно числился постоянным клиентом. Но это было прежде, до пандемии с самоизоляцией, а сейчас-то все парикмахерские закрыты, — вот в чем беда...

Однако сегодня Я был настроен решительно и принял единственное и самое верное решение, а именно: Я твердо вознамерился сам себя и подстричь, благо машинка для стрижки волос у меня имелась еще с давних пор, летом, в самую жару Я «снял» буйную шевелюру подчистую, да еще и голову наголо брил, как известно — лысому во всех отношениях хорошо и удобно живется, одно только плохо: умываться долго приходится...

Облачившись в «костюм Адама» и вооружившись машинкой для стрижки волос, Я со всем возможным для данной ситуации комфортом расположился в ванне и, манипулируя насадками-ограничителями, как говорится, очертя голову, начал эту самую голову приводить в божеский вид. Сверху снял совсем немного волос, на затылке — поболее, ну а на висках получилась довольно короткая стрижка. На большее Моей парикмахерской фантазии не хватило, да и насадок имелось всего три. Самое главное — везде было ровно подстрижено, в чем Я не замедлил убедиться со всем Моим тщанием, отложив машинку в ящик тумбочки «Мойдодыра». Конечно же, итоговый результат моих парикмахерских исканий и дерзаний, беспримерных даже на ощупь, отличался от того эффектного и красивого результата, который Я имел после посещения парикмахерского салона, — и все же Я пребывал после автострижки в прекраснейшем и даже, если так можно сказать, поступательно-наступательном настроении и, свершив омоложение под душем и убрав «отходы производства», а затем облачившись в рубашку и брюки защитного цвета, нахлобучив

видавшую виды кепку-«Напентюшник», отправился прямоком на базар в сопровождении неразлучных друзей: некогда белой трости, уже изряднехонько погнутой и помятой в жизненных перипетиях, как и ее хозяин, еще советского производства, — и рюкзака за плечами.

День разгуливался, погожий и теплый, воробьи в кронах высоких тополей не то что чирикали, а буквально орали, в воздухе царил непередаваемый и пьянящий аромат цветущей акации, и Я в который раз обратил внимание на почти опустевшие тротуары: ни тебе прохожих, спешащих по делам, ни уличной торговлишки, в былые времена основательно затруднявшей передвижение. Зато машин на дорогах было ничуть не меньше обычного.

Вот и торговый корпус нашего рынка Большие Исады, главная и конечная цель моего вояжа.

— Гражданин, а вы почему без маски и перчаток? Закон один для всех! — услышал Я строгий и требовательный молодой голос, и чья-то сильная рука придержала меня за плечо. — Я остановился как вкопанный, растерявшись на миг, но быстро нашелся и вежливо осведомился:

— С кем имею честь, простите?

— Сержант полиции Бекманбетов, патрульно-постовая служба, — последовал ответ.

— Так Я же не грабить иду, а покупать за свои кровные, — весело ответил Я бдительному стражу порядка.

Полицейский хохотнул довольно и понимающе — видимо, рутина службы постовой заела человека вконец.

— Ну, если не грабить идете, давайте Я вам помогу по корпусу пройти.

Я охотно согласился на его предложение, и МЫ направились по рядам торгового заведения.

Торговцев было не в пример мало в сравнении с докрантинными днями, но кое-кто все же стоял за прилавками и продавал различную снедь, что и помогло Мне выполнить намеченную продовольственную программу.

Завершив вояж по торговым рядам и тепло распростившись с сержантом полиции, Я не спеша направился к дому.

...Вот и двор наш запустенный — под ногами мусор и кирпичная крошка; подъезд встречает прохладой, запахами кухонь различных народов, населяющих его, и — тишиной...

Поднимаюсь на третий этаж, достаю из кармана ключи, и тут кто-то осторожно трогает меня за локоть, и вкрадчивый женский голосок с явственным казахским акцентом вопрошает:

— Дяденька, вам сучья икра не нужна?

От неожиданности Я чуть было ключи не выронил, — так поразил меня услышанный вопрос.

«Только без паники, и не поддавайся на провокацию», — пронеслось в мозгу и, взяв-таки себя в руки, Я ласковым убеждающим голосом, как будто разговариваю с маленьким ребенком, задушевно произнес:

— Деточка, сучьей икры в природе не бывает, потому что собачка — животное живородящее, вскармливает щеночков исключительно молочком, — запомни это, пожалуйста.

— Да не сучья, а сучья икра... Ну, рыба, рыба... — забеспокоилась Моя нежданная собеседница, вслед за скороговоркой послышался шелест целлофана, и женщина вручила мне стеклянную литровую банку, укутанную в полиэтилен.

— Так это, стало быть, щучья икра? — вскричал Я с облегчением и даже обрадованно, однако представительница подпольного икорного бизнеса предостерегающе шикнула, успокаивающе: дескать — не кричи понапрасну, мало ли? И рекламно-убедительно продолжила расхваливать товар:

— Хорошая икра, свежая, не мороженая, берите, недорого совсем.

Молчанье, как известно, знак согласия; молча Я убираю банку с щучьей икрой в рюкзак, а затем отсчитываю торговке требуемую сумму наличности, завершив, таким образом, гм, в общем-то, противозаконную сделку. Все же Я не утерпел и насмешливо спросил нечаянную знакомую:

— А чего же Ты тогда, красавица, называла икру сучьей?

На что женщина, глубоко вздохнув, горестно ответила:

— Ой, не спрашивайте: зубы у меня сняли в ремонт, а из-за карантина никак не могу их обратно получить, вот и не выговариваю слова.

Очутившись в своей квартире, Я принялся деятельно готовиться к обеду, благо и время способствовало. Переложив часть щучьей икры в фаянсовую мисочку, Я любовно заправил деликатес шинкованным зеленым лучком, добавил несколько капель оливкового масла, накрыл мисочку пищевой пленкой — и сослал отдохнуть на полчаса в холодильник, а затем приступил к строительству традиционного Астраханского салата из помидоров и огурцов с чесноком и зеленью.

Наконец, все было готово, и можно было приступать к обеденному священнодействию: на столе, застеленном старой клеенкой, в данный момент почти уподобившейся скатерти-самобранке, у меня было что душеньке угодно: кроме салата и щучьей икры, в глиняной миске источали пряный аромат малосольные огурчики, рядом, на тарелке, дымилась только что испеченная картошечка, ну а хлеб, который, как известно, всему Голова — свежий, ржаной, был мною нарезан и сложен во главе стола. Но чего-то на обеденном столе явно недоставало для абсолютной гармонии души и сердца, ну буквально самой малости... Как бы ниоткуда в голове зазвучала давно забытая шансонистая и веселая песенка, сложенная в народе, кстати говоря, ровно полвека назад, в далеком уже 1970 году, когда в нашем регионе, равно как и в других советских областях и республиках, разразилась эпидемия холеры, и тогда тоже были карантин и самоизоляция, мне даже довелось пройти пятидневный курс обсервации, чтобы получить разрешение на выезд из родного города. Слова этой озорной песни уже и не вспомнить, в памяти остался один припев, но зато какой:

«Эх! Эх! Выпить нам не грех!

Ох! Ох! Да поможет Бог»!

И тогда из кухонного шкафчика как бы сама собой на стол явилась маленькая рюмочка, а из холодильника вослед ей — запотевшая бутылочка «Злодейки».

Сегодня, как говорится, Сам Бог велел выпить за достигнутые успехи, да и за здоровье тоже не помешает — самую малость, как лекарство...

Лишь одно обстоятельство слегка Меня огорчает и, как говорится, всю малину портит: не с кем обед разделить, ну да это не от меня зависит, карантин же... И самоизоляция...

День у меня сложился как нельзя удачно, даже с некоторыми забавными и неожиданными приключениями, все планы, намеченные загодя, были выполнены, могу с уверенностью сказать — он запомнится исключительно хорошим и надолго. Побольше бы таких чудесных дней Нам Всем!

P.S. На следующий день после описываемых событий меня, как обычно, навестила социальная работница. Как бы между прочим, Я спросил:

— Света, скажите, как, по вашему мнению, меня вчера подстригли?

Ответ последовал без промедления:

— Очень хорошо!

Арина
Деньмухамедова
Оренбург

*шорт-лист конкурса
«Со-творчество» в номинации «Проза»*

Чапка

У Герды было пять щенков. Четверых раздали. Осталась одна — девочка. Ее решили не отдавать, а оставить жить во дворе. Назвали собачку Чапка.

Когда мы первый раз приехали с ней познакомиться, она выбежала к нам навстречу и сразу же стала играть. Чапка прыгала, пыталась лизнуть в лицо, тянула за платье. Я хохотала, уворачиваясь от ее жарких объятий.

Играть с маленькой собачкой было весело. Она убежала в даль двора и приносила ненужные вещи, которые казались ей ценными: старая кость, порванная тряпка. Я хвалила и гладила умную собаку за эти «подарки». Мне так не хотелось расставаться — казалось, играть с ней можно вечно! Стояло теплое лето, когда находиться на улице намного приятнее, чем сидеть в душной квартире. Мы играли с Чапкой час, два, три. Время как будто переставало существовать. Когда мы поехали домой, я с первых минут разлуки скучала по ней.

Эта поездка произвела на меня большое впечатление. С огромным нетерпением я ждала следующего раза, и вот он настал. В этот раз было почти то же самое. Но радости было больше: Чапка облизывала меня с ног до головы шершавым языком, пыталась грызть мои тапочки и чуть не сбила с ног, показывая радость.

Когда Герду, мать Чапки, отпускали с цепи, они начинали забавно играть, не замечая людей. Собаки бегали по двору,

прыгали друг на друга, кусались. Мы были зрителями маленького собачьего спектакля под названием «мать и дитя».

Еще я помню, как Чапку кормили с руки, потом сидели на траве и хохотали от неуклюжих собачьих прикосновений. Чапка мешала нам с сестрой гладить Герду: когда мы прикасались к ее спине, Чапка забиралась на нее сверху и подставляла голову. Было так смешно за этим наблюдать!

Точно не помню, сколько раз мы ездили к Чапке. Может, раза три, может — меньше. Мы переехали за город, папин брат, хозяин собак, приезжал их покормить, в остальное время они были одни. И мне кажется, очень скучали. Как и я скучала по этим псам с темной гладкой шерстью.

Папа говорил, что нужно забрать их к нам. К сожалению, мы успели забрать только Герду...

Однажды папа сказал, что маленькой собачки больше нет. Я не понимала, куда может пропасть эта славная добрая песинка, которая так любила играть, баловаться, радовать тех, кто рядом.

Позже я узнала: собачку нашли у калитки дома, в котором жили собаки. Вероятно, пронырливая Чапка сделала то, что Герда не сумела из-за цепи. Щенок вылез через дырку под забором на улицу, где его задавила машина. Жалко Чапку. Она прожила совсем короткую жизнь. Долгое время перед тем, как она погибла, мы не навещали ее. Мы даже не успели попрощаться с нашей маленькой собачкой, которая подарила нам столько добрых эмоций и впечатлений.

Владимир
Елфимов
Новосибирск

шорт-лист конкурса
«Со-творчество» в номинации «Проза»

Незадачливый помощник

Тотально слепоглохого человека комфортно может сопровождать только хорошо знакомый сопровождающий или близкий родственник, с кем он часто взаимодействует...

У меня был случай, который произошел недавно...

Я уехал на неделю пожить у друга — далеко от города, в области, к нему по пути меня завез один добрый человек. Хорошо погостил, пообщался с людьми, и настало время возвращаться домой.

Моему другу было некогда отвезти меня до дома, но в город должна была ехать другая, малознакомая мне женщина. Ее зовут Инной. Друг проводил нас до станции, посадил на электричку и объяснил ей, как меня проводить до дома в самом городе, указал главные ориентиры у остановки трамвая, где нам надо было выйти.

Надо сказать, я совсем ничего не вижу вокруг себя, хотя хорошо помню местность вокруг дома и, в целом, местность часто посещаемых мест Новосибирска — зрячим все запомнил. Поэтому я беспечно согласился на сопровождение малоизвестной женщиной, полагаясь на себя и ее глаза. Общались мы на одном языке, языке глухих — на жестовом языке.

Вот мы благополучно доехали до нужной остановки на электричке, и вдруг Инна испугалась (она плохо знает город). Стала сомневаться, правильно ли я «оцениваю» мест-

ность. Я ее успокоил: «Пойдем через здание вокзала насквозь, а там, чуть далее, — трамвайная остановка!». Она надела на плечо большую сумку, а я взялся за ее локоть. Мы пошли... Помня о ступенях к двери, я споткнулся о них, но терпеливо промолчал. Подошли к двери, и Инна трижды стукнула мной о три створки дверей. Я удивился, но снова промолчал, только поддакивал головой: «Дальше, дальше». При выходе из здания она опять трижды ударила мною о железные створки дверей, они аж загрохотали... Я сразу подумал об окружающих нас людях, у которых наверняка уши «поднялись» на эти бухания.

На ступенях она стала осторожнее меня «спускать», и до трамвайной остановки, и во время посадки в трамвай было достаточно безопасно — она точно выполняла мои указания.

В трамвае я попросил Инну написать на бумажке название остановки, на которой нам надо было выйти. У нее не оказалось бумаги и ручки. Тогда я попросил посмотреть в окно трамвая и пересказать мне, что находится за ним (таким образом я мог бы догадаться, где мы), но она сказала, что на окнах толстый слой льда и ничего не видно. Тут я растерялся, стал считать остановки, но из-за того, что трамвай останавливался у светофоров, сбился со счета...

Я снова попросил Инну посмотреть, но уже через открытую дверь на остановке. Напротив должна быть девятиэтажка — мой дом. Она поддакнула, мы спешно вышли и пошли, куда я указал рукой.

Слепой указывает куда идти, забавно, не правда ли?

Идем, и тут я понял, что это не наша остановка. Я снова попросил Инну обрисовать обстановку вокруг. А она почему-то плохо различает девятиэтажки и пятиэтажки. Зрячие люди не всегда доступно объясняют, т.к. человек видит и не совсем понимает, что именно мне нужно услышать.

Из-за ее неверной оценки мы пошли вперед. Моя сопровождающая тащила меня по тропинкам, по сугробам, между деревьями со свисающими колючими ветками. Мое лицо было исцарапано до крови! Я уже было разозлился на нее и на себя, но что же поделаешь! — надо идти вперед и искать путь домой.

Долго ли, коротко ли, мы добрались до таблички с названием улицы, и тут я понял, что мы вышли двумя остановками раньше... И предложил идти пешком по знакомой трамвайной дороге. Увидев едущий навстречу трамвай, Инна затолкала меня на высокий отвал снега и минут пять там продержала — был риск сорваться обратно на пути! Я окончательно разозлился, но все же стерпел — сам согласился на такого сопровождающего... Дошли кое-как до дома, руки и ноги тряслись, на лице царапины, на шапочке и на воротнике — кровь. Прямо как с поля боя пришел!

Инна попросила у меня прощения, а я только отмахнулся, сказав, что это мелочь, главное — я дома! Но себе подметил, что с этой сопровождающей больше никуда не пойду.

Надо было взять в дорогу хоть белую трость, с ней было бы немного проще — не спотыкаешься, иногда можно уберечься от веток.

Но главная проблема — непонимание зрячими того, что «видит» слепой, а ведь бывают и худшие ситуации. Поэтому многие слепоглухие предпочитают сидеть дома безвылазно или ходить с кем-то, кто умеет водить. Это, в основном, кто-то из близких. К сожалению, зрячим часто некогда или неохота сопровождать слепоглохого, они не понимают, как много дают слепоглухим такие «вылазки»: встречи с людьми, общение и т.д.

Мой случай с Инной — один реальный факт из жизни слепоглохого человека на Руси...

Александра
Бегунова
Великий Новгород

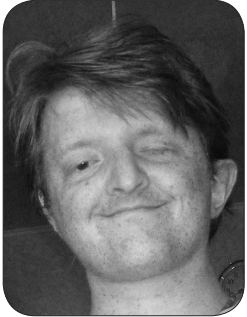
*приз самой юной участнице
конкурса «Со-творчество»*

Черная дыра

Жил-был на высокой горе орел Давид. Однажды летал орел над горами. И вдруг видит внизу, между двух гор, что-то черное. Оно шевелилось. Давид подумал, что это его тень. Когда он присмотрелся, там оказались два желтых глаза. Тогда орел полетел туда. В дыре оказалась пантера. На голове пантеры была черная корона. Она зарычала на Давида, но он не испугался. Орел напал на нее. Вдруг Давид понял, что черный цвет — это зло. И, не теряя времени даром, клюнул в корону. Из короны вылетело облачко черного дыма. Тогда орел понял, что корона была заколдована темными чарами. Без короны пантера стала хорошей. Давид вывел ее на солнечный свет. Они вместе прогнали всю черноту. С тех пор пантера и орел дружат.

Где можно побывать во сне?

Во сне можно попасть в свои мечты. Во сне можно побывать в какой хочешь стране. Можно летать, как птицы в воздухе, а можно сражаться с драконом. Во сне можно прыгнуть хоть на луну! Во сне может быть смешно, а может быть грустно. Ну, ведь сон — это сразу ложь и явь. К сожалению, из сна нельзя привести единорога, нельзя взять семимильные сапоги. Эти мысли родились тоже во сне.

**Виталий
Рольщиков**
Железнодорожный

*лонг-лист конкурса
«Со-творчество» в номинации «Проза»*

Рыцарь осьминожка

Жил-был на дне Великого Океана, в уютной норке, маленький осьминожка.

Казалось бы, мог бы он быть счастливым, но грустил осьминожка из-за своей беды...

А именно: было у осьминожки всего семь, а не восемь, как у любого порядочного осьминога, ножек.

И часто оттого горевал осьминожка.

Дома у него было много книжек, и поэтому знал он все-все об океане, где жил.

Знал он, что живет в океане Морской Король — Чудо-юдо рыба-кит, знал, что на дне морском, в глубоких ущельях, живет невиданное чудовище — Великий Спрут, Король подводных ущелий — хватает он всех, кто к его дому приблизится — и съедает.

А коли явится Огромный Кашалот — брат Чуда-юда рыбы-кита, то происходит между морскими королями битва великая...

И, пожалуй, не было ни одного дива морского, о котором бы не ведал осьминожка-Семиножка. Но не радовало его это — никто из других осьминогов не хотел с ним дружить, а только гнали прочь, а малышам-осьминожкам не разрешали с ним, «этаким уродом», играть.

А вот книги были его настоящими друзьями.

Каждый вечер книги повествовали ему о далеких странах, об удивительной Земле-Суше, где живут таинственные

разумные существа, называющие себя людьми, о страшных подводных ущельях, где обитают коварные невиданные чудовища...

Однажды прочел осьминожка-Семиножка легенду о далеком Русалочьем царстве, где нет ни обид, ни несчастий...

Вот тогда запер Семиножка домик свой и отправился в трудное путешествие.

Полз он, полз по дну морскому долгие дни.

И вот однажды попал Семиножка в Страну Дымящихся Столбов.

Сунулся в одну сторону — встал перед ним водоворот страшный.

Сунулся в другую — видит узкое ущелье, а там стая акул плавает.

Поразмыслил осьминожка, и напрямик через странную страну пошел.

Сделает шаг, остановится — и взвоет перед ним столб пузырей с дымом, а как рухнет вниз столб водяной, — Семиножка дальше идет.

Наконец, пересек он загадочную страну и вдруг услышал тихий плач.

Подполз на плач, видит — большой камень пещеру закрыл, так, что видна лишь узкая лазейка. Сунулся в пещеру Семиножка и увидел прекрасную русалочку с синими, как море, волосами.

Увидела его русалочка, слезами залилась:

— осьминожка, выручи, спаси из беды!

Задумался осьминожка-Семиножка: как русалочку из беды выручить?

И придумал.

Приметил Семиножка — неподалеку, из морского дна, водяной фонтан бьет.

Разыскал Семиножка огромную раковину, осторожно к фонтану подтащил и стоймя у фонтана поставил.

Ударил водяная струя, но не вверх, а под углом — прямо в камень, отодвинулся он в сторону.

Выплыла из пещеры русалочка и говорит:

— Меня зовут Синевласка, я дочь морского царя Нептуна. Поплывем в мое Русалочье царство, мой отец тебя щедро отблагодарит!

Смутился Семиножка:

— Посмотри на меня — я же не осьминог, а так, урод...

Улыбнулась русалочка Синевласка, серебряным смехом рассмеялась:

— Ну и что, что ты таким родился? Важно другое — ты добрый!

Подхватила Синевласка Семиножку на руки и поплыла с ним в царство русалок.

Принесла русалочка Осьминожку-Семиножку в большой прекрасный дворец.

Увидел Семиножка: восседает на троне могучий старец с трезубцем в руке — сам царь Нептун.

Рассказала Синевласка отцу, как спас ее Семиножка.

Посмотрел тогда Властелин Океана царь Нептун на Семиножку и молвил:

— Скажу я тебе, Осьминожка, вот что: у нас, в Русалочьем Царстве-государстве, не глядят на то, каков внешне житель морской, калека он или здоров, а смотрят, каково у него сердце — золотое или каменное.

И тот, у кого сердце золотое, — в почете у нас, а если каменное, — то нет к такому у нас почета. Золотое сердце у тебя, Семиножка, — ведь спас ты дочь мою, Синевласку, а о себе не думал, думал лишь о том, как ее из беды выручить.

До свидания, Тася

Руслану очень тяжело и грустно.

Рядом с ним, в большой коробке, на подстилке, жалобно поскуливает собака — пудель Тася.

Сколько мальчик себя помнит, а месяц назад Руслану исполнилось девять лет, — Тася была всегда. Абсолютно всегда.

Он помнит все, связанное с Тасей, — и веселое, и грустное.

Руслан вспоминает: когда он был малышом, Тася присматривала за ним и громким лаем отгоняла и людей, и животных от коляски, как смешно вертелась рядом, хватала мячики и прятала, а он, Руслан, искал игрушки.

А как забавно Тася выпрашивала вкусный кусочек, когда хозяева обедали!

Собака вставала столбиком на задние лапы и преданно смотрела на хозяев, пока кто-то из них не угощал ее сахарной косточкой или кусочком хлеба, смоченным мясной подливкой...

Папа брал Тасю на охоту и всегда приносил трофей — лисью шкурку, зайца, связку уток... — но в последнее время это были просто прогулки.

А сейчас... Тася умирает.

Папа сказал: от старости — Тасе пятнадцать лет, по человеческим меркам — сотня, не меньше.

Мальчик чувствовал: как же, наверное, страшно Тасе — на нее надвигается нечто ужасное, незримое чудовище, оно унесет ее от любимых хозяев, которым она служила так преданно, во тьму, навечно... А хозяева горюют... неужели они не всемогущи, неужели не могут защитить ее от тьмы?

И тут Руслану пришла в голову мысль.

— А может, в Раю есть место и верной собаке? Не может быть так, чтобы праведнику, да и просто хорошему человеку, а ребенку тем более, — не позволялось иметь с собой любимого пса...

Мальчик погладил собаку по голове и ласково сказал:

— Не надо так бояться, Тася. Ты исполнила долг, и тебя зовут в Рай, — здесь Руслан помедлил. — Это прекрасное место — там у тебя будет много вкусных косточек, будет так хорошо, спокойно! Не надо бояться. Ты нас не потеряешь. В Раю другое время. Ты не успеешь опомниться, перелетев в Рай, как — раз! — появимся мы и позовем тебя, вот так: — Тася, иди сюда! Это только лететь туда страшно...

Собака перестала скулить и благодарно лизнула мальчику руку, а затем притихла.

Вскоре она слабо вильнула хвостом, по телу пробежала судорога, и Таси не стало.

И вот здесь Руслан отчетливо понял, что такое Смерть, — это Ничто, оно приходит и уносит с собой все, что, казалось, будет вечно...

Аквариум

На тумбе стоял большой аквариум. На стуле рядом сидел четырнадцатилетний мальчик и смотрел на него.

А аквариум жил своей жизнью, независимой от большого мира.

Метались, играя, разноцветные гуппи, по дну шнырял, копаясь в иле, сомик, летели к поверхности пузырьки воздуха из компрессора, вяло шевелились веточки водорослей, медленно ползла по стеклянной стене подводного мира большая улитка...

Но мальчик никак не реагировал на это.

Он не прижимался носом к стеклу аквариума, не двигался, он просто смотрел...

В комнату вошла женщина.

Мальчик даже не пошевелился, он по-прежнему смотрел на аквариумный мирок.

Женщина печально улыбнулась, взяла сына за руку и помогла ему встать.

Сын не отреагировал — его бессмысленные глаза, лишенные разума, но не души, по-прежнему были обращены к аквариуму. Его губы шевельнулись:

— Мама, там рыбки, они такие смешные... плавают туда-сюда...

Ирина
Экимашева
Псков

*лонг-лист конкурса
«Со-творчество» в номинации «Проза»*

О Микки

*Собака моя дорогая,
Я так по тебе скучаю!*

Вот говорят, что для сопровождения незрячего человека можно обучить только собаку определенной породы. Я с таким мнением не согласна. По-моему, тренировке и обучению поддаются все породы, лишь бы собака была умная и понимала, что человек от нее хочет.

Я хочу рассказать про своего пса. Был он декоративный, чуть переросток, порода — китайская хохлатка. Нашла я его по объявлению в газете «Из рук в руки». Это был кобелек. Бывший муж прочитал мне текст, и я решила взять в дом щенка — потому что люблю собак. В 2008 году я еще слышала с помощью имплантанта и остаточное зрение держалось.

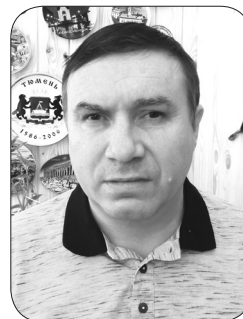
Щенку было три месяца. Хозяйка назвала его Митя. А я переделала в Микки. Весь пуховой, белый, длинные тонкие лапки, черные глаза и полувисячие уши треугольником с рыжими обводами на концах. Очень красивая собака.

Сначала мы просто выходили с ним на прогулки. Он подрастал. Как внимательно наблюдал Микки за стайкой уток на речке! А побегать я его выпускала только при муже. Если ускачет куда подальше, я его теряла из виду. И скажу, что собака всегда выбирает одного хозяина, на голос мужа он не ре-

агировал. Микки был смышленным щенком, а зрение у меня все же падало, и я решила — попробую научить его водить меня, куда надо, и обходить препятствия. Где-то на пятом месяце стала его обучать. Я тогда еще работала надомницей на учебно-производственном предприятии ВОС. Вот и стала его учить команде «на работу».

Получилось легко и просто. Там же, только в другом корпусе, была первичная организация ВОС. Микки запомнил ее. А слово «магазин», наверное, стало для него любимым. Поликлиника от дома далековато — 20 минут ходьбы, но он запомнил маршрут и туда. Его пропускали везде! Всегда ждал меня в коридоре под кушеткой, пока я была в кабинете у врача. Помню, первый раз по дороге в поликлинику свернул раньше, а я-то расслабилась, смотрю — пригород пошел. Спрашиваю проходящего мальчика: «Тут в поликлинику можно пройти?». «Нет». Обращаюсь к Микки: «Ты куда меня привел? А-ну домой!». Повел, но не домой, а до поворота, где сбился, — и потащил в поликлинику. Специально ходила положить деньги на телефон, и Микки не путал «Мегафон» с «Билайном», хотя офисы были в одном доме. А сотрудников нашей специализированной библиотеки для слепых Микки очаровал! В память о нем в 2016 году я слепила из пластилина скульптурку, когда ездила на компьютерные курсы в Дом слепоглухих в Пучково. И такой похожий получился!

Я живу одна, а тотально слепоглухим одиноким людям не дают собак-поводырей, а я теперь тотальница... Мне как-то подружка скинула на электронную почту статью, как потерявший зрение мужчина обучил своего британского кота навыкам сопровождения. Умные животные всегда нас услышат, надо только взяться за дело с любовью.

Александр
Галан
Тюмень

*лонг-лист конкурса
«Со-творчество» в номинации «Проза»*

Ключ без права передачи

Наступил технический перерыв в работе. Я пошел на балкон покурить и невольно залюбовался видом нашего города с высоты шестнадцатого этажа. С одной стороны, вдоль Трансиба, стоят белокирпичные «хрущевки», утопая в кронах тополей, а с другой — недавно построенные высотки, отблескивающие в окнах многоцветием заходящего солнца.

Чуть поодаль проходит многополосная магистраль, в обе стороны спешит разномастный автомобильный поток, равномерный шум доносится даже до таких высот, где нахожусь я, но иногда перебивается грохотом проходящих поездов. А дальше, за дорогой, в поле, словно однорукие великаны, стоят строительные краны, вокруг которых снуют люди-муравьи, возводя очередной дом-муравейник.

Из года в год наша сибирская столица становится краше. Строятся новые микрорайоны с торговыми центрами, широкие дороги с транспортными развязками, расширяя границы и оправдывая название «столицы деревень», но в современном смысле. Город растет не только в ширь, но и поднимается вверх. Хоть я родом не из него, но прожил большую часть жизни здесь, полностью сроднился с ним, ставшим мне второй родиной. Мне по роду деятельности приходится мотаться по всему городу, видеть и сравнивать архитектурные изыски, контраст между купеческими особняками и современной застройкой, зданиями в стиле соцреализма и «хрущевками».

Забыл представиться, меня зовут Юрий, коллеги называют меня по-простому — по батюшке. Профессия моя незаурядная. Я установщик дверей в мебельном магазине-салоне. Помогаю землякам подобрать по вкусу, дизайну, а иногда и по кошельку, подходящие двери, и быстро, аккуратно установить их. Я работаю на этом поприще пятнадцатый год, и работа мне нравится — мне нравится радовать людей.

Как и в других профессиях, у нас происходят интересные, а иногда курьезные и даже невероятные истории. Одну из них, происшедшую со мной, я и хочу вам рассказать.

Началось все в пятницу, в начале рабочего дня — не тринадцатого числа, как вы можете подумать, а двадцать четвертого, в обычное солнечное утро. Появился я в магазине ровно в девять ноль-ноль, чему был удивлен не только сам, но и коллеги. Мы, установщики, приходим на работу позднее, с открытием магазина покупателей почти не бывает, и нам нечего делать. Но сегодня я появился после двухдневной отлучки — было много заказов и пришлось мотаться по всему городу.

Зайдя в магазин, я направился к менеджеру, который выдавал заказы. Когда он увидел меня, на его лице появилась счастливая хитрая улыбка. Зная его, можно было ожидать любого подвоха. Так и получилось. После того как мы поздоровались и пожали друг другу руки, менеджер с улыбкой на губах, начиная издали, выпалил: где ты был, мол, мы тебя два дня ждем, заказчик хочет, чтобы двери установил именно ты, как самый опытный специалист. И, как бы невзначай, называет адрес в микрорайоне новой застройки, на краю города, у черта на куличках. У меня сразу настроение упало. По таким заказам, где еще дорог-то нет, мы с таким нежеланием ездим! Но что поделаешь, работа есть работа. А менеджер втихушку подсовывает готовый лист заказа.

«Все нормально, хороший заказ, — видя мое настроение, менеджер подбадривает меня. — Надо поставить две межкомнатные двери. На девятом этаже — весь материал на месте. Приезжай и устанавливай на здоровье. Хозяин ждет тебя после шести часов. А вот на десятом этаже в этом же подъезде какой-то крутой чувак. Сам приезжал, выбрал дверь, все

оплатил, ключи вот оставил. Номер мобильника возьми, как приедешь, позвони ему. Да, еще, чуть не забыл, ключ в замке немного заедает. Давай бегом на склад, сегодня пятница, ре-визия».

Сажусь в трудовую кормилицу-автолошадку, на складе получаю дверь и все к ней причитающееся и, покрутившись по новым районам, к обеду подъезжаю к злополучному дому. Это была 4-подъездная шестнадцатизэтажка, «укутанная» новеньким асфальтом с удобной парковкой. Дом не был полностью заселен. Двор казался пустым, только работники службы озеленения высаживали саженцы вдоль стены. Удобно припарковавшись, я поднял на лифте на десятый этаж все необходимое для работы. Вставил ключ, но он не поворачивался. Заедал. Немного повозившись с замком, я открыл дверь. В квартире ремонт почти закончен, остались небольшие недоделки. Всегда интересно посмотреть на современный дизайн квартир! Ремонт мне понравился, неброско и со вкусом. Кстати, дверь гармонично вписывалась. В комнате лежали нераспакованные коробки, какая-то аппаратура, телевизор. Вспомнив, взял мобильник и позвонил хозяину квартиры. Объяснил, что нахожусь на месте, и спросил пожелания по установке двери. Он оказался человеком с характером, и мы долго обсуждали, как ставить дверь, не понимая друг друга. В результате я плюнул и решил делать работу как умею. Вышел в коридор, покурил, немного успокоился и принялся за работу.

Когда дверь стояла на месте, дожидаясь последнего аккорда (после того как подсохнет пена, останется прибить опанелку и установить ручку), в дверь постучали. Вообще-то у нас правило: в чужих квартирах мы не открываем. Но стук повторился несколько раз, стучали настойчиво. Пришлось открыть.

На пороге стоял мужчина из соседней девяносто пятой квартиры и в недоумении смотрел на меня.

«Мужик, ты у меня должен был ставить эту дверь!» — злобно прокричал он.

Я сообразил, что это и был тот самый неведомый заказчик, с которым я разговаривал по телефону, и понял, что установил проклятую дверь не в той квартире! В ужасе и с трясущимся

щимися руками я достал листок заказа. Посмотрел на адрес заявки и на номер квартиры — цифры совпадали, и передал его мужчине. Он долго всматривался, видимо, не веря глазам, неожиданно побледнел, поняв, что сам является виновником происшествия. Начал передо мной извиняться, приводя кучу причин, как такое могло случиться. Мне на них было наплевать, надо было выкручиваться из неприятной ситуации.

Вдруг прозвучал сигнал приехавшего лифта, створки открылись, из нее вышел мужчина и направился в нашу сторону. Подойдя к нам, он посмотрел на соседа, затем на меня, потом на открытую дверь своей квартиры, и с недоумением спросил: «Ну, и что?».

«Мы вам новую дверь поставили, но, правда, по ошибке», — промямлил незадачливый заказчик и начал оправдываться. Хозяин квартиры заглянул внутрь, оглядел установленную дверь и сказал:

— А на хрена она мне нужна? Убирайте. Завтра на этом месте арку установят.

Что мне оставалось делать? Потихоньку перетащил инструмент в соседнюю квартиру и пошел демонтировать дверь, благо пена не успела подсохнуть. Настроение, как вы сами понимаете, было испорчено. Работу пришлось начинать заново. Проштрафившийся хозяин, правду сказать, помогал по мере сил, искупая вину. Когда дверь была установлена и пропена, а я ожидал ее просушки, в квартиру громко постучали. От стука я вздрогнул, на душе заскребли кошки, — опять по мою душу? Так и есть.

На пороге стоял незнакомый мужчина, его взгляд сразу направился на меня.

«Я с девятого этажа. Целый час вас жду», — с претензией сказал он.

Я печально посмотрел на него и вымолвил: «Сейчас доделаю, немного осталось, и приду».

Вот так, стоя на балконе девятого этажа и оглядываясь вокруг, думаешь, как необыкновенно красив наш ночной город. Глядя в небо, усыпанное мириадами сияющих звезд, угадываешь знакомые созвездия, даже можешь увидеть «падающую звезду» и загадать заветное желание. А там, внизу, в темноте,

видны очертания берегов Туры, в водах которой отражаются фонари. Вокруг проглядываются силуэты огромной стройплощадки с недостроенными домами и башенными кранами.

Я посмотрел на часы — половина второго. Наконец-то закончился этот ненормальный день. Надо потихоньку собираться домой. В пустой комнате, похрапывая, спит на матрасе хозяин квартиры, так никуда и не уехавший. Пройду тихонько в коридор, чтобы не разбудить, соберу инструмент и защелкну замок. Сяду в свою «Калину» и поеду домой, чтобы забыть этот день как страшный сон.

Ирина
Жукова
Починок

*лонг-лист конкурса
«Со-творчество» в номинации «Проза»*

Ирик сидит дома

Пандемия стремительно ворвалась в жизнь страны. Это был эффект разорвавшейся бомбы: осколками разлетелись планы на жизнь, подорвалось здоровье, люди вынужденно засели по домам. И, кажется, нет этому конца...

Первые дни карантина были сродни каникулам, отпуску, если хотите. Мол, сейчас мы недельку отдохнем от рабочих будней, посидим дома и со свежими силами приступим к делам.

Но шли дни, потом недели. Новостные сводки становились все печальнее. Карантин продлевали и продлевали. Настроение у людей с каждым днем становилось все удрученнее.

Моя творческая работа не остановилась. Собственно, она у меня всегда была удаленной. Пишу заметки, очерки. Это мне привычно! И изоляция никак не повлияла на мою деятельность.

Но даже эта работа мне надоела! И я решила переключиться на новое. Поскольку я работаю в сфере журналистики, в голову пришла мысль освоить азы фотографии. Мне предложили присоединиться к курсам Школы мобильной фотографии по созданию и обработке фото. Оказывается, столько нюансов есть в камере моего смартфона! Пользуюсь им много лет, но только сейчас узнала о фишках моей камеры. Обучение захватило и вдохновило на создание серии необычных фото. Вот когда корона спадет с головы вируса, разгуляюсь я с фотографиями!

Журналисту важно уметь не только хорошо писать, но и общаться. А для этого надо улучшать речевой тонус. Самоизоляция дала мне возможность без спешки и суеты каждый вечер читать вслух стихи. Вот я вечерами и выработывала дикцию и выразительность речи. Подсказали мне и голосовые упражнения. Я так рьяно за это дело взялась, что в один из дней напугала родных голосовыми «па»!

Одна дома. Дай, думаю, позанимаюсь, потренирую голос. И что вы думаете? Взяла такую высокую ноту, на какую был способен мой голосочек! Не рассчитала силенки. Зрелище, а точнее слушалище, вышло не для слабонервных. Вместо переливчатого звучания вышел рык раненого бизона. Все бы ничего, но именно в этот момент вернулись из магазина родные.

В нашей семье нет культа еды. Правда, вкусно покушать любим все. С приготовлением борща у нас есть одна странность. О чем я? Да вот. Вдохновение что-то приготовить посещает меня не столь часто. Домашние болтаются по кухне и сбивают настрой. А я люблю с чувством, с толком, не торопясь — и чтоб никого не было. Настал такой момент. Борща! Хочу борща! И я приступила к действию. Начала варить косточки в небольшой кастрюле. Стала закидывать картошку, поняла — маловата будет эта посуда, нужна средних размеров. Перелила в другую, побольше. Подготовила начинку. А начинка борща — это, скажу я вам, не хухры-мухры, тут надо знать тонкости, а то не получится ничего. Забрасываю и ее в кастрюлю. Вот же безобразие! И эта кастрюля мала! А ведь надо еще куда-то деть капусту... Делать нечего, переливаю будущий суп в пятилитровую кастрюлю. Чего уж мелочиться? Так всегда бывает, когда папа готовит борщ. Традиция невольно прилепилась и ко мне.

Знаете, что еще важно в самоизоляции? Не запустить внешний вид! А это легко. Никуда не нужно выходить, с каждым днем становишься все ленивее и ленивее...

Я потеряла счет изоляционным дням. Однажды от друга поступило предложение записать для его радиопрограммы интервью. И вот настал час икс. К моменту записи я выглядела так, что хоть на красную дорожку отправляй! Мотива-

ция, и не важно, что меня не видно. Хотя внутри я тряслась от страха. Господи, куда я лезу-то?! Звезда эфира, елки-палки! Зато красивая.

Третий месяц сижу дома. Конечно, трудно усидеть, когда за окном лето. Счастье, что живу в частном доме. Пишу вам о своих буднях из шезлонга в своей беседке, на коленях ноутбук. Вокруг зелень, слышно пение птиц. Упоительные ароматы цветов. Жужжат пчелы, шмели.

Вирус заставил нас разъединиться с родными, друзьями, коллегами. Если задуматься, это время дано нам не просто так. Каждый вынес из изоляции что-то свое. Кто-то научился новому, кто-то смог оглянуться и переосмыслить жизнь. Я же получила уроки. Самый, пожалуй, важный — ценность родственных и дружеских отношений. Никакие материальные блага не заменят теплоту общения и радость встреч с родными и друзьями. Будьте здоровы и цените друг друга!

НОМИНАЦИЯ **«Эссе / публицистика»**

Лауреат I степени

Елена Волох *(Москва)*

Лауреат II степени

Любовь Малофеева *(Ижевск)*

Лауреат III степени

Александра Нечаева *(Старица)*

Шорт-лист

Галина Ушакова *(Сочи/Кингисепп)*

Владимир Елфимов *(Новосибирск)*

Алена Капустьян *(Москва)*

Владимир Рачкин *(Пермь)*

Лонг-лист

Валентина Васильева *(Гай)*

Константин Снижко *(Воркута/Москва)*

Карина Жакова *(Брянск)*

Валентина Серегина *(Орск)*

**Елена
Волох**
Москва

*лауреат I степени
конкурса «Со-творчество»
в номинации «Эссе/публицистика»*

Из пут настигнувшей беды

Счетой Егоровых я познакомилась в литстудии инвалидов «Друза». Пришла я, как обычно, одна (волонтеров тогда не было), надеясь, что кто-то из присутствующих мне напишет. Там все слышали.

И вдруг вижу: маленькая, приятная женщина старательно пишет высокому, худощавому человеку в очках, и он читает, низко склонившись над столом. Рядом стоят костыли.

Узнав, что я тоже не слышу, Надя — так звали женщину — охотно стала показывать мне написанное. С этого дня началась наша дружба.

Владимир Андреевич родился и вырос в Москве. Читать научился рано. Писать стихи начал лет в 12. Однажды послал свои стихи на какой-то конкурс. И в итоге очутился в литературном кружке Московского дома пионеров, который вела замечательный педагог, детская поэтесса Ольга Высоцкая.

Бывали там К. Симонов и Л. Кассиль. Эти занятия много дали Егорову. После школы он хотел поступить в Литинститут. Однако обстоятельства сложились так, что эту мечту пришлось оставить. Но стихи писать Владимир не бросил. Пошел работать на завод. Окончил технический вуз, был инженером. Затем перешел в НИИ радиосвязи, где проработал 21 год.

Прервать научную карьеру заставила инвалидность. Вследствие диабета развилась гангрена ног. Спасая ноги, Егорову давали антибиотики, от которых наступила глухота.

Зрение тоже падало. Но Владимир Андреевич не замкнулся в своих бедах, не утратил веры в людей. К неудачникам он себя не причислял, считал, что свою судьбу человек создает сам. Он начал искать единомышленников. Это привело его в «Друза».

Егоровы всегда встречали меня приветливо, охотно общались. Надя сама была инвалидом, ходила с палочкой, но слышала и видела нормально. У нее был четкий, крупный почерк, звонкий голос. Даже я иногда могла ее расслышать.

Егоров не знал ни жестов, ни дактиля. Кое-как он разбирал громкую речь возле уха, но в основном ему писали. Я немного научила его ручной азбуке, однако привычки к ней у него не сложилось. Мы говорили руками — медленно, с трудом, только когда писать было неудобно.

Детей у Егоровых не было, родители умерли. Жили они вдвоем в небольшой уютной квартире, любя и поддерживая друг друга. Оба были общительными людьми, к ним часто приходили гости. Надя помогала мужу в общении.

Официально слепоглухим Егоров не был. У него уже имела группа по общему заболеванию, и добиваться новой инвалидности не имело смысла. Он шутил: «У меня первая группа по ногам. По глазам могут дать вторую, по ушам — третью. Так не лучше ли сразу дать шестую?».

Он вообще был веселым, жизнерадостным человеком, умел превратить в юмор любую житейскую трудность. Ездили мы с членами литстудии в дом отдыха, там фотограф предлагал свои услуги. На мое приглашение щелкнуться Егоров ответил стихами:

Иметь за 10 рэ два фото
Мне почему-то неохота.
Уж лучше я пойду к пруду
И в нем лицо свое найду.

Говорю, что фото на память останется. На это последовали новые вирши:

Хоть не могу я воду пруда,
Как фото, положить в карман,

Но ведь и не ищу я чуда,
Мое лицо со мной повсюду,
А фото — фокус и обман.

Объясняя свое решение, он подытожил:

На фото ведь рога под шапкой,
Да и копыта в башмаках.
А если пруд задернут травкой,
Я всех оставлю в дураках!

Такие шуточные экспромты он выдавал часто, вызывая безудержный смех. Но писал и серьезные стихи. Я привела его в «Камертон» — объединение глухих литераторов.

Однако наши поэты встретили нового коллегу весьма иронично, раздраконили его творения в пух и прах. Егоров даже расстроился сначала. Но критика его не обидела, а подхлестнула. По словам Нади, он «работал и работал». Стал завсегда-таем «Камертона».

Никакие расстояния и трудности Владимира Андреевича не пугали, он летал на костылях, как на крыльях. Надя не всегда могла сопровождать мужа, часто болела. Но он приспособился ездить сам. Смело обращался к людям, прося что-то написать, сказать погромче.

Егоров очень любил жену, много стихов посвятил ей. Она была в больнице, а он заклинал:

Отдай все силы для борьбы!
И — не сдавайся! Зубы стисни,
Но не бросай две наши жизни
На произвол слепой судьбы.

Надиных сил не хватило... Егоров постарел, поседел, но держался. Показывал фотографии: Надя в гробу лежала, как спящая царевна... Он написал о жене:

Я понимаю, ты была святою,
Терпя, прощая, веря и любя.

Диабет — болезнь коварная. Задавленная гангрена ног опять дала о себе знать, Владимир Андреевич уже не выходил на улицу. Мы с сотрудником редакции «ВЕС» («В едином строю» — журнал Всероссийского общества глухих) В. Скриповым навещали его дома. Ему кто-то помогал из родственников. Егоров, как всегда, шутил, был спокоен, собран. Дал нам стихи для публикации. Готовился вскоре лечь в больницу. Верил, что врачи его спасут, как это бывало не раз. Стихи напечатали в «ВЕСе». Мне дали гонорар для Егорова. Моя мама стала созваниваться с его родственниками, чтобы передать деньги. Владимир Андреевич лежал в больнице, в тяжелом состоянии. Велели позвонить ему через два дня. А через два дня Егоров умер...

В душе остался образ летящего, как на крыльях, человека, стремящегося к людям, к общению, любви, радости — вопреки всем невзгодам.

Так рвется пойманная птица
Из пут настигнувшей беды...

Прошли годы, но когда бывает особенно трудно, я вспоминаю Егорова, его внимательные, понимающие глаза, в которых порой вспыхивали шаловливые искорки.

Он словно ободряет издали:

Ничего, пробьемся! Жизнь прекрасна и удивительна!
Будем стойко нести свой крест!

Такие слова я слышала от него живого. Это очень поддерживало.

Любовь
Малофеева
Ижевск

лауреат II степени
конкурса «Со-творчество»
в номинации «Эссе/публицистика»

Витамин против коронавируса

Весна! После долгой зимы в счастливом предвкушении строим новые планы, лелеем надежды на благоприятные повороты судьбы, ждем невероятных событий и ощущений. Природа вторит настроению и создает благоприятный романтический фон — уютные аллеи парков и скверов с нежной зеленью деревьев, залитые солнцем городские улицы и площади, пьянящий аромат сирени и черемухи, буйство красок весенних цветов, звонкоголосый хор пернатых певцов, длинный световой день...

К большому сожалению, в традиционный весенний сценарий природы в этом году грубо вмешалась коронавирусная инфекция, жестко скорректировав наше участие в торжестве весеннего возрождения. Заключенные в вакуум своих квартир, мы стали не участниками, а лишь наблюдателями весеннего буйства природы.

В бедную событиями карантинную жизнь я пыталась внести хоть какое-то разнообразие. Что из этого получилось — судите сами.

КОНКУРС МАСОК

«Дело было вечером, делать было нечего» — помните строчки Сергея Михалкова? Именно так все и началось — делать было нечего. Вернее, ничего делать не хотелось. Шла чет-

вертая неделя самоизоляции. Моя квартира к тому времени пережила невиданную доселе генеральную уборку — пыли и грязи не осталось даже в труднодоступных углах. Кулинарные эксперименты, вдохновляющие в первые дни самоизоляции, надоели, фильмы и телепередачи утомили, книги не вызывали интереса, сон пропал. Таким был результат моего четырехнедельного заточения в квартире. Казалось, даже яркое апрельское солнце, отражающееся в хрустальной чистоте окон, грустило от строгих запретов.

И тут...

Тут сказал ребятам Боря

Просто так:

— А у меня в кармане гвоздь!

А у вас?

А у нас в кармане маска в собственном, так сказать, исполнении.

Да-да, защитная маска — самый востребованный и дефицитный товар на момент описываемых событий.

Шью я редко, не мастер в этом деле. Удивляюсь — откуда взялось в утомленной карантинном душе вдохновение?! Горжусь — все сделала сама, без подсказок, от идеи до ее воплощения. Маска получилась симпатичная, и что важно — очень экономичная и простая в исполнении. В подтверждение даю описание процесса кройки и шитья.

Порывшись в закромах, я нашла кусок плотного трикотажа белого цвета, вырезала из него прямоугольник размером 27 на 21 см. Сложила ткань по длинной стороне пополам. Прошила на швейной машине сторону, противоположную линии сгиба. Затем вывернула заготовку швом внутрь, отутюжила. Боковые стороны заготовки обработала швом «зигзаг», затем, подогнув их на 1,5 см, прошила. В боковые швы нужно было вставить завязки из резинки или шнура. У меня ни того, ни другого не оказалось. Но, как говорится, голь на выдумки

хитра. Я использовала капроновый носок — отрезала две эластичные полоски. Стянула боковые стороны маски в кулиску, закрепила со всех сторон парой стежков, отрегулировала размер завязок. Украсила верх нежно-зеленой тесьмой. Маска готова!

Мой рукодельный шедевр вдохновил на дальнейшие действия — захотелось рассказать о нем слепоглухим друзьям. Рассказала. И даже провела виртуальный мастер-класс по изготовлению маски в нашем групповом чате в WhatsApp.

На этом история не закончилась. Я предложила организовать виртуальный конкурс масок. Друзья идею поддержали. Ознакомила будущих участников с условиями конкурса:

- участвовать могут не только слепоглухие, но и их родственники и друзья;
- маски можно сшить из ткани, можно сделать оригинальные модели из различных материалов, а можно использовать аптечные, оформив их по своему усмотрению;
- конкурсные маски не обязательно должны защищать от вируса, приветствуются оригинальные идеи — просто для хорошего настроения; главное в конкурсе — творчество;
- победителю, как и полагается, — приз от организатора.

Процесс пошел. В течение недели мы были заняты интересным и полезным делом.

Меня очень порадовала активность моих друзей. Конкурс объединил нас общим делом. В условиях карантина общение в нашем чате в WhatsApp практически сошло на нет, периодически кто-то пугал очередной «страшилкой» про коронавирус, и все. Унылое молчание сменилось оживлением, всплеском эмоций. В течение недели друзья демонстрировали результаты своего труда, эмоционально оценивали мастерство и оригинальные идеи соперников. Получилась своеобразная переключка друзей. Даже те, кто давно не выходил на связь, откликнулись на призыв и включились в творческий процесс. О, какой богатый ассортимент масок у нас получился!

В нашей коллекции были маски практичные, оригинальные, красивые, веселые клоунские, романтические с бантиком, супернадежные, как скафандр космонавта, по-детски наивные, загадочные — разные! Сорок различных моделей! В ход пошли, помимо традиционной хлопчатобумажной ткани, крышки от кастрюль, фрукты, туалетная бумага, салфетки, женское нижнее белье, носки и пластиковые бутылки.

Главный итог конкурса — хорошее настроение! А это очень полезный «витамин», в условиях пандемии он способен укрепить и физический, и душевный иммунитет.

А кто же победитель, спросите вы? Ответу — победила дружба! Я не захотела кого-то выделять, потому что все маски были по-своему хороши, в процессе работы все участники продемонстрировали не только способности, но и чувство юмора и находчивость.

Ну а обещанный приз я отменять не стала. После карантина большой сладкий подарок к чаю всем участникам конкурса будет обязательно!

ИГРА «ОТГАДАЙКА»

Очередной душевный кризис настиг меня на седьмой неделе самоизоляции. В одно не очень прекрасное утро я вынуждена была констатировать следующие симптомы своего состояния — мозги тупеют, тело обрастает лишними килограммами, душа замерла в летаргическом сне.

И тут...

Тут сказал ребятам Боря

Просто так:

— А у меня в кармане гвоздь!

А у вас?

— А у нас сегодня гость!

А у вас?

А у нас не гость, а гости! Я решила пригласить к себе слепоглухих друзей! Как такое возможно в условиях самоизоляции? — спросите вы.

Отвечу — виртуальные встречи никто не отменял. В невидимом пространстве в WhatsApp я открыла для друзей уютную «беседку» для общения. На правах внимательной хозяйки поинтересовалась: «Как вы? Что интересного в вашей жизни?». Вялый отклик на вопрос констатировал очередной авитаминоз — острый дефицит витамина под названием «хорошее настроение».

Я незамедлительно приступила к разработке уникальной лечебной программы. Несколько подготовительных дней — и «скорая помощь» в виде интеллектуально-развлекательной игры «Отгадайка» была готова!

Условия игры:

- игра состоит из семи этапов;
- каждый этап посвящен определенной теме;
- ответы на вопросы игры отправляем в личку организатору;
- на обдумывание ответа дается 24 часа, после в общем чате публикуются верные ответы и определяется победитель этапа.

Игра началась. Стартом послужило фотозадание под названием «Эти глаза напротив, или Узнай друга по глазам».

По фрагменту фотографии, а именно по глазам, предлагалось узнать знакомого человека. Было забавно, что глаза некоторых наших друзей оказались настолько «загадочными», что участники с трудом опознали их.

На втором этапе игры я поняла: что-то пошло не так. Было предложено пять фотофрагментов на тему «Загадки природы, или Что (кто) это?». Люди со смущением писали, что не знают правильного ответа, извинялись за незнание. Пришлось срочно выступить с обращением к игрокам:

«Друзья, у нас не экзамен, а игра! Невозможно знать обо всем на свете, поэтому не надо бояться дать неверный ответ и стыдиться своего незнания. Разрешаю брать подсказки у друзей, искать ответ в Интернете».

Все встало на места, игроки активизировались. В ответах были очень интересные ассоциации. В рисунке крыла бабочки-крапивницы кто-то увидел узор женского головного платка, в увеличенной голове мухи — «заднюю часть» туловища слона, в спиле дерева — узор вязаного изделия и даже рисунок марсианского грунта.

Третий и четвертый этапы, посвященные ижевским памятникам, помогли участникам больше узнать о городе. Подводя итоги, я дала краткую информацию о каждом памятнике и месте его расположения.

С каждым новым этапом азарт возрастал. Как только появлялся очередной блок вопросов, на меня обрушивался шквал сообщений! Я бросала домашние дела и деликатно подсказывала, направляла поиск ответа в нужное русло.

Пятый этап превзошел предыдущие. Он был посвящен мероприятиям досугового центра и организациям-партнерам, благодаря которым состоялись запоминающиеся встречи. Невероятная активность игроков вылилась в рекордное количество победителей этапа — четыре.

Продолжением предыдущего задания стала онлайн-викторина на тему «В мире слепоглухих». Вопросы не вызвали особых затруднений, все ответы, за небольшим исключением, были верными.

Наконец, добрались до финала игры. «От улыбки хмурый день светлей, или Узнай друга по улыбке» — так я назвала

заключительное задание. День действительно был хмурым. Но последний аккорд интеллектуально-развлекательной игры подарил всем участникам, в том числе мне, массу положительных эмоций. Пасмурный день засиял радугой улыбок моих слепоглухих друзей.

Игра, судя по отзывам, всем понравилась. Каждый день недели был увлекательным, полезным, интересным. Именно такую задачу я себе ставила. Рада, что удалось немного раздвинуть рамки ограничений, связанных с коронавирусом, и подарить друзьям очередную порцию полезного витамина. Еще радует, что эстафету приняла наша активистка Ирина и следующая неделя тоже прошла интересно и полезно.

Мы вместе, каждый из нас «не один в темноте» — думаю, такое открытие сделал каждый из нас, и это главный итог наших виртуальных встреч в период самоизоляции.

Александра Нечаева Старица

лауреат III степени
конкурса «Со-творчество»
в номинации «Эссе/публицистика»

Из детства

*По воспоминаниям моей мамы,
Клавдии Петровны Захаровой*

Когда началась война, мне было 5 лет. Мы жили в Поволжье. Мои отец и мать работали в колхозе от зари до зари. Семья была большая — четверо маленьких детей, трое старших и старая слепая няня Марья, которую мама упростила отца взять в дом из милосердия. Самый старший брат Павел ушел на фронт.

Во время войны и много лет после люди жили впроголодь. В пищу мы употребляли всевозможную траву: конский щавель, крапиву, лебеду, ботву от овощей. Собирали семена лебеды, мололи на ручных мельницах и пекли, с добавлением десятой части муки, лепешки. Они трескались, были черными и очень невкусными, горькими. Помню, мама нам раздавала по лепешке и по полкружки молока. Сестры все съедали, а я не могла проглотить и кусочка этого хлеба, выпивала только молоко, за что, бывало, мне попадало от матери.

Каждый день мы с няней Марьей ходили на луг за конским щавелем. Притаскивали по три мешка. Листья сушили и перетирали в муку, потом тоже пекли лепешки, они были вкуснее, чем из лебеды. Еще щавель жарили и варили. Варили и суп из крапивы. Спасала нас наша корова Люська. Мы ее любили и берегли, самая лучшая трава доставалась именно ей.

Из военного времени мне запомнилась одна история, связанная с 13-летним братом Василием. У него были настоящие чугунные коньки, которые привез и подарил ему брат Павел. У остальных деревенских детей они были деревянные. Вася очень любил кататься на коньках, берег и гордился ими.

Был конец октября 1942 года. В это время по селу гуляли без дела призывники, которые вот-вот должны были отправиться в армию и сразу же на фронт. И вот несколько парней-призывников пристали к Васе, начали отбирать коньки, но он не хотел отдавать их и рванул прочь, повесив связанные между собой коньки на шею. Он побежал на речку, где всегда катались дети, и убежал в дальний ее конец, где лед еще не схватился и были полыньи.

Неделю искали Васю по близлежащим деревням, думали, может, ушел к кому-то из родни. Потом узнали — наши соседи видели, как призывники погнались за Васей в сторону речки и вернулись обратно без него, — но молчали, потому что боялись. Их младший сын в итоге не выдержал и рассказал нашему отцу.

Поехали искать Васю на лодках, вытащили багром. Перед глазами стоит картина, как его, обледенелого, привезли и положили на лавку в доме, суровое пальто, которое шила мама, одна варежка... Как плакали мы, никто не опишет...

В это время в нашем селе из Казани проездом был врач, и его пригласили осмотреть нашего Васю. Врач сказал, что даже если бы его вытащили из воды сразу, то не спасли бы, так как мальчик умер от разрыва сердца, когда бежал и внезапно упал в полынью.

Похоронили брата на ноябрьские праздники. А те парни уже были на войне, и кто знает, вернулись ли они оттуда...

Галина
Ушакова
Сочи/Кингисепп

*шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Эссе/публицистика»*

Побег за 2400 км

Как знают мои друзья, несмотря на то что я давно разменяла седьмой десяток, в душе я такая же сорвиголова, как и в 20, и в 35. Мне не терпится поведать вам об одной удавшейся аванюре, о которой поначалу знали даже не все мои близкие и друзья.

В мире уже несколько месяцев хозяйничает COVID-19. Люди оказались запертыми в своих жилищах. Передвижение по городу, а тем более по стране, было сильно затруднено, поскольку везде ввели карантин. Наш южный приморский город тоже не избежал ограничений. С 26 марта по 20 апреля я ни разу не вышла из дома.

За окном буйствовала весна. Алыча, черешня и груша были в необыкновенных кружевных и ароматных платьях, но любоваться ими можно было только из окон. Нельзя было насладиться их нежным запахом, потрогать ветви, зарыться лицом в прохладные влажные листья...

Муж выходил в магазин в маске, которую в народе метко прозвали намордником. (Собаки — те гуляли без намордников и, наверное, немало удивлялись изменениям в облике человечьем). Возвращаясь домой, муж тщательно мыл руки хозяйственным мылом, затем обрабатывал странно пахнущим не то апельсином, не то карболкой гелем-антисептиком от «Фаберлик».

20 апреля мы вышли вместе и поехали сдавать купленные еще зимой на 22 апреля билеты в Кингисепп, в который мы

уже с добрый десяток лет выбираемся на лето. Тогда, в феврале, мы решили ехать через Москву, и это было большой ошибкой: наш поезд Сухум-Москва и поезд Москва-Таллинн отменили первыми из-за закрытия границ с Абхазией и Эстонией. (Кингисепп находится в получасе езды от Эстонии. А про Сочи все знают, что он граничит с мандариновой республикой.)

Эх, надо было брать, как всегда, через Питер! Но муж предложил опробовать вариант через Москву, чтобы приехать сразу в Кингисепп. Кто ж знал?

Грустили недолго. Обзвонив службы РЖД и волонтеров Москвы и Петербурга в поисках информации, взвесив все и рассчитав, изучили эпидемиологическую обстановку в Питере и Кингисеппе и 23 апреля отправились в кассы. Действовал масочный режим, и в автобусах мы ехали в них, стягивая на подбородки на открытом воздухе.

Перед кассами еще раз все просчитали. Уже объявили о том, что в праздничные дни, с 29 апреля по 11 мая, в область будут пропускать только с документами на загородную недвижимость. У нас собственности, к сожалению, нет. Надо было искать обходной путь. Мы предположили, что перед праздниками и в первые дни будет тотальный контроль, а потому остановились на дате 3 мая. Поток упадет, — решили мы, — и риск будет минимален.

Решено — сделано. Билеты куплены. Наши запланированные медицинские дела к этому моменту пошли прахом: и стационар (а я сдала все анализы за неделю до карантина), и оформление ИПРА обоим, и компьютерная диагностика у мужа, и документация на мое протезирование, и обследование в московских медцентрах... Все пришлось отложить до осени, если не позже. Нас ничего не держало, кроме запретов и страхов.

Начали собираться, постоянно мониторя обстановку. Надо сказать, что Кингисепп одним из первых закрыл въезд-выезд, и благодаря этому город остался практически чист. Нам постоянно сообщали обстановку и в Петербурге, и в самом городе.

Перспектива провести лето в душной однушке, где летом даже кондиционер не спасает, в губительной для здоровья

влажной жары, в городе с очень высокой плотностью населения и быстрым ростом зараженности из-за туристов, — нас просто ужасала. Дачи в окрестностях Сочи мы не нашли. Так что — драпать, драпать, смазав пятки чем-нибудь антибактериальным!

Настало 3 мая. Мы вышли в теплый солнечный вечер полностью экипированные, в масках и перчатках, сели в машину и начали путь в неизвестное. На вторую встречу с весной и белыми ночами.

Зять отвез нас на вокзал, выгрузил, обнял и уехал.

За дело взялась Служба сопровождения. Дюжие парни в черных масках (смотрелось жутковато) понесли багаж в здание вокзала. Дежурная знала о нашем прибытии. А кассы, между прочим, с 27 апреля приостановили работу, и купить можно было только электронный билет. Но в соцкупе билет по интернету не оформить. До сих пор не создан электронный реестр инвалидов в РЖД, о котором было столько разговоров...

И наша станция Лоо была закрыта для посадки. Но поскольку у нас имелись билеты, да еще и для категории маломобильных граждан, поезд остановился. Меня на коляске погрузили через задний тамбур прямо в соцкупе. Соцкупе всегда находится в штабном вагоне. Приветливый начальник поезда опрыскал антисептиком и протер ручки и поручни. Проводница быстро принесла кипяток. (И потом весь путь заботливо приносила нам по два стакана кипятка.) Мы сказали, что знакомы с порядками, и отпустили ее.

В туалет ходили с антибактериальными салфетками, которыми запаслись аж на бригаду, и брались за все только через салфетку. На станциях муж выходил в перчатках и маске покурить, а потом салфетками протирал перчатки.

Наше купе несколько раз в день опрыскивали, убирали и вытирали. Наверное, чаще и чище, чем в иной реанимации.

Первые сутки мы проспали. Мужу приснился кошмар, что его без объяснений забрали, отобрав все, даже телефон, и он там, во сне, ужасно боялся, что я останусь без связи и в неизвестности. Слава Богу, это так и осталось кошмаром. Ехали, ели, пили чай под перестук колес. За окном навстречу нам

мчались еще серые леса и поля — весна в этих краях припозднилась... Мы немного волновались: как проскочим, не снимут ли с рейса, но мне что-то говорило внутри, что доберемся невредимыми.

По прибытии начальник поезда попрощался с нами и пожелал здоровья, мы надели маски и перчатки. Позже муж сказал, что начальник нас дважды проверял прибором и сказал, что мы чисты. А я даже не успела этого заметить.

Служба сопровождения Московского вокзала, тоже в черных масках и перчатках, выросла у двери купе, как конек-горбунок. Споро посадили в коляску, подхватили багаж.

Муж еще из вагона вызвал такси. Таксист в маске помог погрузить вещи, и мы поехали на Ленинский проспект. Машин в утренний час было непривычно мало, людей почти не видно. Петербург просыпался медленно, нежась в солнечных розовых лучах.

Подъехали прямо к рейсовому автобусу на Кингисепп за 15 минут до отправления. Успели! А то что бы мы делали 2 часа? Дрожали бы в прохладце. Без акклиматизации это чревато. Расписание-то сократили вчетверо. Хорошо, что один из приятелей заранее его прислал, и таксист уложился вовремя.

Мы сели на задние сиденья. Автобус заполнен едва наполовину, и все ехали — о ужас! — без масок! Но мы честно отряслись два часа в полной экипировке, хотя ладони в перчатках быстро стали мокрыми и прямо кипели. Всю дорогу нервничали, ожидая, что автобус вот-вот тормознут и в салон войдет патруль... С вещичками на выход! А куда? Вот-вот...

Господь пронес. Первая часть «побега» совершена идеально.

Нас встретил сосед по даче и отвез на квартиру к другу, откуда мы планировали перебазироваться на дачу. В квартиру вошли, как посланцы иных миров, в масках и перчатках, чтобы показать, что мы выполнили все требуемые меры защиты. Обниматься отказались.

Начались дни нашего двухнедельного карантина. Мы свободно выходили в город без масок, «намордники» надевали только заходя в магазины, а по возвращении мыли руки ге-

лем «апельсин с карболкой». Честно и скрупулезно выполняли все необходимое. Не хотелось подвергать ни себя, ни друзей опасности: береженого Бог бережет.

На второй день выкатили нашу старушку «Ладу» из гаража и расширили свободу передвижения.

Город приграничный. Чистый, малонаселенный и в стороне от транзита. Зараженных мизер, только те, кто из района; прибавление идет единицами, и то не каждый день. Вылечившихся больше половины. Летальность нулевая. Работает практически все, даже рынок. Но весь персонал в масках и перчатках. А когда мы заехали в магазин купить на дачу маленький холодильник взамен агрегата середины XX века, нам на выходе еще и побрызгали на руки. В общем, все стараются. Дистанцию соблюдают, но на улице многие без масок, потому как плотность населения мала, везде свободно, нет скученности и толп, а на открытом воздухе нет смысла дышать в «намордниках».

День Победы отметили традиционно. На радость всем я наготовила кучу салатиков и других блюд. Но к мемориалу пойти не рискнули. Что ж, все парады впереди!

Май оказался очень холодным, с ураганными ветрами и дождем с крупкой, и мы волей-неволей сидели в помещениях — но зато в тепле.

Я готовила еду, кормила всех и занималась рассадой.

Поклеили бабушке долгожданные фотообои. Мороки было много: с нашими глазами такая работа — это проблема... Но задача была выполнена отлично.

Еще я прибиралась в дачном домике, убралась в теплице и кое-что посеяла на рассаду. Мои друзья-соседи поспешили посадить огурцы, и холод погубил их, а у меня они еще на окне грелись и подрастали.

Когда выдались два теплых дня, мы успели снять в березовой роще ролик для Московского музея Есенина, где я читаю стихотворение поэта на жестовом языке.

Почки на березках лопнули и выпустили нежнейшие, мягчайшие шелковые листочки. Зацвела черемуха. Как упоителен ее аромат! Уловив его, я всегда озиралась в поисках дерева и старалась вобрать запах в самую душу. Цветение черемухи — предвестник холодов, но последних.

Солнце начало брызгать на травы — там и тут, а затем повсюду, да так, что и травы не видно, — зацвели огромные одуванчики.

Вот так незаметно пролетели две недели нашего личного карантина и еще одиннадцать дней. Все нормально, мы здоровы, чего всем и желаем! Побег через всю страну за 2400 километров прошел успешно! Впереди долгожданное лето и — кто знает! — может быть, новые, более радостные поводы для авантюры и смелых решений...

Как Брайль вошел в мою жизнь

Синдром Ушера начал прогрессировать, когда мне было 15, после сильного стресса. У меня тотальная глухота практически с рождения, очень плохое равновесие и необратимое отмирание сетчатки. Это неизлечимое генетическое заболевание. Усилиями профессора Феликса Фридмана удалось затормозить процесс на много лет, но об очень неблагоприятном прогнозе я помнила всегда. И все же не думала, что мне придется когда-нибудь изучать шрифт для незрячих.

В 16 лет я стала членом местной организации ВОС. Ее председателем был пожилой, тотально слепой инженер-химик, потерявший зрение в результате взрыва химического вещества. Начала помогать ему в работе: редактировала и оформляла стенгазеты, стенды, печатала тексты и документы на пишущей машинке. Тогда, 45 лет назад, не было в повседневном обиходе ни компьютеров, ни принтеров, ни мобильных телефонов. Цветной телевизор и стиральная машина-полуавтомат были мечтой многих семей. Приходя в организацию, я видела председателя, склоненного с грифелем над прибором, и со странным чувством смотрела на листы бежевой плотной бумаги с необычными пупырышками. Я знала, что это буквы, но они не имели ко мне отношения. Так часто бывает с теми, кто еще не настолько плохо видит, чтобы осознать необходимость изучения шрифта Брайля.

В лаборатории работы со слепоглухими института Коррекционной педагогики РАО я видела, как сотрудники пи-

сали письма на жутко стучащих, несмотря на толстые резиновые подушки, брайлевских машинках. Но тогда это меня не касалось...

Годы принесли тяжелые травмы и операции. Зрение падало, затуманивалось. Поле зрения сужалось. Труднее становилось ориентироваться в пространстве, запоминать дорогу, воспринимать жесты, считывать с губ, различать фотографии и картинки. Только текст оставался понятным всегда. В мою жизнь постепенно входили люди с одновременным нарушением зрения и слуха. Первым тотально слепоглухим человеком, с которым меня познакомили, была легендарная писательница и поэтесса, кандидат педагогических наук Ольга Скороходова. Почти тогда же я подружилась со знаменитой четверкой слепоглухих из Сергиева Посада, получивших высшее образование в МГУ, с философом из Петербурга, общение с которым продолжалось почти четверть века, с редактором журнала «Ваш собеседник» из Москвы Натальей Кремневой. Сначала общение было контактное — дактиль «рука в руку», письмо на ладони, — потом по почте мне приходили напечатанные на пишущей машинке письма, и я отвечала так же, а им переводили. Затем появились компьютеры, и мы начали общаться по электронной почте, а позже некоторые слепоглухие приобрели редкие и очень дорогие американские брайлевские дисплеи.

Приезжая к петербургскому философу в гости, я не слышала его голоса и не могла читать с губ, а он не понимал мою речь, но не хотел учить дактиль. Большое желание общаться подсказало решение проблемы. Мы садились за компьютер, слева был брайлевский дисплей «Фокус-40», справа — обычная клавиатура. Он печатал на компьютерной клавиатуре текст, я читала его на мониторе, затем отвечала, печатая на той же клавиатуре, а мой собеседник считывал ответ с брайлевской строки. Мы провели много часов в таких разговорах. Но и тогда я отгоняла от себя мысль учить шеститочие...

В начале 90-х меня пригласили на фестиваль молодых инвалидов, мы встретились с европейскими слепоглухими. У нас была группа из разных уголков России. С некоторыми людьми я общаюсь до сих пор. Несколько знакомых за это

время полностью ослепли и оглохли, и только Брайль дает им доступ к информации и общению.

Случай привел в Волоколамский реабилитационный центр ВОС. Там и пришло осознание, что я живу в трех мирах: в мире тишины и жестов; в мире зрячелышащих, откуда я постепенно ухожу, хотя вокруг по-прежнему все наполнено звуком и цветом; и в мире сумрака, куда я постепенно вхожу. Коварная глаукома подкралась незаметно. В последние годы контраст усилился, чернота стала черней, а солнечный свет стал приносить боль. Люди превращаются в серо-черные, едва различимые в тумане контуры. Только изредка, при хорошем самочувствии и освещении, я еще могу увидеть все в деталях и красках.

Чаще использую руки для восприятия мира. Они дают больше информации, чем мои глаза с точечным полем зрения — словно точка света от лазерной указки. И... я взяла в руки грифель и прибор.

Было трудно сориентироваться в зеркальных обозначениях и их отображении. Я стремилась быстро освоить письмо и тренировалась вечерами: писала стихи по памяти, короткие сочинения. Играла с зеркальными буквами, обыгрывала их в разных словах... С чтением возникали проблемы: не могла нащупать промежутки, понять расположение точек. Но потихоньку пальцы наработали специфическую чувствительность к осязанию шрифта. Ододела букварь. Через месяц вернулась домой с грифелем и прибором, и... водоворот жизни захлестнул меня. Брайль отошел на задний план. Я все обещала себе, что вот сделаю дела и сяду... но одни дела делались — копилась другие...

Когда появился Фонд поддержки слепоглухих «Соединение», я стала принимать участие в его инициативах, и в мою жизнь вошло много слепоглухих со всей России, для которых Брайль был родным.

Побывала на курсах в Доме слепоглухих в Пучково. Опять села за букварь и письмо, усердно вспоминая шеститочие. Даже печатала на древней грохочущей машинке, виденной много-много лет назад! Гладила и ощупывала жесткие листы брайлевской бумаги, читая напечатанные собственноручно тексты.

Занятия проходили весело. Это облегчало и оживляло напряженный процесс расшифровки загадочных пупырышков. Начала осваивать «Фокус-40». Было очень приятно печатать на нем, играючи нажимая на гладкие голубые клавиши, проверяя себя на мониторе компьютера. Со смехом замечала опечатки и тут же их исправляла. Преподаватель, тотально слепой, скептически относился к тому, что я подглядывала обозначения. К счастью, к концу обучения мне это уже не требовалось. Сложной оказалась техническая работа с дисплеем, запоминание команд. С возрастом это становится нелегко.

Вскоре у меня появился брайлевский дисплей. Теперь он всегда на моем столе. Ласково трогаю клавиши, подключаю к ноутбуку и набираю текст...

...Сейчас я не дома. Уезжая, взяла с собой только айфон. За окном — нудные, холодные, по-осеннему летние дожди, сижу с айфоном в руках. Дисплей темнеет, как и свет ламп: зрение угасает. Жалею, что со мной нет брайлевского дисплея. Снова обещаю себе сдружиться с шеститочием, сделать его еще одним из родных языков, научиться ориентироваться вслепую на дисплее. Только так я смогу прочитать новости, пообщаться с друзьями, принять участие в обсуждении проблем в Экспертном совете Ассоциации слепоглухих «Согласие», написать рассказ, статью или стихотворение, почитать книгу... Ведь скоро у меня для общения останутся только руки других, говорящие дактилем и жестами, и — Брайль.

**Владимир
Елфимов**
Новосибирск

*шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Эссе/публицистика»
спецприз за лучшее эссе о пандемии*

Один день из жизни слепоглухого

Нередко слышал вопрос: «Что ты делаешь дома? Чем занимаешься?». Эти вопросы обычно задают незнакомые или малознакомые люди, впервые столкнувшись с тотально слепоглухим человеком. Могу только представить их смущенные лица и голоса с нотками страха и сострадания. Их лица и их глаза я могу только «нарисовать» в воображении, так как своими глазами мог видеть «сравнительно» недавно, лет 15–20 назад...

Сейчас я полностью слепой и абсолютно глухой человек — слепоглухой. До этого состояния был практически зрячим, потом слабовидящим глухим человеком — я успел за то время не только прожить жизнь, но и поставить в ней много зарубок.

Например, учился в обычной школе-интернате для глухих детей в селе Березово под Кемерово (в Кузбассе), затем продолжил учиться в Новосибирске. Я развивался как обычный молодой глухой, общался с ребятами, играл в спортивные игры, вволю накатался на велосипеде и на технике — «колесах» с бензиновым мотором.

После школы пошел, как все, на завод, попал в опасный цех — на обрубку литья в литейном цехе, там опасность поджидала со всех сторон — сверху, над головами, «летали» мостовые краны с многотонными грузами; что и говорить о юрких автокарах и быстрых узкоколейных тепловозиках

с прицепами, носящимися по всему цеху! Несмотря на риск здоровью и жизни, это было самое замечательное время. Потом была работа с отцом, тоже слепоглухим, в сельской мастерской по ремонту сельхозмашин и агрегатов. Далее — работа на большом радиозаводе и цехе по сборке сельхозагрегатов. Внутри этого периода было время долгого пребывания в больнице — угодил не по своей вине в тяжелую мотоциклетную катастрофу, в которой друг-водитель погиб. А также успел жениться...

Короче, этот отрезок времени запомнился обычной жизнью зрячего глухого человека, если не считать явных проявлений синдрома Ушера, он с возрастом все больше «наваливал» на меня напряжение, требовалось больше внимания и готовности мгновенно реагировать на опасность. Прямо как Штирлиц в среде фашистов. Ведь выглядел я, как обычный человек, никто не мог догадаться, что я уже фактически слабовидящий глухой. Особенно посторонние. А вот с рабочими-коллегам и с руководством предприятий везде были очень хорошие взаимоотношения.

Этот период я бы назвал самым счастливым, самым полноценным и полезным периодом в жизни...

В нем много неожиданностей, плюсов и минусов, о которых писать можно долго.

В конце концов, я решил покинуть этот мир, устав от напряжения из-за постепенного ухудшения зрения. Позже я попал в общество слепых, где сразу и неожиданно осознал, что прежний мой мир стал теперь недоступным, и мне не вернуться в коллектив здоровых людей, не работать на заводе; даже мои когда-то хорошие глухие приятели стали избегать меня, как прокаженного. Это был очень тяжелый переход в другой мир, в котором я до сих пор не чувствую себя своим среди своих...

В этот самый тяжелый период меня поддержала семья: жена Елена и дочери Света с Надей. Здесь я был очень нужным человеком. Спасибо Елене, которая так любит меня, — за то, что молча терпела и терпит все трудности, связанные с моей слепотой. Несколько лет назад справили «жемчужную» свадьбу — прожили в браке 30 лет!

Когда я понял, что мир отодвигается от меня и быть обузой для семьи нельзя, я стал искать лучший вариант моей новой жизни в новом мире. К счастью, в свое время я был большим любителем читать фантастику и приключения. Дух Больших Надежд и Оптимизма здорово помогли мне пережить этот сложный период, а семья — вынесла меня снова наверх, и я стал надеяться на нереальный тогда шанс (были трудные 90-е) получить компьютер и на нем научиться работать, общаться.

Я счастлив, что мои «фантастические» надежды оказались самым правильным шагом в другой мир. С компьютером мне помогли посторонние люди. С приставкой Брайля я вернулся к самостоятельному образу жизни, начал общаться с миром, не выходя из дома, и духовно помогать другим.

Обычный день начинается у меня в полшестого утра. Встаю и первым делом сажусь к компьютеру, проверяю мобильник — нет ли сообщений от кого-то. Если чье-то письмо по электронной почте берет за душу, то немедленно и подробно отвечаю. Сообщения по смартфону тоже читаю и отвечаю сам.

Эта возможность есть у меня благодаря специальному устройству для чтения текста с экрана компьютера и телефона. Американский брайлевский дисплей «Фокус» работает не только через кабель, но и через блютуз, что очень важно для смартфона. О таком брайлевском дисплее даже 5–7 лет назад мало кто мог подумать! — стоит очень дорого, за такую цену можно купить подержанный ВАЗ. Мне очень повезло, я сейчас не могу себя представить в ситуации, если снова окажусь без него...

За завтраком мы с женой обсуждаем новости, которые я успел узнать с помощью компьютера, и мы планируем день. Она уходит на работу, а я что-то делаю по дому: мою посуду, пылесосу квартиру, ремонтирую мебель. Все делаю вслепую и медленно, зато дела делаются! Если есть необходимость что-то починить, например, розетку или выключатель — делаю сразу и обычно, когда никого рядом нет, — чтобы никто не мешал. За исключением сложных моментов, когда нужна помощь зрячего человека.

Потом снова сижу у компа, читаю новости, отвечаю на письма, сообщения, что-то пишу. Приходит жена, мы обедаем, собираемся и бежим на электричку — едем на садовый участок в 50-ти километрах от дома. На даче на мне лежат все «мужицкие» дела — что-то чиню, в том числе поливочную систему, или перестраиваю в доме.

Еще в мои обязанности входит рвать заросшую траву в проходах между грядками, на «тротуарах» и под кустами. На грядки не лезу — не хочу слушать нотации жены о том, что я вырвал овощи или зелень. Я все время думаю о том, как освободить жену от трудоемкой работы полива грядок, но этот вопрос пока остается нерешенным, надеюсь, что-то потом получится.

Домой приезжаем к вечеру, вместе с семьей ужинаем и каждый занимается своими делами, я — к компьютеру и к телефону.

Вот так и проходит один из обычных моих дней, и я не удивляюсь вопросам о том, что я делаю дома, — знаю, что не дам скучать ни себе, ни семье.

Я родился глухим и вырос в среде глухих, поэтому жестовый язык для меня — главный язык общения с близкими, я достаточно быстро общаюсь с домочадцами и с друзьями, кто не боится ко мне подойти. Но у многих дела, времени на простое общение не так много, поэтому я испытываю недостаток во встречах с людьми...

Законы РФ начинают «оборачиваться» лицом к проблемам слепоглухих, но воспользоваться своими правами слепоглухой человек в полной мере не может... это обстоятельство делает жизнь каждого из нас тяжелее психологически...

Про себя могу сказать: я счастливее хотя бы моего друга-одногодки, тоже слепоглухого, из другого города. Его, на первый взгляд, можно тоже считать счастливым — живет один в двухкомнатной квартире с евроремонтом и новой мебелью. Одет хорошо и еда всегда есть. О нем заботится сестра. Но этот друг, Саша, не умеет пользоваться компьютером, не смотрит телевизор, и друзья к нему не ходят (друзей у него нет, «отпаялись») и своей семьи нет — жена бросила лет 25 назад. Я к нему в гости приезжаю раз в год, и это для него большая

радость. Он старается расспросить меня обо всем, что происходит в мире, — про спорт и про пенсию, кто сколько получает, у кого больше и т.д. Что могу — рассказываю, и в ответ справляюсь о самочувствии, жизни и т.д.

«Если я вдруг прозрею, — говорит Саша, — все брошу и уйду отсюда, куда глаза глядят!». Это крик души «неплохо живущего» слепоглохого — фактически его ситуация — «домашний арест». У него нет даже ключа-кнопки в подъезд — сестра не считает нужным его выпускать на улицу: не видит, мало ли что может случиться? На мой вопрос, как он может так, без общения и информации, жить, — он ответил, что все время прокручивает в голове жизнь, в которой он когда-то видел... Тут недолго и до психоза дойти...

А право-то есть и на тифлосурдопереводчиков, и на соцработников-сопровождающих, но в реальной жизни этих услуг добиться крайне сложно — то нет свободных людей, то «не положено еще». Вот человек по своей вине и без вины обречен на «домашний арест» без права на связь и общение с друзьями, приятелями или просто знакомыми.

Мы с дочерью Светланой были на Неделе Культуры и Отдыха в Германии и Финляндии, поэтому я имел возможность убедиться, что в некоторых европейских странах есть службы сопровождения слепоглохих. Работников набирают из среды безработных глухих, а государство оплачивает им работу. В Финляндии это 360 часов в год! Фактически специалист ежедневно может «работать» со слепоглохим по часу, этого хватило бы моему другу Саше, чтобы узнать новости и смотаться в магазин за любимыми вкуснятинами. А мне такая служба помогла бы ходить в библиотеки, в места соцбыт-культы, на встречи с друзьями или такими же слепоглохими, ведь мы сами не можем друг к другу пойти, а родственникам некогда...

Вот так живет среди нас слепоглохой человек, и о нем мало кто знает, а незнакомые еще удивляются, столкнувшись с этим «странным инопланетянином». В самом деле, слепоглохой человек — просто человек, испытывающий большую нужду в общении с окружающим миром.

Пандемия и Тотальник

Об эпидемии коронавируса в Китае я узнал в конце декабря 2019 года. В СМИ об этом писали противоречиво, и я посчитал ее очередной эпидемией гриппа — вроде «птичьего».

Начиная с января, я стал ходить к врачам по своим проблемам с дочкой Светланой. К тому времени коронавирус уже пришел в Россию, и в новостях начали писать про карантин. У меня дома жили младшая дочь с сыном — разладилась семья, и они переехали к нам. Родная крыша стала спасительной гаванью. В тесноте, зато не в обиде. В середине марта к нам перебралась «постоянно жить» и старшая дочь Светлана — ее университет перешел на самоизоляцию и закрылся для посетителей. Светлана перешла на удаленную работу. Интернет в моем доме оказался мощным и достаточным для нее. Так получилось, что к началу общероссийского карантина наш дом собрал всю семью, вместе с 9-летним внуком Даниилом, который перешел на удаленное обучение в школе. К счастью, у каждого члена семьи — свои устройства для связи (ноутбуки, телефоны).

Младшая, Надежда, продолжает ежедневно ездить на работу — сначала на трамвае, а когда стало тепло и сухо — на велосипеде. Риск заразиться повысился, поэтому моя жена Лена стала шить самодельные защитные маски для нас на случай выходов из дома.

Мне самоизоляция сначала не сильно мешала — я к такой обстановке привык по причине тотальной слепоглохоты и полной зависимости от помощи и сопровождения других, зрячих людей. В начале карантина выходил из дома со Светланой по медицинским делам. Мне поликлиника даже нравилась — там стало практически безлюдно, и можно было быстро и без очереди попасть к любому врачу узкой специализации.

С помощью Светланы я «наблюдал» за обстановкой в поликлинике — многие врачи ходили без защитных масок и перчаток. У участкового врача я даже спросил, почему она без маски принимает пациентов, не страшно ли? Ответ обескуражил: «Да нам не всегда их выдают в нужном количестве,

всего по одной в день, и в ней смену не продержаться — все равно зараза пролезет!». А мы, простые пациенты, все-таки ходили к врачам в самодельных масках. Ситуация у кардиолога тоже смутила и даже огорчила, врач увидела нас в масках и удивилась: «Чего вы в масках? Чего боитесь?».

В поликлинику и обратно мы ходили из дома пешком, старались избегать многолюдных мест. Шли вдоль прихрамового бульвара и видели, что там по вечерам гуляет много народу, особенно — родителей с маленькими детьми; подавляющее число — без масок. Верю, что среди их близких нет заболевших коронавирусом, но риск подхватить заразу возрастает. Кстати, нашу поликлинику с многоэтажной больницей вскоре закрыли наглухо, переделали под прием больных с ОРВИ и коронавирусом.

Мне стало тяжелее дома — вокруг много домочадцев, дергают по мелочам и отвлекают от компьютера. У меня свой ПК, и это позволяет подолгу у него сидеть, но и тут прилетали просьбы распечатать что-то на принтере, особенно школьные задания Даниила.

Безвылазная ситуация стала тяготить, компьютер надоел, друзья утомили жалобами на «долгие посиделки» и «страшные новости» из Сети, о которых я знал и без них. Я стал придумывать домашние дела вне компьютера — на кухне мыть посуду, что-то ремонтировать и т.д. Иногда мы делали вылазки на рынок и в магазин по техвопросам. В большом салоне DNS менеджеры оказались более послушны правилам — все в масках и перчатках, к стеллажам не пускали, быстро выполняли заказы и приносили товары. Это и удивило, и порадовало.

К началу мая в Сибири установилась практически летняя погода, и для нас начался дачный сезон — мы с женой стали ездить на дачу с многодневными ночевками. Шли до остановки, садились в электричку — со всеми предосторожностями: в масках, старались к группам людей не подходить, хотя на практике это непростая задача. Глазами жены «вижу», как много людей «нарушают» масочный режим и карантинные меры. Страшно, но молим Бога о защите от заразы.

На даче я опять в «самоизоляции», но на свежем воздухе — мы закрываем входную калитку на замок, вдыхаем свежий

воздух и беремся за работу. Для тотальника на даче всегда найдется дело, особенно, если требуются мужская сила и смекалка. Например, я возился с сетью водопровода для полива, ремонтировал забор, ставил из подручных материалов временные теплицы. Конечно, мне сложно находить нужные материалы, но помогают зрячая жена Елена или дочь Светлана, она тоже «беглянка» из городской самоизоляции в четырех стенах по выходным. Мы с женой выработали «режим поездок» на дачу и с дачи: стараемся ездить, когда в вагонах мало людей, — у нас получались поездки в полупустых и почти пустых электричках и трамваях.

Наконец-то я нашел хороший мобильный интернет на даче и собираюсь с июня больше жить там, притащив компьютер из дома (есть старый нетбук, надеюсь, он выдержит «нагрузку»).

Таким образом, резюмирую тему коронавируса и самоизоляции для тотальника: для полноценной жизни очень важное значение имеет доброжелательная среда, когда рядом есть люди, с которыми можно нормально жить. Отличная идея — уехать из города на дачный участок или в частный дом с просторным двором, или в малонаселенный пансионат с простором без ограничений.

Важно, когда рядом есть зрячий, который поможет в нужный момент и доверит тотальнику решать насущные вопросы. Одиноким живущим тотальникам в период карантина очень тяжело психологически — через Сеть идут жалобы и страшилки: не с кем вживую пообщаться, соцработники приходят два-три раза в неделю, и от них куда больше риска заразиться — они ведь ходят и к другим людям, и по улицам. А тяжкие думы о своей участи и судьбе?..

В общем, надо думать, что делать и как лучше пережить тяжелое время и избежать психологического стресса...

Алена
Капустьян
Москва

*шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Эссе/публицистика»*

*

До сих пор помню, как выглядит мир, полный звуков и красок. Любила наблюдать за происходящим на улице или дома, за эмоциями на лицах людей и их изменениями. Как-то на детской площадке спорили два мальчика: у одного на лице была видна попытка доказать свою, правильную точку зрения; у другого — обида и легкая злость. Через какое-то время на лице первого появляется разочарование — он не может доказать; у второго — желание подраться. Затем на обоих лицах отражается раздражение. По меняющимся эмоциям я понимала, что произойдет позже и чем это кончится. Кончилось, конечно, тем, что они все-таки разошлись.

В доме культуры на новогодней елке я изучала Снегурочку. У нее нежное лицо, кожа бежевая или — при свете — желтоватая из-за пудры; большие голубые глаза, их выражение сосредоточенно, будто она боится увидеть грустного ребенка; курносый нос, тонкие черные брови, средний лоб, розовые тонкие губы (не улыбается); ее взгляд спокойный и внимательный, выдающий желание «давайте, повеселее и поживее, чтобы детям было интересно»; длинная русая коса (настоящая или искусственная, не знаю); на голове шапочка с короной, усыпанной сверкающими драгоценными камнями; по фигуре стройная, средняя ростом, одетая в синюю шубу с белым пушистым мехом, вышитым вокруг шеи и вдоль тела до колен; синие сапоги; нежные руки, держащие красный мешок с подарками.

Теперь не вижу ни эмоций, ни выражения глаз. Знаю, что те, с кем я общаюсь, пытаются описать природу, человека, происходящее где-то и так далее. Разъясняют для того, чтобы я четко представила картину, которую они сами видят.

А об эмоциях, выражениях глаз и взглядах почему нет слов?

Мне это важно, но я понимаю, что далеко не все могут рассказать о них.

Зачем мне знать о них? Два ответа: с одной стороны, мне важно представить человека во всех деталях, потому что после простого описания его лицо рисуется в голове «чистым», без всяких эмоций и выражения глаз (мне приходится самой их придумывать); с другой — они нужны для керамики.

**Владимир
Рачкин**
Пермь

*шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Эссе/публицистика»*

Для ума и для сердца

Эта статья — о роли и месте общественной деятельности в моей жизни.

НА ПРАВИЛЬНОМ ПУТИ

Говорят, все начинается в школе. Именно там мы учимся читать и писать. Именно там познаем такие понятия, как дружба и взаимопомощь. Именно там начинаем ощущать себя частью большого мира. К сожалению, для меня все сложилось не так благополучно, как хотелось. В школе слепых я чувствовал себя некомфортно. Тяжелая форма инвалидности — слепоглухота — наложила отпечаток на психику. По характеру я был вспыльчивым, раздражительным, дергал девочек за косички. Учителям, конечно, это не нравилось. Меня наказывали. Дошло до того, что в 4 классе меня исключили из школы. Вызвали папу, зачитали на общешкольной линейке приказ — и отправили на все четыре стороны.

Конечно, ни о какой общественной работе я тогда представления не имел. Вообще не знал, что это такое. Все хорошее, что было в школе, я оценил позже. Ну а плохое врезалось в память и не забылось. После исключения просидел дома несколько месяцев, а потом вернулся — коллектив поручился за меня. Дотянул до 7 класса, а после опять отчислили, но уже из-за глухоты. Мол, тебе 16 лет — иди на УПП, в школе с тобой слишком много проблем.

Будучи уже зрелым парнем, я прочитал в местной газете статью «Достанем папки из шкафа», в которой шла речь об аналогичной ситуации, т. е. мальчишку исключили из школы только за то, что он, мягко говоря, «не так себя вел»! Конечно, это пример не для утешения, но есть повод кое о чем задуматься. К счастью, я не стал каким-то «пропащим», то есть пьяницей и забуддыгой, честно отработал на предприятии 40 лет, снискал почет и уважение в коллективе.

Что касается общественной работы, то я начал заниматься ею в областной очно-заочной школе рабочей молодежи для слепых и слабовидящих, когда работал на Учебно-производственном предприятии ВОС. Продолжить учебу меня убедили педагоги, прежде всего, директор Нелли Павловна Пиликина. Она пришла в цех предприятия и, пообщавшись со мной, предложила учиться. Сначала я сомневался — ведь я же слепоглухой! Мне в школе внушили, что по этой причине я необучаемый. Но Нелли Павловна успокоила — мол, ничего страшного, с тобой будут заниматься индивидуально! Так я в 1968 году стал учеником 7 класса учебного консультпункта. И сразу, безо всякого принуждения, включился в активную жизнь школы — участвовал в конкурсах, праздниках. По поручению преподавателя русского и литературы Фаины Григорьевны Пигалевой подбирал материалы для школьной стенгазеты. А по просьбе завуча Анастасии Федоровны Аксеновой организовал выставку в честь 25-летия Великой Победы. Она узнала, что я коллекционирую фотоальбомы и открытки о Великой Отечественной и предложила сделать выставку. За это я получил благодарность от руководства школы.

Летом 1970 года в числе десяти передовиков производства, отличников учебы и активистов, правление ВОС премировало меня трехдневной поездкой в город-герой Ленинград. О том времени у меня осталась добрая память. Я по-прежнему веду переписку с бывшим учителем школы Валентиной Андреевной Усольцевой, она преподавала географию и по совместительству была библиотекарем. Недавно отметила 75-летие. Поддерживаю контакты и с бывшим директором Нелли Павловной Пиликиной. Ей уже 90 лет...

В вечерней школе я на себе ощутил, что общественное поручение — хорошая воспитательная мера. Она полезна и для

ума, и для сердца. Потому что делает человека ответственнее и гуманнее. Лично мне она позволила повысить самооценку, ощутить полезность, хотя до этого я считал себя никчемным из-за физических недостатков. А поощрения и благодарности, которые получал за общественные дела, помогли понять, что я на правильном пути.

Позже я стал заниматься и корреспондентской работой — почти полвека регулярно печатаюсь на страницах «Нашей жизни», с 1993 года сотрудничаю с газетой «Здравствуй» — это газета Пермской краевой организации ВОИ. На протяжении более 15 лет пишу в журнал для слепоглухих «Ваш собеседник».

В 2018 году краевая специальная библиотека выпустила сборник моих публикаций под названием «Жизнь продолжается!».

ВСЕ ДЕЛО В ЛЮБВИ

Меня иногда спрашивают, как это из хулиганистого пацана я превратился в активного и уважаемого человека? Сейчас могу ответить на это однозначно. Все дело в любви. Мне думается, что очень важно, когда тебя окружают добрые, отзывчивые люди, которые верят в тебя и, несмотря на сложный характер, стараются найти подход. Тогда горы хочется свернуть! С благодарностью вспоминаю родителей: любящую и заботливую маму, строгого, но справедливого папу, который не пил, не курил. Они вырастили и воспитали пятерых детей! К сожалению, папа рано ушел из жизни. А мама прожила 92 года. Мне до сих пор ее не хватает. А какие прекрасные учителя были в вечерней школе — они занимались со мной индивидуально, не считаясь с личным временем! И были очень терпеливыми. И уж никак не забыть трудовой коллектив, в котором я проработал ровно 40 лет. Из них более 30-ти трудился в передовой женской бригаде. Нами руководила мастер О.И. Отинова — единственный на УПП мастер — инвалид по зрению! Мне с этими людьми было комфортно. Работая в бригаде, я несколько раз завоевывал звание «Лучший по профессии», заносился на доску Почета и в Книгу Почета УПП, получал грамоты.

Примером серьезного отношения к жизни для меня были инвалиды Великой Отечественной войны, которые бок о бок трудились со мной и поддерживали мои инициативы.

В день 75-летия Великой Победы я помянул их, а также родителей — тружеников тыла. Как бы сложилась моя жизнь, если бы меня не окружали такие прекрасные люди? Даже представить не могу.

ОТ ПОРУЧЕНИЙ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Благодаря общественным поручениям я сформировался как личность и был практически готов к тому, чтобы заняться проблемой социальной важности. Речь о трудоустройстве слепоглухих людей.

В 1978 году меня пригласил в кабинет тогдашний председатель Пермского правления ВОС, инвалид Великой Отечественной Александр Ефимович Патока, и предложил на общественных началах возглавить Совет по работе со слепоглухими при президиуме правления. Я засомневался — а справлюсь ли? Но Александр Ефимович, человек большой души, успокоил, сказав, что мне будут помогать. Я согласился и ровно 20 лет возглавлял Совет, будучи одновременно в течение 10 лет членом аналогичного Совета при Президиуме ЦП ВОС.

Для начала мы провели учет и анкетирование всех слепоглухих области, изучили их анкеты, выяснили, кто в чем нуждается. После этого наметили план работы по трудовой и социальной реабилитации. За 15 лет трудоустроили десятки слепоглухих, развили социокультурную работу. Общественники действовали совместно с сотрудниками правлений ВОС и ВОГ: нам помогали тогдашний председатель правления ВОГ С.В. Копылова и ее сотрудница Т.П. Елина — ныне председатель Совета ветеранов ПКО ВОГ.

При содействии Татьяны Петровны Елиной с крупных заводов на УПП ВОС были переведены неслышащие инвалиды с пониженным зрением: С. Оборин, Н. Минин, В. Удников, А. Монахова, Е. Константинова, А. Дорофеев, В. Закатов и другие. Со швейной фабрики пришла Роза Шакирова. С УПП ВОГ — Занфира Селимгариева-Закатова, Надежда Разумова. Удалось убедить и Елену Алимову, которая до этого нигде не работала. После учебы в Загорском интернате сидела дома и 18-летняя Гузалия Шамгараева. По рекомендации Совета к ней домой

отправился заместитель директора УПП по социальным вопросам В. С. Шестаков и уговорил ее маму трудоустроить дочь.

Одновременно решались и другие вопросы вновь учтенных. Так, семье Удникова, который с женой и тремя маленькими детьми жил в неблагоустроенном старом бараке, выделили квартиру. Удалось добиться улучшения жилищных условий и слепоглохому Анатолию Александрову: он жил с престарелыми родителями в частном доме далеко от УПП, работал в две смены — ездить приходилось полтора часа в один конец. Когда в доме рядом с УПП освободилась комната в малосемейке, я настоял, чтобы ее отдали Александрову. Согласитесь, приятно, когда ты можешь чем-то помочь нуждающимся.

К сожалению, не все принимают помощь с благодарностью. Сделаешь для некоторых одно хорошее дело, а они требуют еще и еще... Но, в основном, благодарят за оказанную помощь.

Приходилось устраивать и личную жизнь подопечных. Помню, в середине 80-х я ездил в командировку в Сарапул. Там обратил внимание на серьезного, спокойного парня Володю Закатова. Узнал, что он родом из Арзамаса, — его перевели сюда на только что созданный производственный участок для слепоглухих. Жил в общежитии. Мой друг Леонид Ременников предложил подыскать Володе хорошую девушку для создания семьи. У нас на УПП работала бойкая и общительная Занфира Селимгариева. Мы с Леонидом организовали им встречу. Молодые люди понравились друг другу. Но когда дошло дело до свадьбы, родители Занфиры воспротивились этому. Мол, двум инвалидам в одной семье будет трудно. Но, в конце концов, уступили настойчивости жениха, и они сыграли хорошую свадьбу. Володя уволился с Сарапульского УПП, переехал в Пермь. Трудоустроился к нам. Они с Занфирой получили квартиру, у них родилась дочь, потом появилась и внучка. Сейчас уже не работают, но остаются активистами досугового центра.

К сожалению, в конце 90-х работа по трудоустройству слепоглухих свелась на нет — многие попали под сокращение. Зато началась активная деятельность в Лысьве и Соликамске, на базе ДК ВОС и клубов.

ПОЗИЦИЯ НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА ОТ ЖАЛОСТИ К СЕБЕ

Общаясь с людьми, я понял, отчего одни инвалиды занимаются общественными делами, стараются быть полезными коллективу, а другие забиваются, как мыши, в свои норки. Виной всему жалость к себе. Лично меня такая позиция раздражает. Считаю, что мы не «сирые и убогие», а такие же, как и все, с той лишь разницей, что нам гораздо труднее, чем здоровым людям. Конечно, грустно, что ты не слышишь, о чем говорят окружающие. Но разве это правильно, когда умный и образованный человек из-за физического недостатка самоустраивается от активной жизни? Я знаю одного такого человека. Понимаю его душевное состояние — родился здоровым, много лет прожил в зрячей среде и вдруг оглох, ослеп — каково это? Но ведь это не повод хоронить себя! Мой друг из Новосибирска Владимир Елфимов учился в школе глухих, он жестовик. В зрелом возрасте полностью лишился зрения. Но не упал духом, активно включился в общественную жизнь, помогает таким же слепоглухим, как и он сам, летом трудится на даче, вырастил и воспитал двух прекрасных дочерей. Я восхищаюсь им!

Под статью Володе и Наталья Кремнева из Москвы: будучи глухой, она полностью потеряла зрение в зрелом возрасте. Но, как и Володя, не смирилась с горькой судьбой: более 17 лет редактирует созданный ею журнал для слепоглухих «Ваш собеседник», посещает досуговый центр «Ушер-Форум», читает лекции для студентов. И таких примеров немало!

От жалости к себе рождается и другая пагубная философия: «Если ты инвалид, то лучше сидеть на диване и почитать книжки!». Я к этой позиции невмешательства отношусь отрицательно. Вот есть у нас слепоглухой активист, ветеран ВОС Александр Вячеславович Петровских, бывший зампреда правления ВОС и бывший председатель Архангельского правления. Казалось бы, сидел бы на диване и почитывал! Ан нет — ему это чуждо! Человеку 82 года, а он по-прежнему в центре общественной жизни — посещает досуговый центр слепоглухих, является членом Совета общества «Эльвира», который, кстати, возглавлял более 10 лет. Принимает участие

в соревнованиях по шахматам и шашкам. Вот с кого надо брать пример тем, кто помоложе!

Но есть среди знакомых и человек, который постоянно сидит дома, досуговый центр не посещает — называть его не буду. Правда, чего греха таить — я и сам в последнее время, в основном, «сиду на диване и почитываю», с возрастом ходить стал неважно — походка шаткая, неустойчивая — постоянно падаю, да и сердце пошаливает... Но поднимаю себя с дивана, иду в досуговый центр, езжу на экскурсии, участвую в мероприятиях родной МО ВОС. И вновь чувствую себя молодым и энергичным.

ДУША ПРОСЫПАЕТСЯ

Знаю, что некоторые слепоглухие скептически относятся к туристическим поездкам. Мол, зачем они нам? А затем, что они не только расширяют кругозор, но и «встряхируют» организм, заставляют наш внутренний моторчик быстрее крутиться. А это уже другое качество жизни. Вот летом 2019 года мы, члены досугового центра, побывали в доме-музее писателя Бориса Пастернака, лауреата Нобелевской премии по литературе, автора знаменитого романа «Доктор Живаго». И хотя писатель там, в Александровском районе Пермского края, прожил сравнительно недолго, мы все равно соприкоснулись с историей, познакомились с неизвестными нам страницами его биографии. А скоро там появятся объекты для слепых и слабовидящих людей. Экспозицию можно будет трогать руками. Кроме того, экспонаты будут издавать звуки.

Не менее познавательным было знакомство со старинным городом Кунгуром, который на сотню лет старше Перми. Здесь сохранилось множество красивых купеческих домов, великолепных храмов. Фактически это музей под открытым небом. Славится Кунгур и своей ледяной пещерой, которая внесена в список десяти самых известных пещер мира. Мы осмотрели его достопримечательности, побывали в частной пекарне, где присутствовали на мастер-классе по изготовлению печатных пряников. На прощание хозяйка пекарни Татьяна вручила каждому из нас собственноручно изготовленный пряник.

Конечно, экскурсии — это не общественные поручения. Но, познавая мир, мы познаем и себя. После таких поездок душа просыпается. Хочется жить, развиваться, делать хорошие дела. А для кого-то именно экскурсии становятся началом общественной жизни.

ЛЕКАРСТВО ВНЕ ВРЕМЕНИ

Эта сфера, на мой взгляд, мало изучена. Я начал писать о ней и сразу открыл для себя много такого, о чем раньше и не задумывался. Неслучайно общественная деятельность официально признана аналогом социальной работы, улучшающей качество жизни. А от себя добавляю, что общественники — это ускорители социальных процессов. Если бы не они, вряд ли мы добились бы таких перемен в работе со слепоглухими! В том числе благодаря их инициативе шесть лет назад был создан Благотворительный фонд поддержки слепоглухих «Со-единение», который ведет работу со слепоглухими через координаторов досуговых центров. Замечу, что в наше прагматичное время число активистов-общественников поубавилось. Все хотят денег. Может быть, в этом есть свой смысл. Если общественная работа становится постоянной, почему бы не поощрить ее материально? Хотя сам я на протяжении 20 лет возглавлял Совет по работе со слепоглухими совершенно бескорыстно. Но система стимулирования, думаю, все-таки должна присутствовать и здесь... В наше время это были грамоты, экскурсионные поездки; мою общественную работу и добросовестный труд профком УПП учел, когда мне выделили квартиру в только что построенном доме... А сегодня, видимо, без денег не обойтись. И все же надеюсь, что активисты не исчезнут.

Что касается меня, то я очень рад тому, что умные и дальновидные учителя вечерней школы много лет назад вовлекли меня в общественную работу, без которой я не могу жить даже сейчас, в своем уже немолодом возрасте. Это мое лекарство.

Сведения о публикации:

«Наша жизнь», № 1, 2020 г.

**Валентина
Васильева
Гай**

*лонг-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Эссе/публицистика»*

Учеба продолжается

Любая трудность — это еще одна ступенька к вершине

В начале 2020 года исполнилось мое дерзкое желание — окатиться в Центре реабилитации слепых Волоколамска Московской области. С письменным заявлением отправить меня в Волоколамск я обращалась дважды за последние 8 лет. Мне звонили из Оренбурга, говорили, что незрячих нашего региона направляют на реабилитацию только в Бийск, и на этот год все места заняты. От Бийска я отказывалась — ехать далеко, с пересадкой, и найти сопровождающего сложно. К тому же, моя знакомая с нарушением слуха и зрения рассказывала, что была в ЦРС Бийска, и ей было сложно общаться — не слышала, что говорят и что объясняют.

Неожиданно в декабре 2019 года мне предложили путевку именно в Волоколамск (с 13 января по 21 марта 2020 года) — в отделение реабилитации слепоглухих. Правда, нужно было пройти медкомиссию: сдать анализы и обойти врачей с формой 086у. И, сверх того, достать справки от психиатра, нарколога и дерматолога-венеролога — тяжелое испытание, ведь их нужно было собрать за несколько дней до праздников.

Но я справилась и — ура! — оказалась в Центре. Первое знакомство — с Аллой Владимировной Польшвиной, заведующей отделением реабилитации слепоглухих. Отныне и до отъезда я была окружена вниманием и заботой Аллы Владими-

ровны — руководителя, педагога, переводчика. Она научила меня новому языку — дактильной речи. Мы были уверены, что своих слепоглухих она в обиду не даст, а никто и не помышлял! Обаятельная и хрупкая женщина появлялась рядом, как «джинн из бутылки» — в нужное время и в нужный момент. Нас двое слепоглухих. (А всего в Центре 86 незрячих.) Алла Владимировна составила для меня расписание занятий. С каждым слепоглухим педагоги занимаются индивидуально по ею разработанной программе.

Занятия идут парами — около двух часов на предмет. Достаточно, чтобы усвоить и не утомиться.

Итак, пространственная ориентировка. Занятия ведет Наталья Леонидовна Числова. Здание большое, двухэтажное. Мы должны быть максимально самостоятельными — вовремя приходиться на уроки, «попадать в двери» жилых комнат, в столовую, актовый зал и другие помещения. Белыми тростями внутри здания не пользуемся, чтобы не получить травму. А за пределами здания трости необходимы. Сначала знакомимся с тактильными макетами — планами расположения помещений, затем курсируем по комплексу, запоминая, как «Отче наш», ориентиры, изучаем руками и ногами тактильные направляющие. Наталья Леонидовна ходит за нами, пока мы везде не пройдем без ошибок. На улице тоже празднично не шатаемся. На плане-макете — названия улиц и переулков, что и где находится — автовокзал, магазины, почта, парк отдыха. Мой любимый маршрут — благоустроенный парк с хорошими пешеходными дорожками. Также Наталья Леонидовна помогает решать насущные проблемы — кому-то надо в магазин, кому-то к банкомату, на почту...

Компьютерное обучение преподает Герман Владимирович Белоусов. Я научилась у него многому. Например, пользоваться планшетом, не полагаясь на остаточное зрение — с помощью VoiceOver. В моем ноутбуке Герман Владимирович обновил JAWS и поставил много программ. Зарегистрировалась в библиотеке «Логос» — теперь могу скачивать книги, слушать их в ноутбуке. Но лучше всего их слушать с тифлофлешплеером (ТФП). Впервые познакомилась с флешками. Спасибо, Герман Владимирович, за науку!

Домоводство. Светлана Михайловна Кадар «заставила» меня вспомнить про шитье иголкой, но сначала — всего лишь вдеть нитку с помощью нитковдевателя. Стежки разные — надо пришить петли и пуговицы всех видов. И полотенце с рукавичкой на кухню. Но это цветочки... Бисероплетение. Я сплела букетик фиалок, но до розы дело не дошло, взбунтовалась. И в учебный класс под названием «кухня» ходили, Светлана Михайловна учила готовить в мультиварке. Надо купить, хотя раньше я не хотела ее приобретать из опасения, что она только место займет, а я буду вспоминать о ней лишь во время уборки. Также на кухне для нас, слепоглухих, кулинарный кружок под присмотром воспитательницы Галины Дмитриевны Храбровой. Выпечка в электродуховке «вкусняшек» к чаю. Практика и рецепты пригодились дома во время самоизоляции для снятия стресса. Так и появляется лишний вес.

Плетение макраме. Занятия с Валентиной Васильевной Плаксиной, профессионалом, влюбленном в свое дело. Все покажет и расскажет, кабинет увешан прекрасными вещами, — и эту красоту создают незрячие люди! С чего начать? Подтверждаю: плетение макраме — сложная, захватывающая работа. Требуется терпение, внимание и чувство прекрасного. А как радуется результат! Что я сплела с помощью очаровательной Валентины Васильевны, — все привезла домой. Панно с карманом, кашпо с кольцом (отлично вписались в интерьер комнаты) и кулон — украшение для себя, любимой.

Еще были уроки вязания. Тут я талантами не блистала, но благодаря помощи милейшей Нины Васильевны Фоминой связала тапочки себе и внуку. А в день отъезда Галина Дмитриевна, мастерица на все руки, подарила мне еще пару вязаных тапочек, а для внука — носки. Приятный сюрприз!

Ходили и на кружок «Переплетное дело». Любовь Леонидовна Козгова руководила процессом изготовления тетрадей, блокнотов и альбомов.

На умеренные физические нагрузки переключались на уроках адаптивной физической культуры под наблюдением Светланы Евгеньевны Зинченко — в спортивных залах, где много тренажеров, и в бассейне. Светлана Евгеньевна показа-

ла упражнения, которые мы можем делать дома. Только дома энтузиазма нет.

И большое удовольствие, и пользу для здоровья мы получили в кабинете лечебного массажа от сильных рук Владислава Николаевича Злобина.

Занятия — 6 дней в неделю, по воскресеньям — экскурсии по Московской области под предводительством неутомимой Надежды Анатольевны Сухановой.

В Центре сильный коллектив — от руководителей и педагогического состава до технического персонала. Директор ЦРС — Сергей Иванович Степанов, его интересно слушать на собраниях; иногда Сергей Иванович приходил в учебные кабинеты, интересовался, как проходит обучение.

Ежедневно, в течение двух с половиной месяцев, педагоги учили нас новому, делились душевным теплом и вниманием. Вернулась домой 23 марта. Никто мой приезд из Москвы не «запеленговал». Признаков ОРВИ нет, в вагоне соседа не чихали и не кашляли. Я пользовалась антисептиком и влажными салфетками. Установка для себя — две недели ни с кем не встречаться, убедиться, что не заразилась. А через неделю вся страна отправилась на самоизоляцию. Своевременно меня новому обучили! Мозги и руки должны работать. Слушаю телеканалы в беспроводных наушниках, ТФП в кармане. Порядок в доме поддерживаю. Социального работника и волонтеров не привлекала. Раз в неделю выношу мусор и хожу в магазины — все находится близко.

Слушаю много новостей. Тревожное состояние иногда от них, но страх в душу нельзя пускать. Важно чем-то заниматься — любой физической или умственной работой. Времени на отдых, раздумья и сон предостаточно. А вот активности и прогулок не хватало.

Далее — снятие ограничений, но расслабляться рано. Надемся на лучшее — готовимся к худшему. Много изменится, только как? Придем к пониманию, что наша жизнь и время, отпущенное нам, — это все, что у нас на самом деле есть.

**Константин
Снижко**
Воркута/Москва

*лонг-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Эссе/публицистика»*

Мои бесконечные сны

Мама, мамочка. Сколько тепла таит это магическое слово. Самый близкий и дорогой человек. Судьба подарила мне прекрасную маму, я почувствовал и понял это достаточно рано. Мама для меня была и есть — первый Человек. Общаться с ней — как дышать, есть, пить, бегать. У нее мягкие волосы, добрые, ласковые глаза, милая улыбка, нежные руки. Она веселая, красивая. Ее любовь и ласка согревают меня каждый день. Она меня любит, какой я есть, — и всегда рядом. Мне не хватает ласковых слов, чтобы рассказать о любви к маме. Наверное, для меня нет на белом свете слаще и роднее этого имени. Я дорожу теплотой ее рук. Иногда мама бывает грустной. Ее глаза выражают безграничную доброту и понимание. Мама утешит, когда мне грустно, пожалеет, накормит вкусным обедом. Когда у меня что-то не получается, мама говорит: «Ничего, ты справишься. И от этого становится легче. Если я сделаю что-то хорошее, мама хвалит: «Ты молодец!». И от этого становится тепло. Мама прекрасная хозяйка, создает в доме уют, заботится о нас, очень любит готовить, печет вкусные пироги, блинчики. Для меня моя мама самая лучшая, понимающая, добрая. Я очень люблю свою маму. У мамы самое верное и чуткое сердце — в нем никогда не гаснет любовь, оно ни к чему не остается равнодушным. Слово «мама» — особое слово. Мамочка, я тебя люблю, ты самая умная и красивая! Ты мой добрый ангел!

Она очень часто мне снится, очень отчетливо, прямо как в жизни, даже начинаешь верить, что это не сон. А реальность — это сон. Но когда просыпаешься, все понимаешь... Мне тогда было 6 лет, я ждал маму, так ждал, чтобы она забрала меня из садика. Долго не понимал, что происходит. Почему нет мамы, почему она не приходит за мной? Мама погибла сразу после аварии. Я не понимал тогда, что это не сон...

Сейчас мне 50 лет, почти 44 года как ушла навсегда моя мама. Я глухой с детства. Но стараюсь жить и радоваться, чтобы, смотря с небес на меня, улыбалась и она. Я верю, что ты на небесах! И что ты слышишь нас — твоих детей! Это очень больно и тяжело пережить! Где бы мы ни были и сколько бы нам не было лет, нас всегда будет оберегать мамина любовь!

Карина
Жакова
Брянск

*лонг-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Эссе/публицистика»*

*

Вопреки тому, что с раннего детства я тотально слепая и имею проблемы со слухом, музыка давно является значительной, неотъемлемой частью моей жизни и необходима мне как воздух. Я ощущаю ее всем существом. Меломания пришла ко мне в начале двухтысячных и остается со мной по сей день. Стараюсь впитывать как можно больше музыки — интересной и разнообразной, не отдавая предпочтение определенному стилю. В числе направлений, наиболее близких моей душе, — джаз, блюз, соул, фанк.

Судьба подарила мне возможность побывать на многих концертах и познакомиться с исполнителями, творчество которых меня по-настоящему интересует. Об одном из таких выступлений мне и хочется рассказать.

Новость о том, что Gregory Boyd посетит Брянск в рамках российского тура появилась осенью 2019-го. Тогда я впервые услышала его замечательный, глубокий, чувственный баритон и решила — если ничто не помешает, нужно обязательно побывать на концерте.

И вот, этот день настал. 16 февраля 2020 года в Брянской филармонии (киноконцертный зал «Дружба») выступил замечательный музыкант (клавишник, барабанщик) и великолепный вокалист, обладающий красивым и сильным голосом широкого диапазона, уроженец Нового Орлеана Gregory Boyd

с программой Love songs. Со своим трио он исполнил широко известные и любимые ценителями хиты мирового джаза и блюза. Осознать душой живую музыку, наполняться ею, «взлетать» на встречу каждой новой, яркой, неповторимой импровизации — ни с чем не сравнимое удовольствие. Его искрометное, зажигательное, душевное выступление подарило публике настоящий праздник и массу позитивных эмоций.

Кульминацией шоу стал госпел¹ о том, что Господь всех нас любит и никого не оставит... зал встал в едином порыве и пел хором. Да и потанцевали, надо сказать, на славу. Заключительным сюрпризом стала душевная фотосессия.

Знакомство с мистером Бойдом принесло мне много радости. Я в полной мере ощутила его душевное тепло, мы поняли друг друга без слов, поскольку оба очень любим эту прекрасную, светлую, объединяющую музыку, стирающую грани и разрушающую стереотипы. Маэстро обещал приехать в наш город вновь. Надеюсь побывать на его выступлениях еще не раз. Желаю и вам открывать новые и новые грани волшебного и таинственного мира музыки.

¹ Жанр духовной христианской музыки.

**Валентина
Сереегина**
Орск

*лонг-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Эссе/публицистика»*

Петербургские истории — Лисий Нос

По приглашению питерских слепоглухих мы побывали в местечке, которое называется Лисий Нос. Там находится реабилитационный центр для инвалидов-колясочников «Ортолюкс».

Он существует 27 лет. Началось все с одного домика, стоящего на заболоченной местности. Стройка и расширение комплекса шли при активном участии инвалидов. Нам показали одноэтажные двухкомнатные домики по финскому проекту, банный корпус, столовую. Гости РЦ размещаются в двухместных палатах. В домиках предусмотрены все удобства. Они, как и вся территория РЦ, приспособлены для передвижения на коляске. Если в ИПР вписаны трость и ортопедическая обувь, это уже может служить основанием для получения направления в такой центр.

Нас сразу окружили инвалиды на колясках. Мы представились, и завязался разговор. Впечатления ошеломляющие! Доброжелательность, умение слышать друг друга, любовь и сострадание к чужой беде! Это вызвало у нас, слепоглухих, желание обнять каждого, кто волей судьбы обездвижен, высказать искренние слова уважения их мужеству достойно встретить удар судьбы. Не все из них инвалиды с детства. Большинство стали ими после аварий и травм. Самое главное лекарство от депрессии для них — вести активный образ жизни.

Нас накормили обедом, и мы совершили обзорную экскурсию к Финскому заливу. Полюбовались бескрайней морской

гладью и невероятно красивым небом. Посетили местные достопримечательности: библиотеку, где нас встретили доброжелательно и угостили ароматным кофе. Поклонились мемориалу «Малая дорога жизни». Посетили деревянную церковь святого благоверного князя Владимира. Богослужения не прекращались здесь и во время Ленинградской блокады. В храме находятся большие напольные иконы, перевезенные верующими по льду Финского залива из Кронштадта после разорения Андреевского собора в 1930 году.

На прощание нас накормили ужином. Все отдыхающие приехали проводить нас. Женщины с великолепным голосом спели из своего репертуара. Когда-то их было пятеро. Теперь — трое. Увы! Они радовались нашим бурным аплодисментам, а увидев, что я плачу, принялись дружно успокаивать. Возвращались мы на машине, благодарные судьбе за встречу с такими удивительными людьми. По щекам катились слезы. Наверное, соринка в глаз попала. А может быть, прорвался ком страха перед наступающей тотальной слепоглухотой и пришло понимание, что главное — не сдаваться ни при каких обстоятельствах.

В завершение привожу слова песни, которую спела для нас Тамара Васильевна: не работают руки, ноги, и шея плохо держит голову. Ей 80 лет. 55 из них она прикована к инвалидной коляске. 55 лет состоит в счастливом браке с мужем-колясочником. У них замечательные дети, внуки, правнуки. Более того, она является председателем организации детей-блокадников. Чувствовала себя не очень хорошо, но собралась и спела вот такую песню. Голос у Тамары Васильевны боженный!

За тихой рекою, березовой рощей
Распустится первый весенний цветок,
И я загадаю желание попроще,
И, перекрестившись, взгляну на Восток.
Окрасится небо багряной зарею
И вечное солнце над миром взойдет,
И белая птица взлетит над землей,
И Божье прощенье с небес принесет,
И что-то большое откроется сердцу,

Такое, что жизнью моей не объять,
И станет спокойно и сладко, как в детстве,
Когда обнимала меня моя мать.
Молитва святая слезами прольется,
Христовой любовью исполнится грусть,
И в это мгновение душа прикоснется
К великой вселенной по имени Русь.

НОМИНАЦИЯ «СМИ»

Лауреат I степени

Елена Дьякова (Москва)

Лауреат II степени

Ольга Чухачева (Тюмень)

Лауреат III степени

Анна Поваго (Москва)

Шорт-лист

Мария Муравьева (Москва)

Анна Демидова (Москва)

Дмитрий Балыкин (Нижний Новгород)

Степан Давиденко (Москва)

Лонг-лист

Марина Платонова (Казань)

**Елена
Дьякова**
Москва

*лауреат I степени конкурса
«Со-творчество» в номинации «СМИ»*

Легко ли быть не таким?

Фестиваль «Особый взгляд» вынес вопрос в театральные залы

Бешено, яростно жестикулирует нарядная, в купеческих коралках и рыжих локонах, Кабаниха. Альмы тире-точками ее маникюра, как трассирующими очередями, прошит воздух Нового пространства Театра Наций. Почти пляска святого Витта: жизнь, прожитая под гнетом, выплескивается толчками зла, упрека, дурного куража. Все в лицо сыну Тихону.

Вялыми, мягкими жестами защищается от свекрови Катерина: круглолицая девочка, вышивальщица и молитвенница, упрятанная в глухой плат замужества. Невнятно бичует заморские страны блаженная Феклуша. Сбоку подтянутый юноша переводит залу: «А то есть еще земля, где все люди с песьими головами за неверность».

Тут понимаешь: пляска рук Кабанихи — тоже перевод. Сурдоперевод. На язык жестов.

За два дня фестиваля «Особый взгляд» понимаешь: этот перевод многим в зале нужен.

Такого числа зрителей в инвалидных креслах, в темных очках, с белыми тросточками, с собаками-поводырями, с другими приметами физической беды, такого плотного их включения в привычный зал я не видела в театрах никогда. Даже в прогрессивных, с пандусами.

Четырехдневный форум-фестиваль инклюзивного и социального театра завершился в Москве. Он был первым в Рос-

сии. Его организаторы — Благотворительный фонд Алишера Усманова «Искусство, наука и спорт» и Центр реализации творческих проектов «Инклюзион» при поддержке Фонда президентских грантов и Фонда поддержки слепоглухих «Соединение».

Центр «Инклюзион» создан в 2017 году. Цель его — социализация слепоглухих людей и людей с иными видами инвалидности через творчество. Собственно, и спектакли, и зрительные залы «Особого взгляда»-2019 были свидетельством того, что это вполне возможно. И уже делается.

«Инклюзион» открыл за два года пять инклюзивных театральных школ: в Москве, Петербурге, Екатеринбургe, Новосибирске, в Казани. За два года созданы двенадцать спектаклей. Постановки из их числа и шли в Москве: в Новом пространстве Театра Наций, в Центре Мейерхольда, Музее современного искусства, Доме-музее М.Н. Ермоловой.

И они работают, эти постановки. Московская «Гроза — среда обитания». Новосибирский вербатим «Унреальность», в котором студенты театральной школы говорят о своем опыте.

Они сдержанны очень. Зритель удивляется: почему эта изящная девушка весь вечер говорит из кресла? Девушка встает на поклоны. И только тогда видишь, чего стоит ей каждый шаг.

Петербургские «Ночи Холстомера» — с отчаянной и сильной игрой Михаила Волынкина в главной роли. Другие участники спектакля жестами помогают ему двигаться по сцене, незаметно направляют румяного Холстомера с закрытыми глазами. В кругу актеров светится печальное лицо пожилой дамы в темных очках. Она бросит две-три реплики — сильных, как удар хлыстом.

«Магазин» Екатеринбургского центра современной драматургии расширяет круг тем фестиваля. Пьеса Олжаса Жанайдарова на двух актрис написана по материалам «дела голяновских рабов». Хозяйка магазинчика «шаговой доступности» на окраине Москвы и «беспачпортная», одурманенная водкой по вечерам, насилием всех видов 24 часа в сутки 18-летняя продавщица из Чимкента ведут свои монологи, почти зады-

хаясь. В пристройке спального района, в огромном — художественно современном, художественно мирном — городе правит рабство, проросшее корнями в милицию и в управу, раскинувшее сеть по Москве. Возмездие здесь — нечаянно, можно сказать, — вершат бритоголовые с канистрой бензина. Какие души зреют во тьме — лучше не думать.

Социальный и инклюзивный театр всегда тесно срастались. В Москве этот опыт начинался, пожалуй, со спектаклей режиссера Руслана Маликова и драматурга Марины Крапивинной «Бросить легко» (2013) и «Прикасаемые» (2014). Оба были проектами Театра Наций.

«Бросить легко» ошеломлял. В документальном спектакле играли — собственноручно, рассказывали о своих судьбах, — люди, которым удалось слезть с иглы, выскочить из заклятого круга наркомании.

В «Прикасаемых» вместе с актерами — Ингеборгой Дапкунайте, Ольгой Лапшиной, Анатолием Белым — играли слепоглухие от рождения люди. Особенно запоминалась красавица Ирина Поволоцкая... но весь их опыт, достоинство, с каким участники спектакля несли свой крест и говорили о нем — поражали зал. Спектакль идет в Театре Наций уже пять лет. А его международная версия стала первым проектом «Инклюзиона».

Главный вопрос у инклюзивного и социального театра один: легко ли быть не таким?

Ограниченным в движении, потерявшим зрение, бывшим наркоманом, мигрантом, сиротой... список необъятен. Фестиваль «Особый взгляд» вынес этот вопрос в залы. И помог тем, кто отвечает на этот вопрос, лабораториями и мастер-классами инклюзивного танца, мультипликации, киносьемки. Лекцией продюсера Ники Пархомовской о фестивалях социального театра, немалой образовательной программой.

Поминать всеу нравственное значение этого фестиваля не будем. Оно — большое.

Сведения о публикации:

«Новая газета», 06.11.2019 г.

<https://novayagazeta.ru/articles/2019/11/06/82622-legko-li-byt-ne-takim>

Ольга
Чухачева
Тюмень

лауреат II степени конкурса
«Со-творчество» в номинации «СМИ»

Большой мир Елены Токаревой

Когда идет снег или дождь, наступают сумерки, дороги для Елены Токаревой исчезают. И собеседник, если вдруг сдвинулся со своего места, тоже пропадает. Такая у нее особенность: мир она видит... через кружочек.

КАК ЕЛЕНА СТАЛА ПАССАЖИРОМ

Раз в месяц Елена и семь ее одноклассниц собираются вместе. Веселая и бойкая Токарева после встречи всегда развозила их по домам. В тот день на железнодорожном переезде их застали сумерки. Елена попросила пассажирку: «Следи за дорогой. Увидишь встречную машину — говори, заметишь, что выехала на середину дороги, — тоже скажи». На «что случилось» водитель ответила с улыбкой: «Потом расскажу».

Отъехав от дома одноклассницы, Елена поняла, что не видит дороги, не понимает, где находится автомобиль — у обочины или посреди дороги. Сидела и плакала — от страха и бессилия, пока не приехал спасать муж. С тех пор за руль не садится. А ей так хочется! Первые водительские права получила в 18, сдав экзамены на две категории, А и Б.

У ВСЕХ СВОИ ПРОБЛЕМЫ

Однокласснице Елена тогда так и не рассказала, какая у нее проблема со зрением. Даже ближайшая подруга не знает всех

ее болячек. Они серьезные, только один из ее диагнозов может сбить с ног человека со слабым характером. А Токарева считает себя здоровым человеком, несмотря на вторую группу инвалидности и членство в Фонде «Со-единение», который создан для слепоглухих людей. Смеется — мол, «все заболевания, какие есть, у меня имеются, но стараюсь о них не говорить». Не стесняется она своих болезней, просто не хочет столкнуться с жалостью. Жизнь убедила мою героиню в том, что у любого взрослого проблем немало, зачем про свои рассказывать.

...Зрение ухудшилось после первых родов. Но врачи убедили, что все восстановится. В 38 лет от проблемы с глазами было уже не спрятаться. В народе эту болезнь обычно называют куриной слепотой, и она досталась Елене по наследству от матери.

— Пришла на комиссию, сижу в очереди, соседка спрашивает: не знаете, кому дать взятку, чтоб группу инвалидности присвоили. А я отвечаю: мы с вами разные люди. Я согласна заплатить, чтобы группу не дали. Членов комиссии уговаривала: никак нельзя мне на инвалидность, у меня дети еще маленькие, поднимать их надо.

Почти уговорила. Получила третью группу. Но в 42 уже не уступили — вам, мол, в пору первую группу давать, вы в любой момент можете полностью лишиться зрения. Но она продолжала работать. Вышла на пенсию по выслуге лет (была на госслужбе) и еще не раз возвращалась — приглашали как хорошего специалиста — то в соцзащиту, то в городскую администрацию, а потом и вовсе открыла фирму по оказанию юридических и бухгалтерских услуг. Она и сейчас помогает людям — то вид на жительство оформить, то подать заявление на налоговый вычет (очень, говорит, любит заполнять декларации 3-НДФЛ). Делает это уже не как предприниматель — фирму закрыла несколько лет назад, но сарафанное радио работает, люди продолжают к ней обращаться.

И даже настоящий пенсионный возраст не стал для Елены поводом спокойно сидеть дома. Каждое утро она начинает с работы за компьютером (что ей категорически запрещено врачами) — смотрит новости, изучает изменения в законодательстве. Такой у нее неутомимый характер.

— Я бы не сказала, что в чем-то мне совсем тяжело, — словно спохватывается моя собеседница. — Но смешные ситуации случаются. Везу как-то по Ялutorовску друзей, приехавших из Германии. Дорога пустая, музыку включила — прекрасно! А пассажир мне говорит: на спидометр-то посмотри. Отвечаю: «Я ж инвалид по зрению, смотри, не смотри — не вижу!». Или вот однажды лает во дворе собака, решила посмотреть, на кого. Смотрю в окно — темень несусветная. Удивляюсь, еще не поздно, не должно быть так темно. Еще присмотрелась — ни зги не видать. Посмотрела налево — темно. Направо — темно. Когда отошла от окна, вдруг свет увидела. Оказывается, я в стену смотрела. Часто вспоминаю и смеюсь рассказывая.

Случается, на лестнице утыкается в чей-то живот, потому что сосредоточенно всматривается в ступеньки. Люди по-разному реагируют, но Токарева не обижается — откуда, мол, человек знает про мои проблемы со зрением, а его животу досталось.

МУЖ ИВАН

Они познакомились школьниками. Лене было 13, Ване — 14. Три года Иван служил в морфлоте, Елена ждала его. Через девять лет дружбы сыграли свадьбу. Это было 35 лет назад — как раз в день рождения невесты. С тех пор друг Ивана, свидетель на их бракосочетании, в этот январский день приходит в гости с двумя букетами — один на годовщину свадьбы, другой на день рождения.

— Муж у меня оптимист, — говорит Елена. — Он меня поддерживает. Говорит: придет время, весь организм восстановят, органы заменят. Я тоже в это верю, идет же трансплантация разных органов. Если не верить, а только фиксировать каждый день: вот я еще хуже видеть стала, — то жить-то как?! Когда говорю: завтра может не быть, Иван возмущается: «Как это, нам с тобой до 150 лет еще далеко!».

МОДНИЧАТЬ НЕ ПРОСТО

На интервью из Ялуторовска Токарева приехала одна. Сказала, что ей как раз по делам надо. Встретив Елену, к стыду своему, не поняла, что ей надо помочь в передвижении. А она и виду не показала. Только попросила подсказать, когда лестница начнется.

Потом, узнав об особенностях ее зрения, спросила, как она передвигается по городу, как переходит улицу. Оказалось, «по внутренним приборам», предпочитая знакомые места. Родные, даже внуки, знают, как и когда ей помочь, а в сумерках всегда сопровождают.

Тяжело выходить из подъезда, точно знает, что где-то справа есть кнопка домофона, но искать ее приходится долго — надо не спеша все осмотреть.

Любит читать, но глаза быстро устают, голова начинает болеть. Пробовала слушать аудиокниги — не то, привыкла к зрительному восприятию текста.

С трудностями сталкивается даже в примерочной кабинке магазина, в ней сложно ориентироваться. Может, поэтому не любит ходить за обновками. Выручают сестра и дочь, муж приходит на помощь.

На рынок не любит ходить со времен работы в налоговой. Тогда приходилось посещать торговцев с рабочими визитами, многие из них, опережая деловой разговор, предлагали продать товар подешевле, а то и вовсе отдать бесплатно. Ей было неприятно, поэтому и теперь обходит рынки стороной. А в супермаркетах ей комфортно — можно любой продукт взять в руки, самой увидеть и качество, и цену.

— Я не люблю в зеркало на себя смотреть, — признается Елена. — Наверное, не люблю себя. У меня всегда в первую очередь забота о ком-то. На первом месте семья, дети. Скажут они, что надо приехать, — все брошу и поеду! Хоть на перекладных, хоть как... Умом понимаю: надо себя любить. А как? Не получается...

15 РОЛЕЙ ЕЛЕНА ТОКАРЕВОЙ

— Мне в жизни как-то все удавалось, где хотела, там поработала, — говорит Елена. — Уже когда вышла на инвалидность, подумала: ну где я еще не работала? В городской администрации. И тут меня туда пригласили. Потом позвали в соцзащиту, тоже новое для меня место. Я счастливый человек, благодарна судьбе — мне удалось заниматься практически всем, о чем мечталось. У меня 15 профессий по жизни было.

Мечтала работать в детском саду — получила корочки младшего воспитателя. Онигодились, когда дочке пришла пора в дошкольное учреждение устраиваться, мама не могла ее отпустить, оставить без своего догляда.

Хотела быть певицей — стала солисткой в вокальной группе города. Со школьной поры играла в волейбол, бегала на лыжах, участвовала в городских соревнованиях.

Не поступив после школы в индустриальный институт, работала лаборанткой на кафедре высшей математики. Через год пошла в стюардессы. Осознав, что летать всю жизнь не будешь, поступила в медучилище, получила медсестринское образование. Есть у нее «корочки» продавца, работала методистом лечебной физкультуры, была массажистом, бухгалтером, налоговиком. Окончила юридический институт. Была няней-бабушкой — невестка продолжила учиться в медицинской академии, а новорожденного сына забрала свекровь, закрыв без сожаления — надо ж помогать! — свою консалтинговую фирму.

Ей и сейчас много чего хочется освоить, сделать своим навыком, своим хобби. С удовольствием поиграла бы в волейбол, но «мячик от меня убегает». Хотела бы шить, вязать — глаза не дают. В этом январе, когда дом без гостей опустел, а календарь объявил об окончании праздников, решила, что пора учиться играть на гитаре и восстанавливать свидетельство массажиста, чтобы делать массаж малышам.

Похоже, свою страсть осваивать новое Елена передала детям — сын и дочь имеют по три диплома о высшем образовании, а впереди у них еще много-много лет...

НЕ НАДО ЗЛИТЬСЯ!

На прощание попросила у Елены Токаревой совет. Как не озлобиться, как без трагедии принимать сложности, которые у всех — без исключения — есть?

— Своих настраиваю: не надо злиться. Мы сегодня есть, завтра нет. И не у кого будет просить прощения. Если раньше люди будущим жили, то теперь — настоящим. В нестабильном нашем государстве строить что-то очень ненадежно... Надо радоваться каждому дню, каждому мгновению. Погода хорошая — радоваться. Люди хорошие встретились — радоваться. А завтра... Хорошо, если оно наступит. Нет-нет, оно обязательно наступит!

Сведения о публикации:

«Тюменские известия», 31.01.2020 г.
<https://t-i.ru/articles/30385>

Анна
Поваго
Москва

лауреат III степени конкурса
«Со-творчество» в номинации «СМИ»

Одиночество, прощай!

Жанна потеряла слух, потом зрение, потом работу и единственного родного человека. И лишь недавно стала просыпаться с мыслью, что ей больше нечего бояться

Рано утром, едва проснувшись, Жанна Веретникова может рассмотреть огромные зеленые цифры на любимых электронных часах, стоящих напротив кровати, но к вечеру снова погружается в абсолютную темноту.

Всю жизнь она прожила вместе с матерью в Чебоксарах, а в 2009 году осталась совсем одна. Жанна не любит вспоминать это время и не стремится на малую родину. Говорит коротко: там есть сестра, сводная. Они не общаются. Но в этом году временным домом Жанны стала небольшая квартира в Люберцах, где живут те, кто способен по-настоящему ее понять, — люди с нарушениями зрения и слуха. Ее день проходит в окружении книг и подруг, с которыми она общается на жестовом языке.

Разговаривать нам с Жанной помогает Виктория Бакунова, одна из тех, без кого женщина не дождалась бы помощи и, возможно, оказалась бы за стенами психоневрологического интерната.

КОГДА ТЕМНЕЕТ В ГЛАЗАХ

Слабослышащей Жанна была с раннего детства. Она училась в спецшколе, освоила жестовой язык, а вечера проводила вместе с матерью у нее на работе, в библиотеке.

«Тогда я любила сказки, — вздыхает Жанна. — А теперь мне нравятся истории о любви, о жизни простых людей, только со счастливым концом... После школы я мечтала получить место на хлопчатобумажном комбинате. Тогда там работало много глухих. И меня даже брали на должность мотальщицы. Но на медкомиссии был пожилой врач-окулист. Он понял, что у меня плохое зрение, и не пропустил дальше».

Когда мечта о работе на комбинате рухнула, сводная сестра помогла Жанне устроиться посудомойкой в заводскую столовую. Через два года девушка сама ушла на другой завод сверловщицей, где проработала восемь лет. Сократили. Устроилась гальваником — через два года закрыли цех.

«Местные власти так решили. Цех наш стоял в самом центре города. Сказали, что мы слишком сильно загрязняем воздух, пора закрываться. В итоге следующие девять лет я проработала на этом же заводе уборщицей».

Зрение покидало Жанну постепенно. Сначала едва заметно, а потом все плотнее ее обступала темнота. Да еще в середине 2000-х врачи обнаружили у Жанны рак. В 2005-м ее прооперировали. Удалили грудь, провели курс химиотерапии.

«Я проходила реабилитацию четыре месяца, — вспоминает Жанна. — Больше больничный не продлевали, так что мне дали временную вторую группу инвалидности и отпустили. Я вернулась на завод в 2006 году, но вскоре уволилась: практически ничего не видела, а потому работать больше не могла».

К СВИДЕТЕЛЯМ ОТ БЕЗЫСХОДНОСТИ

Незадолго до смерти мама Жанны пристрастилась к собирательству. Чистюля-дочь постоянно наталкивалась на мусор, который мама приносила в квартиру отовсюду.

«Меня это очень раздражало, но я старалась не конфликтовать, — вспоминает Жанна. — Несколько раз мы пытались поговорить, я просила маму больше не приносить домой свои находки, но она ничего не хотела слышать. Когда я понимала, что могу взорваться, уходила на улицу. Там я шагала и успокаивалась».

После смерти мамы одиночество и тоска стали единственными спутниками Жанны на долгие четыре года. А в 2013 году в ее жизни появилась Галина.

«Она была из секты “Свидетели Иеговы”, но меня это не волновало. К тому времени я фактически общалась только с соцработницей, которая жила в соседнем доме. Та помогала мне с походами в больницы и поликлиники, но близкого общения у нас так и не вышло. А с Галей мне было легко. Она хорошо относилась ко мне. Она мне нравилась».

Галина была слабослышащей, поэтому они с Жанной быстро нашли общий язык. Несколько раз подруга приглашала Жанну на собрания свидетелей, она поначалу отказывалась.

«А когда я окончательно потеряла зрение, у меня не осталось выхода. Я была совсем одна, дома было невыносимо скучно, и я пошла, чтобы просто быть рядом с людьми. Приходила туда каждый раз как на праздник».

Для Жанны религиозное содержание встреч не имело значения. Ей просто не хотелось чувствовать себя всеми покинутой, вычеркнутой из жизни. Но и там она вела себя скромно. А люди неохотно шли на контакт: скорее всего, не представляли, как общаться с человеком, который не видит и не слышит одновременно.

«Гаяля помогала как могла, и я очень благодарна ей за это. Но когда моя соцработница уволилась и надо было найти другую, Галя стала меня отговаривать. Обещала, что сама будет помогать мне во всем. Но ничего не вышло. Каждый раз, когда мне требовалась ее помощь, у нее не было на меня времени. До сих пор не могу понять: зачем она обещала, если не собиралась помогать?»

ТИХИЙ ДОМ

В сентябре 2016 года Жанна попала в обучающий центр партнеров Фонда «Со-единение» — Дом слепоглухих в Пучкове. Узнав ее историю, одна из переводчиц, по имени Инесса, рассказала ей о новом проекте организации — сопровождае-

мом проживании для слепоглухих людей, по разным причинам оставшихся без поддержки родственников.

«Инесса рассказала мне о Тихом доме в Троицке, где уже жило несколько человек. Я попросила ее привезти меня туда, потому что мне было очень одиноко».

Большой трехэтажный дом, который Фонд арендовал для своих подопечных, очень понравился Жанне, но сразу остаться в нем не получилось. Необходимо было вернуться в Чебоксары, завершить очередной курс лечения зрения. Она вернулась в Троицк только через год.

«Там я перестала чувствовать себя потерянной. Вышла из пустоты, — Жанна улыбается. — В Тихом доме мне очень нравилось. У нас были тренажеры, на которых можно было заниматься каждый день. А еще вокруг дома был участок, и мы могли самостоятельно выходить на улицу в любое время. Страх ушел».

К сожалению, аренда дома в Москве высасывала из Фонда более сотни тысяч в месяц. В какой-то момент стало ясно, что тянуть такую сумму Фонду не под силу.

СЕВЕРНЫЙ ВЫХОД

В Ленинградской области, неподалеку от Петергофа, сегодня строится дом для Жанны и других подопечных «Со-единения». Все его обитатели смогут не просто жить на природе, гулять и заниматься хозяйством, но и оформить регистрацию, чтобы получать медицинскую помощь. А пока Жанне приходится раз в год возвращаться в Чебоксары на плановое обследование в онкологическом центре.

«Там меня встречает Женя, активистка, которую Фонд нашел в моем городе. Она помогает, спасибо ей. Но я не хочу туда возвращаться. Сложно находиться в нашей с мамой квартире, к тому же она требует ремонта. Одна я с этим не справлюсь».

Пока идет строительство, жильцы Тихого дома переселились в две квартиры в Люберцах.

«Это так называемые тренировочные квартиры, — поясняет Виктория Бакунова, координатор проекта «Сопровождаемое проживание». — Сюда мы привозили молодежь до 25 лет,

чтобы научить их хотя бы себя обслуживать. Они жили здесь по три месяца, а потом возвращались домой. Мы учили их готовить еду, ходить самостоятельно в магазин. Некоторым нужно было объяснить, что такое деньги или как пользоваться банкоматом. А теперь в этих квартирах живут наши постоянные жильцы — три женщины и два мужчины».

Жанна ждет осени, когда наконец можно будет поехать в Петергоф и оценить новый дом.

А пока впереди еще несколько месяцев до путешествия на север, Жанна развлекает себя чтением романов про индейцев. За время нашей беседы она несколько раз спрашивает Викторию, когда привезут новые книги.

«Еще в соседнем дворе есть несколько тренажеров. Прямо на улице, — говорит Жанна. — Мы ходим туда каждый вечер, занимаемся. Очень нравится, но зимой особо не погуляешь. Уходить из квартиры надолго пока действительно не получается. Кто-то из женщин может передвигаться только при помощи костылей, кто-то мерзнет — приходится возвращаться».

«Жанна очень активный человек, — улыбается Виктория. — Дай ей волю, будет в любую погоду гулять по три-четыре часа».

Возвращаясь домой, Жанна часто берет в руки большую раковину.

«Мы были на Черном море, на Азовском море, а еще нам повезло: год назад нам подарили путевки в Китай, — рассказывает Жанна. — Мне очень хотелось привезти оттуда что-то на память, и я привезла раковину. Жаль, только одну».

Она, конечно, хочет еще раз почувствовать теплые волны и найти несколько раковин, но сейчас Жанне 54 года и ее главная мечта — большой дом и спокойная жизнь без вынужденных путешествий в Чебоксары и обратно.

«Для меня самое важное — дом и люди рядом, — улыбается Жанна. — Мне больше не одиноко».

Тихий дом в Ленинградской области будет готов принять жильцов не позднее осени 2020 года. Специалисты Фонда «Со-единение» надеются, что смогут обеспечить подопечных всем необходимым. Речь не только о крыше над голо-

вой, но и об активной жизни, медикаментах и даже работе. Участники программы сопровождаемого проживания занимаются ткачеством и керамикой и с нетерпением ждут заказов.

Сведения о публикации:

«Такие дела»

<https://takiedela.ru/2020/02/odinochestvo-proshhay/>

Мария Муравьева
Москва

шорт-лист конкурса
«Со-творчество» в номинации «СМИ»

Не одни в темноте

Статья и фотрепортаж

Международный день слепоглухих отмечают 27 июня, в день рождения Хелен Келлер (1880–1968). Американский писатель и политический деятель, она стала первым слепоглухим человеком, получившим университетскую степень бакалавра.

«У меня отняли глаза — я вспомнила про рай Мильтона. У меня отняли мои уши — пришел Бетховен и вытер мои слезы. У меня отняли язык — но я стала говорить с Богом, когда была молодой. Он не позволил отнять мою душу — владея ею, я владею всем», — писала Хелен Келлер.

ТРЕНИРОВОЧНЫЕ КВАРТИРЫ

В подмосковных Люберцах в тренировочных квартирах благотворительного фонда «Со-единение» живут люди, которые не слышат и не видят, но хотят жить, общаться, любить, быть кому-то нужными и полезными.

Проект «Сопровождаемое проживание» задумывался как альтернатива проживанию в интернате. В тренировочной квартире за больше свободы и самостоятельности, больше зона личной ответственности за себя и свои действия. Никто для них не готовит, не стирает вещи, не моет полы — все это делают участники проекта. Они могут сами распоряжаться своими деньгами, делать покупки, ходить на прогулки, по-

сещать церковь. Есть общий распорядок, но свободное время можно проводить так, как хочется. Комнаты рассчитаны на два или три человека, обстановка приближена к домашней.

«Основное, чему мы стараемся научить, помимо самостоятельного удовлетворения базовых потребностей, — это брать на себя ответственность за свою жизнь, — говорит Наталья Соколова, исполнительный директор Фонда «Со-единение». — Ведь для многих даже такая простая вещь, как выбор блюда на ужин, становится огромной проблемой. До этого у них практически не возникало необходимости и возможности что-то выбирать».

В среднем люди живут в таких квартирах от трех до шести месяцев: скорость овладения навыками у всех разная. После этого кто-то возвращается домой, кто-то пробует найти себя в аналогичных проектах, кто-то решает получить образование. Пожилые люди, которые попадают в проект сопровождаемого проживания, могут участвовать в нем, сколько захотят. На первых порах они тоже проходят обучение, адаптируются к совместной с другими подопечными жизни. Сотрудники всегда рядом. Они ничего не делают за подопечных, но при этом всегда готовы прийти на помощь.

«Не всем нравится такой уклад, — продолжает Наталья Соколова. — Один человек, прожив пару месяцев в квартире, принял решение вернуться в дом-интернат. Ему не хотелось самому стирать и убирать, ездить на занятия в гончарную мастерскую и ходить за покупками. Оказалось комфортнее жить прежней жизнью. Правда, в нашей практике это единственный случай. Есть люди, которые участвуют в проекте с самого открытия. Им нравится жить не в одиночестве, у них есть общение, а это для наших подопечных самое главное».

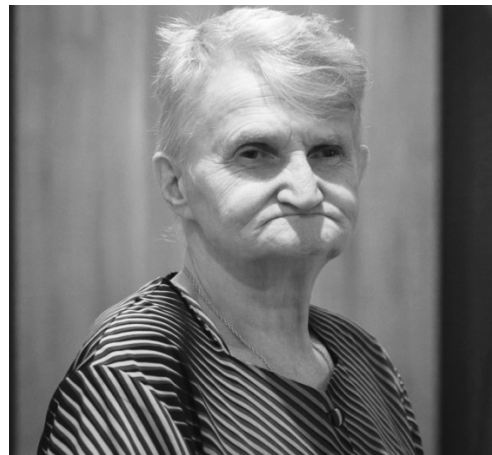
Сейчас в двух тренировочных квартирах постоянно живут три женщины и двое мужчин.

«ДЕВОЧКИ»

В квартире на Волковской улице живут Любовь, Жанна и Наталья.

Любовь родилась в Тбилиси, с рождения слабовидящая и полностью глухая. Сначала все складывалось хорошо. Рабо-

Любовь Серебрякова. Все фото — автора

тала швеей, был муж, воспитывали сына и дочь. В 2001 году муж умер. От пережитого стресса Люба полностью потеряла зрение.

Жила одна, раз в неделю ее навещала дочь, приносила продукты. Сидеть в четырех стенах было тяжело: не хватало общения. Узнала про Фонд «Со-единение» и проект «Сопрово-

ждаемое проживание», позвонила, оставила заявку. В октябре 2016 года поселилась в московском «Тихом доме», но его работу пришлось свернуть из-за дорогой аренды. Теперь Любовь живет в квартире в Люберцах.

Соседка Любы по комнате — Жанна. Они общаются с помощью дактильной азбуки. Руки — единственный способ коммуникации слепоглухих с миром.

Жанна от рождения глухая. Училась в школе для глухих. В 10 лет потеряла зрение. Несмотря на это, работала на Чебоксарском электрозаводе «Трансформатор» — сначала уборщицей, потом сверловщицей III разряда. После смерти матери жила одна. В 2017 году приехала в Москву.

Жанна — спокойная и мечтательная, любит читать. «Больше всего я боюсь оди-

Жанна Веретникова

Наталья Ладыгина

ночества, — говорит она. — Самое важное для меня — это дом и люди рядом».

Наталья родилась в селе Летуново Московской области totalmente глухой и с плохим зрением. Училась в школе для глухих. Жила в семье с мамой, отчимом и сестрой. Семья считалась неблагополучной. В 2003 году соседи вызвали органы опеки, и Наташу определили в Клинский дом-интернат. Там она познакомилась со своим будущим мужем, с которым прожила 10 лет. В 2016 году муж умер. Наташа тяжело переживала его смерть. Она любит рассказывать, как была счастлива тогда, поддерживает отношения с родственниками мужа. Иногда ее навещает тетя Вера.

ДВА АЛЕКСЕЯ

Они живут в квартире на Октябрьском проспекте.

Алексей Живагин родился в Ростовской области, в Батайске, в семье незрячих родителей. В детстве он слышал и видел. Папа умер в 1981 году, когда Алеше было семь лет. Тогда

Алексей Живагин

он полностью потерял зрение, а к 11 годам — частично и слух.

Учился в Сергиево-Посадском интернате, к маме домой приезжал только на каникулы. После учебы остался работать на учебно-производственном предприятии Всероссийского общества слепых сборщиком деталей при интернате. Жил в общежитии.

После закрытия УПП поехал жить к сестре в Тихорецк. Мама Алексея умерла в 1981 году. Семья у сестры большая — муж и двое детей, дом маленький, было неудобно стеснять родственников. В 2016 году Алексей узнал про проект «Сопровождаемое проживание» и приехал в Москву. Он любит читать,

Алексей Пусеев

готовить, занимается керамикой, осваивает ткацкий станок и компьютерные технологии.

В Фонде его называют неисправимым мечтателем. Алексей мечтает жениться и завести детей, прыгнуть с парашютом и научиться водить автомобиль для слепых — его скоро обязательно изобретут. Алексей уже совершил первый в своей жизни полет на параплане.

Алексей Писеев из села Маслово Тульской области. Родился с нарушением слуха и зрения, учился в Сергиево-Посадской школе, там же и жил. Работал на УПП сборщиком деталей. В 2003 году переехал в Климовский интернат.

У Алексея две сестры и брат. Родственники решили, что ему лучше жить в интернате, где рядом врачи и не нужно самостоятельно готовить, стирать и убираться. Но Алексею всегда хотелось вырваться на свободу. Хотелось пойти в воскресенье в храм. Хотелось самому купить продукты, выбирать одежду в магазине.

В сентябре 2016 года он переехал в «Тихий дом». Любит читать, пишет стихи.

Перед тем как сесть за стол и после — вставая из-за стола, Алексей с другом читают православные молитвы.

ГРУППА ПОДДЕРЖКИ

Софья Давыдова

Софья Давыдова — самая молодая сотрудница Фонда, ей всего 21 год. Учится в Российском государственном социальном университете на социального работника.

Марина Шестакова — москвичка. Она тотально глухая, воспитывает 17-летнего сына.

Сотрудники дежурят круглосуточно: подопечных не оставляют в квартирах в одиночестве. Что-то может

случиться в любой момент. Например, кому-то станет плохо, и нужно будет вызвать Скорую. Работа нравится, некоторые работают уже несколько лет.

«Работа с людьми с одновременным нарушением слуха и зрения — достаточно сложная, часто ведет к эмоциональному выгоранию, — рассказывает Ольга Кудрявцева, руководитель программы «Региональное развитие» Фонда «Со-единение». — Очень важен контакт между проживающими и сотрудниками. Если такого контакта нет — человек уходит.

Марина Шестакова

За все время существования проекта была только одна ситуация, когда договор с сотрудником был расторгнут по инициативе Фонда».

ДОМ БЕЗ НАЗВАНИЯ

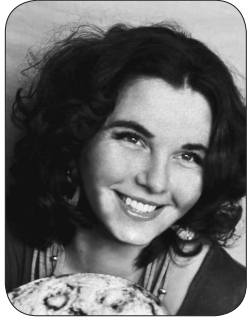
Скоро все нынешние обитатели люберецких тренировочных квартир переедут в дом, который строится в Ленинградской области, недалеко от Петергофа. Название для дома еще не придумали. Он рассчитан на 11 человек. Там подопечные Фонда будут жить на природе, гулять и заниматься хозяйством. Они смогут оформить регистрацию и получать медицинскую помощь. Фонд «Со-единение» планирует обеспечить их работой. Участники программы сопровождаемого проживания занимаются ткачеством и керамикой и ждут заказов.

А в люберецкие тренировочные квартиры заедут слепоглухие до 25 лет, которые планируют начать самостоятельную жизнь.

Сведения о публикации:

Агентство социальной информации

<https://www.asi.org.ru/article/2020/06/26/ne-odni-v-temnote/>

Анна
Демидова
Москва

шорт-лист конкурса
«Со-творчество» в номинации «СМИ»

Листая фотоальбом: Ботанический сад МГУ «Аптекарьский огород» в жизни незрячих и слепоглухих людей

Давно я хотела записать особые истории про особых гостей сада. И вот сегодня на календаре 27 июня — день рождения Хелен Келлер, Международный день слепоглухих людей.

...Да, это правда, когда я веду специальные экскурсии и рассказываю про сад лекарственных трав или старинную пальмовую оранжерею, я прикрываю глаза. Говорю по памяти. Так описания становятся более краткими и точными, не ускользают детали. Вечера проводим в театрах, там работаю с незрячими людьми и сама слушаю тифлокомментарии, сравниваю с тем, что происходит на сцене. Некоторые спектакли смотрю и слушаю — снова и снова. И, конечно, это становится привычкой — пояснять все невидимое и смотреть по-иному на мир вокруг.

ВСТРЕЧА С ФИОЛЕТОВОЙ ФЕЕЙ

Однажды, помню, закончила школьную экскурсию, иду по оранжерее, смотрю: одна женщина другой банан показывает. Рука в руке, по стволу. О, преступление! Подбегает охранник: «Уважаемые! Нельзя трогать растения!». Да, нельзя, думаю я, он прав. Подхожу тоже, интересуюсь. Сопровождающая объясняет, что ее знакомая — слепоглухая. Оставляю их,

Фото Юлии Андриевич

иду на выход. Вдруг, уже у ворот сада, меня осеняет мысль, что надо показать им тактильную экспозицию суккулентов. Быстро возвращаюсь, ищу этих людей, поднимаюсь на второй этаж. «Знаете, она почти не видит,

но рисует, стихи пишет и в театре играет», — рассказывает мне сопровождающая про женщину в сиреневых одеждах с фиолетовыми волосами. Показываю стапелию, сансевьеру, кактусы, внимательно рассматриваем растения... «Вот такой же у нее и дома растет, однажды расцвел, а она думала, что за странный запах...» Я не знала имен, но однажды еще раз встретила эту посетительницу на выставке в саду и уже потом случайно узнала, что это Ирина Поволоцкая, которая называет себя Фиолетовая Фея Феникс...

Это была моя первая в жизни встреча со слепоглухим человеком. В дальнейшем мы познакомились с Ириной. Я была на ее спектаклях, а она одна из первых оценила тактильную модель сада — нашу совместную разработку с дизайнером Юлией Андриевич. Жарким июньским днем в этом году мы три часа провели в саду. Изучали его территорию и сравнивали со схемой, где показаны не только объекты сада, но и окрестности — проспект Мира, переулки, метро, и даже здание библиотеки для незрячих людей (РГБС) и институт «Реакомп».

Ирина написала отзыв: «“Аптекарьский огород” — одно из моих любимых мест Москвы с детства. Мы с родителями бывали здесь в разное время года и подолгу ходили по оранжереем. Это была моя любовь — цветы, листья, деревья... Я рисовала это все. Но никогда я не задумывалась, как и что,

в какой планировке расположено. Схема наложилась на восприятие — и неожиданно выпрямилась и обрела конкретную форму на местности. Сама прогулка тоже замечательно сложилась. Хорошо потрогать все, что можно потрогать (это очень сильное ощущение!), понюхать пионы... Кстати, к началу прогулки в голове уже отложилась схема, и я представляла, что и где находится в «Аптекарском огороде»».

ПЕРВАЯ ЭКСКУРСИЯ ДЛЯ СЛЕПОГЛУХИХ

После того как я закончила курсы по сопровождению слепоглухих людей, сдала зачет и получила удостоверение, мне все еще было как-то не по себе напрямую в жизни столкнуться с ними. Я не то что не знала, поймут ли они мой перевод, я вообще не знала, как подойти к ним. И вот, 27 января 2018 года, мы с Еленой Федосеевой организовали первую экскурсию для слепоглухих людей. Это была группа из Дома слепоглухих в Пучково. Морозное утро, рука в руку переводить сложно, переводчики и я без перчаток. Пошли в оранжереи, уже там познакомились и друг с другом, и с растениями. Показала и лаванду, и розмарин, и лавр, и тропические растения... Было так удивительно наблюдать радость людей, такую простую радость от прикосновений к мягким опушенным листьям, от новых ароматов... Проводила гостей до автобуса и сама по-

Фото Анны Демидовой

шла домой. В тот день я поняла простую истину: одно дело — общаться с людьми даже тотально незрячими, которые тебя слышат, и совсем другая история — люди слепоглухие. Было чувство, словно переходишь с одного иностранного языка на другой. До самого вечера на руках ощущались ароматы лаванды и лавра... И я знала, что все не зря, что не надо бояться и не надо ограничивать себя от общения с разными людьми, даже такими необычными.

С той поры прошло два года, многие слепоглухие люди побывали в нашем саду. Теперь мы дружим с Домом слепоглухих в Пучково, приезжали группы от организации «Ущерфорум», и своим знакомым я тоже стараюсь показывать сад. Разные-разные люди, почти все они видят и слышат совсем по-особому. Был молодой человек, который не видел и при этом не ощущал запахов, были тотально слепоглухие.

ОН ПОЦЕЛОВАЛ ЖЕНЩИНУ ИЗ БРОНЗЫ!

Скульптора Александра Сильянова я помнила по первой экскурсии для слепоглухих людей. И читала о нем, и на спектаклях видела, как он исполняет свои роли. Но была и случайная встреча...

Закончила работу, иду вдоль зеркального канала, вижу мужчину на скамейке, с белой тростью в руках. Вспоминаю, кто это может быть. Это же скульптор, Сильянов! Как же его зовут? Память быстро выдала мне его имя. А вдруг это не он? Да он, точно он, и усы как у него! Была не была, поздоровалась, представилась. Он ждал на скамейке свою супру-

Фото Елены Сильяновой

гу, Елену. Она быстро подошла, поудивлялись нашей встрече и решили посетить сенсорный сад. Показала им растения. Заметила, как Александр заинтересовался конструкцией стоиков-грядок, внимательно рассмотрел их руками. Можно же и дома такие сделать! И мяту, и петрушку посадить, как в нашем саду! Потом рассматривал телегу — большую, деревянную, с выставленными на ней ароматическими растениями. Да ладно растения, но где еще такие деревянные колеса встретишь?!

Около сада лекарственных трав — скульптура: девушка и ребенок. Долго-долго Александр рассматривал детали лица, одежды... А в конце взял и поцеловал эту девушку из металла, так она ему понравилась! Сделали круг по дорожкам сада, зашли на хвойные горки. На выходе, около канала, огромное дерево — кладрастис желтый, с повисающими гроздьями белых душистых цветков. Решили сфотографироваться на память. Одно из соцветий Александр приложил к голове, словно прядь волос получилась. Вот что значит творческий человек!

ДЕТСКИЕ ИСТОРИИ

Когда работаю с малышами, всегда перевоплощаюсь и представляю себя на их месте. Отправляясь в таинственные путешествия, с ними важно общаться на особом, детском языке. И когда-то, очень давно, когда мы с мамой посетили Ботанический сад в Санкт-Петербурге, меня невероятно восхитили пальмы в оранжерее, среди снежной зимы... «Здорово было бы работать в Ботаническом саду!» — тогда подумала я. Прошло много лет, а эта детская мечта взяла и осуществилась... Сейчас меня восхищают не только пальмы, но и любознательные малыши. Например, как быстро ученики из Первого интерната для незрячих детей запоминают названия растений на слух:

— Как Вы сказали? Селеницереус? Верно? А это — пафиопедиллюм?

Путают цвета — темно-зеленый могут воспринять за синий, бледно-зеленый — за желтый. «Калибруем» нашу радугу, сравниваем оттенки и повторяем цвета. Это неплохая тренировка зрения, ведь в нашем тропическом лесу есть все оттенки зеленого!

*

Весна. Идем на выход из сада. Сотрудники спиливают старое сухое дерево. Антон сразил меня вопросом: «Это ведь пила гудит?! А что за модель пилы у вас?». Я-то знаю, как нравятся детям уроки технологий в Первом интернате, вот вам и вопрос про модель пилы... А потом, когда ждали автобус, стал изображать дикторов метро — и женский голос скопировал, и мужской. Да так, что не отличишь! «Осторожно, двери закрываются! Следующая станция — “Проспект Мира”».

*

Рассказала о коллекции кактусов, как наш куратор сам многие растения смог вырастить из семян.

Маша:

— А как Вы думаете, если я на улицах всякие штучки подбираю интересные, всякий хлам, меня можно назвать коллекционером?

*

Май, солнечно. Мы на вересковой горке, цветут рододендроны...

— Скажите, это рододендрон так пахнет или все же Ваши духи?

Дети вообще очень забавные! У меня собраны сотни, наверное, уже даже тысячи высказываний... Может, пора издать книгу?! Многие мне об этом говорят.

*

Одна из учительниц предупреждает группу:

— У Марины Валерьевны нет голоса, поэтому все говорим шепотом или молчим!

— Кричать тоже шепотом?

*

Рассказываю:

— Сад основал Петр Первый. А кто это, знаете?

— Это в древности король такой был...

- Да нет же! Президент!
— Сам ты «президент»! Не президент он был, а мэр!

*

— Эти растения-хищники выделяют специальный секрет, который растворяет насекомых...
— Как это «секрет»?.. Разве секреты убивают?..

Бывает, веду группы малышей и часто наклоняюсь или присаживаюсь на корточки, чтобы быть на одном уровне с детьми. Уменьшаюсь, как Алиса в Стране чудес, а издали кажется, что группа малышей так организованно ходит по саду одна, вроде как и без взрослых.

*

Незрячие дети нередко говорят, что ствол банана резиновый.
— Он настоящий?
— Конечно, настоящий! И я тоже настоящая!
Им становится смешно...

АНГЕЛИНА ЖДАНОВА — ПОДОПЕЧНАЯ ФОНДА «СО-ЕДИНЕНИЕ»

С Юлей Ждановой — мамой маленькой слепоглухой Ангелины — мы вместе учились на курсах по сопровождению слепоглухих людей. С тех пор дружим. Они приезжают в сад, в гости, гуляем в парках. Беру ручки Гели и показываю самые разные растения. Не спешим, незачем спешить. Мокрые, колючие, холодные растения — не любит! Зато мохнатые листочки шалфея долго

Фото Юлии Ждановой

рассматривает пальчиками. А это заросли Melissa в сенсорном саду! Подумаешь, Melissa! Но для кого-то это — целый новый мир. Смотрим листочки, пробуем запах. Даже пионы — какие-то ей больше нравятся, какие-то вообще не вызывают интереса. Однажды мы с коллегами рассмеялись над ароматом аморфофаллуса — уж такой специфический, хоть противогаз надевай! Геля почувствовала наше настроение, услышала смех мамы и тоже рассмеялась. Да так задорно! Не видела ее такой раньше. Теперь она уже ходит в школу и на наших «уроках» ботаники стала хитрить. Когда устаёт, показывает жестами «Хватит. Спасибо!» и тут же начинает радостно подпрыгивать. Недавно Юля прислала мне видео: в реабилитационном центре в Ясенево — разные растения в больших горшках. Геля облюбовала фикус с большими плотными листьями. И так и этак попробовала руками, сама изучала и листья, и веточки! Дальше захотела было на зубок попробовать... Эх, мама не разрешила!

АКТРИСА АЛЕНА КАПУСТЬЯН — ВЫПУСКНИЦА СЕРГИЕВО-ПОСАДСКОГО ИНТЕРНАТА

Как-то раз мне в соцсетях написала школьница из Сергиево-Посады, Алена Капустьян. Как нашла? Говорит, прочитала рассказ «Встреча со слепоглухим» (журнал «Ваш собеседник» № 1 (45), 2018) и решила написать. Так мы и познакомились, и дружим, иногда подолгу переписываемся. Недавно, 13 июня 2019 года, в Российской государственной библиотеке для слепых (РГБС) при поддержке Общества социальной поддержки слепоглухих «Эльвира» и благотворительного фонда «Дом слепоглухих» прошел семинар «Загорский эксперимент. Решение проблем обучения слепоглухих детей в Сергиево-Посадской школе-интернате». Алена там тоже выступала. А библиотека находится в десяти минутах от сада, вот мы и решили организовать экскурсию для желающих. А начали ее с того, что... продолжили семинар. Вручила Алене газету «Поле зрения», со статьей Ильи Бруштейна о Сергиево-Посадском доме-интернате и о самой Алене. Для семейного архива. С группой посмотрели дендрарий, оранжереи. И куда же

Фото Натальи Демидовой

без сенсорного сада?! Там мы с Аленой рискнули, сняли обувь и пошли по тактильной дорожке. Страшно, шишки колются, не перепрыгнешь, затем — в ячейках песок, галька, крупные камни. Это мы на Кубе, это на Черном море! Какие разные пляжи под ногами — красота! Кругосветное путешествие совершили! Вечером Алена написала: «Знаешь, мне вообще нравится по камням ходить... Ощущение,

будто ты в горах или где-то на скале. Хотя, если быстро идти по камням, то можно споткнуться или какой-то камешек упадет в обувь, поэтому шла медленно и предпочитала двигаться осторожно. А горки обожаю, ведь там для ног тренировка, то есть, поднимаешься по ней, поднимаешь свой вес вверх, бывает, и побегу по ней вверх. Настоящая тренировка для ног! Еще я сосредоточилась на запахах, энергетике растений...»

ИНКЛЮЗИЯ В ДЕЛЕ

Как-то так получилось, что в последние годы ко мне стали обращаться журналисты с просьбой высказать свое мнение об инклюзии. Мне кажется, ответ очень простой — люди должны стремиться взаимодействовать друг с другом. Это обогащает нашу жизнь, это новый опыт и расширение любых границ. Мне на экскурсиях помогают и волонтеры, и совсем посторонние люди. Не стоит бояться незрячих и слепоглухих людей. Надо изучать и дактилологию, и жестовый язык,

и иностранные языки, познавать другие культуры, новые земли и самых разных людей.

САД ПЯТИ ЧУВСТВ

Тактильный сад может посетить любой желающий. В «Аптекарском огороде» проходят специализированные экскурсии для посетителей с нарушениями зрения и для слепоглухих людей. После предварительной записи по электронной почте (demidova_a@rambler.ru, Анна Демидова) и согласования даты и времени проведения экскурсии приобрести путевку можно в кассе сада.

27 июня 2019 г.

Сведения о публикации:

«Поле зрения. Газета для офтальмологов». Издание Московского научного общества офтальмологов. 2019. №4. С. 38-39.
http://aprilpublish.ru/uploads/PZ_4_2019_preview.pdf

Примечание: в оригинальной публикации 19 цветных фотографий.

Дмитрий Балыкин
Нижний Новгород

шорт-лист конкурса
«Со-творчество» в номинации «СМИ»

Велопробег «Ехать. Доверять. Жить» (фрагмент)

Дмитрий Балыкин (ведущий): С 29 июня по 11 июля 2019 года состоялся велопробег по местам, связанным с образованием слепоглухих. Его провел Дом слепоглухих в Пучково. Как возникла эта идея и в чем она заключалась?

Елена Федосеева (директор БФ «Дом слепоглухих»): Проект называется «Ехать. Доверять. Жить». Название заимствованно у нашего прошлогоднего проекта, благодаря которому нам удалось собрать деньги на покупку велотандема для Дома слепоглухих. Когда мы задумались о названии велопробега, то оно показалось самым подходящим. Едем — потому что на велосипеде. Доверять — потому что слепоглому человеку на велотандеме и в жизни приходится доверять сопровождающим. И жить — это, с моей точки зрения, про полноценную жизнь с инвалидностью. Про то, что человек имеет право на мечту, на образование, на занятия спортом, на любое занятие, которым занимаются люди без инвалидности. Идея велопробега пришла извне. У нас был запрос о тьюторе для слепоглохой абитуриентки Алены Капустьян, которая с сентября будет учиться в колледже. Плюс хотелось популяризировать спорт для людей с инвалидностью. И велопробег стал оформлением запроса извне, таким событием, которое должно было привлечь внимание не просто к велопробегу, а к тому, что он проходит по местам, связанным с обучением

слепоглухих людей, и напомнить обществу о том, что есть такие люди. Они могут и должны получать образование. И это нормально, и это происходит давно.

Д.Б.: Алена Капустьян — выпускница Сергиево-Посадского детского дома-интерната. Вы хотите в какой-то степени повторить знаменитый Загорский эксперимент?

Мария Зеленина (заместитель директора БФ «Дом слепоглухих»): Совершенно верно. Но не то что повторить, а сделать так, чтобы слепоглухие люди обучались. Загорский эксперимент доказал, что возможно обучить слепоглухих людей. А мы хотим, чтобы это было постоянно — и не только с Аленой Капустьян.

Д.Б.: Какие места выбраны для велопробега? Расскажите нашим слушателям подробнее.

Е.Ф.: Нашей задачей было приехать к месту, где началось первое групповое обучение слепоглухих. Мы помним про школу Перкинса, про истории с Хелен Келлер и Лорой Бриджмен. Но мы хотели приехать в Швецию, в город Вернерсборг, где впервые в мире была открыта школа для слепоглухих детей. И приехать к этому месту через Финляндию, где в городе Йювяскюля была открыта первая школа для слепоглухих детей в стране. Туда мы попали через Санкт-Петербург и Павловск. В Санкт-Петербурге посетили школу имени Гротта. Это наша старейшая школа, где обучались незрячие детки. А в Павловском парке произошла встреча императрицы Марии Федоровны с глухим мальчиком, благодаря чему было открыто императорское училище для глухих детей. Здание императорского училища отреставрировано. В нем, правда, находится ресторан. Но здание прекрасное. В Петербург мы ехали через Сергиев Посад. Здесь находится единственная в России школа-интернат для слепоглухих детей. Ну а стартовали мы от нашего Центра помощи слепоглухим людям, где они тоже проходят обучение, в том числе, компьютерной грамотности, шрифту Брайля, бытовой реабилитации и др.

Д.Б.: Елена, вы человек спортивный, в 28 лет начали заниматься бегом. Во время велопробега впереди сидел зрячеслышащий пилот, вы-спортсмен были за ним. Насколько се-

рзная физподготовка потребовалась и сколько километров вы проехали?

Е.Ф.: В общей сложности у нас получилась тысяча километров — в день где-то по 100 км. Были дни, когда мы проезжали больше, а иногда передвигались на пароме и поездах, а на велосипедах — меньше. Подготовка, конечно, нужна — и спортсмена, и пилота. Хотя ехали мы не вдвоем. У нас была группа из четырех человек. Помимо нашего тандема: пилота и спортсмена, ехала машина сопровождения, на которой передвигались Мария с мужем Иваном. Она отвечала за техническо-туристическую поддержку. В багажнике были палатки, спальные мешки, снаряжение и инструменты для велосипеда.

М.З.: Наша роль была ехать и следить за треками, организовывать место ночевки, обеда. По карте не всегда можно отследить трек. Приезжаешь на место и понимаешь, что там нет возможности ночевать. Нужно искать другое место, пока девочки не приехали. А иногда мы приезжали и понимали, что боимся ночевать. Одно из таких мест было очень красивым, но возникло ощущение, что там все вымерло. Завораживающая мертвая красота. Такое ощущение, что русалки выплывут из озера и утянут нас. Мы дождались девочек и приняли решение, что здесь ночевать не будем; погрузили велосипед на машину и поехали искать другое место. Слава Богу, нашли кемпинг неподалеку. Но вообще мы весело проводили время, любовались природой, чувствовали поддержку — люди удивлялись, как две девочки едут на велотандеме, а одна из них — незрячая. Подходили, знакомились.

Д.Б.: А если говорить об инфраструктуре, где легче ехать: в России или Скандинавии?

М.З.: Скандинавия лучше для этого приспособлена. В России нет развитой велосипедной культуры. Когда велосипед или велотандем едет по дороге, наши люди не понимают, что это такое, начинают сигналить, нервничать. В России ехать небезопасно. Когда ты едешь по дорогам Скандинавии, то чувствуешь себя в безопасности.

Е.Ф.: Буквально в первый день, когда мы ехали от Пучково до Сергиева Посада, перед школой у нас произошло небольшое ДТП. Мы ехали аккуратненько вдоль обочины. А дама

в автомобиле слева решила без предупреждения свернуть как раз на нее, и мы просто чудом увернулись. В Скандинавии, да и вообще в Европе, такое представить невозможно.

Д.Б.: Легко найти пилотов, желающих участвовать в велопробеге?

Е.Ф.: Очень сложно! Потому что пилот был нужен не на один день. Велопробег растянулся на две недели. И нам нужен был человек, готовый ехать на велосипеде две недели, у которого есть Шенген, пресловутые две недели, на которые он уедет из города, а еще — физическая форма. И не просто форма, а навык езды на велотандеме. Это было очень сложно. Я считаю, нам повезло. Первый пилот попал, на мой взгляд, на самый тяжелый отрезок маршрута. Были невозможные погодные условия! Мы ехали от Пучково до Сергиева Посада 120 км через всю Москву по Ярославскому шоссе. Днем, а это была суббота, — большая загрузка на дорогах. Четыре с половиной часа дождя, грязь, ветра, температура воздуха +10. Этот отрезок ехал очень опытный Роман Даньшин — у него за плечами тяжелейшие дистанции триатлона. В Финляндии часть отрезка ехал Илья Киреенко — наш тренер по велотандему. Он взял на себя часть отрезка, потому что у девочки-пилота были проблемы с визой. А пятидневный отрезок в Швеции — самый длинный, интересный и живописный — ехала Виолетта Вильке из Санкт-Петербурга.

ДНЕВНИК ВЕЛОПРОБЕГА

Читает Мария Лу

День первый. От деревни Пучково (Новая Москва) до Сергиева Посада — от «Дома слепоглухих» до единственной в России школы для слепоглухих детей — 120 км. Ох, это первый и один из самых непростых отрезков маршрута — маршрут с юга на север, через центр Москвы, с выездом на Ярославское шоссе. Осложнился отрезок стопроцентной влажностью, снизу и сверху, сильным ветром и низкой температурой воздуха. Сказать, что промокли насквозь, — не сказать НИЧЕГО. В роли пилота на отрезке согласился выступить Роман Даньшин — и это было супер! Роман — настоящий иронист, который ни сло-

ва не сказал об ужасных для велосипедистов погодных условиях. Не побоялся дождя и ветра встретивший нас на Ярославском шоссе Александр Федяев. Его поддержка оказалась как нельзя кстати — Александр проехал с нами последнюю треть участка и показал путь к Сергеево-Посадской школе, около которой он и живет. Школа закрыта на летние каникулы, но строгая бабушка на воротах, выслушав нашу историю о велопробеге, позвонила некой даме и получила разрешение пустить нас на территорию школы. А мы едем дальше — теперь в направлении Санкт-Петербурга, этот отрезок на машине (вещи сушатся и развешаны по салону).

День второй. От Санкт-Петербурга до Павловска — от первой в России школы для незрячих детей — до замка БИП, где находилось императорское училище для глухих детей, — в общей сложности около 65 километров. Небольшой отрезок, но, наверное, самый яркий и веселый — проехали его пять велотандемов! Поддержали нас незрячие спортсмены и их пилоты — встретились возле школы им. Грота, где, между прочим, кое-кто из них учился. Познакомились, обсудили велопробег, сравнили возраст питерской и московской школ для незрячих — питерская, конечно, намного старше — недавно отпраздновала двухсотлетию. Командой в пять велотандемов добрались до Павловска, сделали красивые фото, поговорили об истории замка БИП, перекусили печеньками и велосипедными запасами. Сегодня же сели на велотандем с Виолеттой, пилотом, с которым предстоит проехать большую часть маршрута. А еще сегодня наш лучший велотренер — Илья Киреенко — научил нас с велотандемом ехать на электропоезде!

День третий. От Выборга до Мянтьяхарью, Финляндия — 130 км. Мы предполагаем, а Бог — располагает, или «Все смешалось в доме Облонских». Предполагалось, что в Финляндию мы выезжаем двумя тандемами — я с пилотом Виолеттой и слабовидящая спортсменка Ольга с пилотом и тренером Ильей, а вместе с нами — машина сопровождения. Но Виолетте и Ольге снова задержали выдачу визы, так что они остались в Питере как минимум до завтра. Машина сопровождения осталась

их ждать (чтобы довезти до меня и Илья). Так как был риск остаться без машины не только на сегодняшний, но и на завтрашний дни, самые необходимые вещи, в том числе палатки и спальники, нам пришлось взять с собой. Они поместились в рюкзак-прицеп — килограммов тридцать! — и это создало дополнительные сложности: груз не подкручивал с нами педали, а ехал вхолостую. Также к неудачам добавился прокол камеры, мое разбитое колено (при погрузке в электропоезд от Питера до Выборга) и реальность ужасов Финского рельефа, то есть, крутых подъёмов. К удачам можно отнести заезд на обед за пять минут до разразившегося ливня и быстрый поиск места для палаток. Я человек малоопытный в туризме, и меня, конечно, поражает наличие в Финляндии специальных площадок для остановки туристов, где есть не только шатры для обедов с кострищами и дровами, но и туалетные домики (простите, даже с туалетной бумагой по углам).

День пятый. От Йювяскюля до Хельсинки и от Хельсинки до Санкт-Петербурга — всего километров 20 на велосипеде и много километров на поездах. В 05:31 «взяли» здание первой в Финляндии школы для слепоглухих детей. Город только просыпался. Изредка встречались спешащие на работу велосипедисты, а однажды дорожку перебежал заяц. Он оказался изрядным бегуном — так, что мы не успели нацелить на него фоторужье. В 06:20 выехали в Хельсинки, чтобы оттуда снова отправиться в Санкт-Петербург, где Илью сменит Виолетта (теперь уже с визой). Разрыв в поездах оказался многочасовым, и мы, чтобы не терять времени даром, заодно «взяли» и прекрасное здание из красного кирпича первой школы для незрячих детей, расположенное недалеко от Хельсинского железнодорожного вокзала. А так как мой пилот одновременно был тренером, мы поехали на старый олимпийский велотрек, а оттуда — в магазин велосипедов и товаров для велосипедистов «Велоспорт». Там подобрали замену моим погрустневшим за последние два дня велотуфлям. Менеджер Каре, узнав, что мы участвуем в велопробеге и едем из Москвы в Венерсборг, сделал значительную скидку на велотуфли, а еще подарил для них шипы и хорошенькие фляги для воды. На этом Каре не остановился и, застав нас на улице

за установкой шипов, дал в дорогу комплект спортивного питания. Под вечер пятого дня мы вернулись на «Аллегро» в Питер, чтобы утром новым составом и с машиной сопровождения еще раз пересечь границу Финляндии и направиться в сторону Швеции...

Д.Б.: Велопробег состоялся. Достигнуты ли его цели?

Е.Ф.: Мне кажется, да. Во-первых, мне очень приятно, что он вызвал интерес, в первую очередь, у людей с нарушениями слуха и зрения. Сегодня мне писали ребята, которые хотели бы принять участие в подобном мероприятии через год. Отвечаю: да, это здорово, но давайте готовиться прямо сейчас. Потому что нужна физподготовка, каждодневные упражнения, работа в бассейне, дома, на тренажерах. Это поможет в следующем году принять участие в велопробеге. А еще важно напомнить: слепоглухие люди могут и должны получать образование. Надеюсь, мы все-таки привлекли внимание к сбору на оплату тьютора для Алены Капустьян.

М.З.: Те цели, которые мы ставили, — достигнуты. Теперь при поддержке Фонда президентских грантов хотим организовать спартакиаду. Нам важно показать, что люди с ограниченными возможностями здоровья могут полноценно жить, заниматься спортом, что у них много возможностей, несмотря на ограничения.

Данные об эфире:

Радио РАНСиС, программа «Зрячее сердце», 19.08.2019 г.

Степан
Давиденко
Москва

шорт-лист конкурса
«Со-творчество» в номинации «СМИ»

Жизнь по памяти

Как проходят будни слепоглухих и кто им помогает

«Стучи, когдаходишь к нам. Мы же тебя не видим», — говорит Ирина Поволоцкая одному из участников своей театральной труппы.

Слепоглухие не видят и не слышат, но чувствуют вибрацию — для них это один из немногих способов познания мира. Ирина перестала видеть в детстве, но своевременные операции позволили ей сохранить остаточное зрение. Правда, с годами и оно исчезло. А слух Ирина потеряла в четыре года из-за ошибки врачей. С того времени мир для нее — это запахи, вибрации и прикосновения.

Детство Ирины состояло из длительной реабилитации и адаптации к новой жизни. В 10 лет ее устроили в Сергиево-Посадский реабилитационный центр слепоглухих — единственный в России. Но там девочку, по ее словам, ничему не научили. Спасали книги. После 8 класса Ирина поступила в Московский политехникум. Ей приходилось работать в детских лагерях психологом и педагогом.

Теперь она — настоящая звезда. Ирина — писатель, художник, театральный режиссер, актриса. Ее книги и сборники расходятся большими тиражами, выставки проходят в России и Европе. Ирина участвует в жизни различных фондов, работает психологом. Она — признанный эксперт по инклюзивной среде.

Среди людей, помогающих ей так много успевать, — Сергей Разумов, переводчик-сопровождающий слепоглухих людей.

«Волонтером я стал чуть больше года назад. Я учился на переводчика, и мне хотелось профессионально применять свои знания и умения. Перевод для слепоглухих — моя основная специализация, у меня есть постоянные клиенты. С Ириной Поволоцкой мы дружим. Я часто работаю с ней. В отношениях переводчика и слепоглухого важно, насколько им комфортно друг с другом. Обычно слепоглухим трудно найти “своего” переводчика. Но нам с Ирой повезло», — говорит Разумов.

Желание стать переводчиком у Сергея появилось еще в школе. В девять лет он познакомился во дворе с глухим мальчиком, которого третировали «обычные» дети. Сергей за него заступился, а потом они подружились. «Мы росли вместе, друг обучил меня жестовому языку и особенностям общения с глухими», — рассказывает он.

Учиться на переводчика Сергею было просто, так как он уже двадцать лет владеет жестовым языком. Труднее было переучиваться с региональных жестов на те, которые используются в Москве.

«Различия в языке связаны с тем, что долгое время региональные сообщества глухих были изолированы друг от друга — интернет ведь появился относительно недавно. Поэтому варианты жестов развивались в регионах обособленно. Кроме того, весьма распространены “домашние” жесты, принятые в семье или определенной компании. Значения внешне одинаковых “домашних” жестов могут отличаться в разных группах, и слышащему человеку в этом сложно разобраться. Я, поскольку живу и работаю в Москве, использую местный язык, который к тому же считается эталонным», — говорит Сергей.

Большинство слепоглухих людей говорят только на дактиле — части жестового языка, где каждой букве соответствует конфигурация пальцев одной руки, и слова исполняются (показываются, произносятся) по буквам, и им важно, чтобы сопровождающий хорошо им владел. Поэтому Сергей — востребованный переводчик. Каждый месяц он «обслуживает» пять человек.

«Жестовый язык чувствителен к движениям, мимике, позам. Когда у человека плохое настроение — не выспался, устал, с кем-то поссорился, слепоглухие люди сразу это ощущают, и им бывает некомфортно. Я к своей работе отношусь профессионально и стараюсь, чтобы мои личные проблемы никак не касались клиента», — говорит Сергей.

Его задача — позволить человеку чувствовать себя активным, находиться в максимально возможно естественной для себя среде. Переводчик-сопровождающий — только глаза и уши человека, он не имеет права высказывать свое мнение, клиент все решает сам.

АССИСТЕНТ РЕЖИССЕРА

Типичный день Сергея и Ирины проходит в репетициях. О поездке на репетицию Сергей договаривается со своей подопечной накануне. На следующий день он заезжает за Ириной, она ждет уже на улице. Добравшись на маршрутке до метро, они заходят в кафе выпить кофе. Хотя Ирина больше любит ездить на МЦК, где в вагонах просторнее и меньше людей. Во время поездки они много разговаривают. Сергей признается, что у них с Ириной много тем для дружеских бесед.

«Она интересный человек с богатым жизненным опытом. Мне нравится слушать ее истории», — говорит он.

Мы в доме-музее основоположника русской актерской школы Михаила Щепкина. В темном помещении цокольного этажа проходит репетиция поэтико-пластического перформанса «Брод (ский). Зарисовки», который ставит лаборатория перформанса «СБрод». Это инклюзивный проект, придуманный Ириной. Сегодня особенный день — на репетиции будут зрители. Поэтому Ирина немного нервничает.

Действие происходит в центре зала. За сценой проектор выводит на экран текст. С помощью пластических выразительных средств актеры передают сложные, тонкие движения человеческой души. Ирина дает советы одному из них. Они держатся за руки, она быстро перебирает пальцами — так происходит разговор. Время от времени репетирующие смеются над удачной шуткой.

Среди занятых в спектакле актеров — слепоглухие, глухие, люди с другими ограничениями здоровья. Ирина как режиссер ставит задачи каждому из них. А Сергей на репетициях из сопровождающего превращается в ассистента режиссера, театрального консультанта и даже критика.

«Часто я единственный переводчик на репетициях. Ирина спрашивает, что я вижу. Я комментирую происходящее, становясь и зрителем, и соучастником творческого процесса. Репетиции всегда проходят с юмором. Ирина развивает возникший в Японии авангардный стиль буто, который построен на танцевальных движениях. Это необычно. Перед тобой словно предстает другая природа человека», — отмечает Сергей.

Ирина — известный и уважаемый режиссер. За ее плечами работа с Евгением Мироновым, Ингеборгой Дапкунайте и Алисой Фрейндлих в спектакле «Прикасаемые», поставленном в 2014 году Государственным Театром Наций при активном участии центра «Инклюзион». Постановка получила множество наград и завоевала любовь зрителей, став социокультурным проектом, помогающим слепоглухим.

Евгений Миронов пригласил Поволоцкую в проект, предложив то, чем Ирина занимается всю жизнь, — объединить зрячеслышащих и слепоглухих. Актеры на сцене преодолевают барьеры человеческого общения, находят тонкие эмоциональные связи друг с другом, что помогает создавать неповторимое пространство спектакля. Такое единение возможно только благодаря искусству.

Большинство слепоглухих живут не одни. У Ирины есть муж, с которым они познакомились около 20 лет назад. Но среди подопечных Сергея есть и те, кто живут в одиночку. Слепоглухие самостоятельны, дома чувствуют себя комфортно, знают каждый уголок и без труда передвигаются. Они не теряют вещи, так как помнят, что и где лежит, — живут по памяти.

«Конечно, у каждого человека с инвалидностью бывает депрессия, а многие постоянно находятся в таком состоянии. Но мне повезло — я работаю с активными людьми. Мы по-

сещаем выставки, театральные представления. Это помогает понять, что все ограничения — в нашей голове. Мои клиенты не боятся трудностей», — говорит Сергей.

«Мое главное желание — жить полноценно. Важно, что у меня есть муж и друзья, которые помогают и с которыми можно горы свернуть. Я хочу развивать нашу лабораторию перформанса “Сброд”, играть на сцене и расти, делать новые постановки, выходить на крутые площадки. Уверена, что это достижимо! А еще я хочу устраивать выставки своих картин. Главное для меня — доказывать и показывать, что слепоглухота — просто другая форма восприятия жизни, а не диагноз неполноценности», — говорит Ирина Поволоцкая.

Сведения о публикации:

+1, 13.11.2019 г.

<https://plus-one.ru/society/zhizn-po-pamyati>

Марина
Платонова
Казань

лонг-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «СМИ»

Соединение зорких сердец (фрагмент)

Первый диктор: «Мир на ладони».

Второй диктор: «Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь». Антуан де Сент-Экзюпери.

Марина Платонова (корреспондент): Не правда ли, весьма глубокая и многозначная фраза? Я полагаю, творчество — один из лучших способов почувствовать мир душой, увидеть его «сердечными очами». И, разумеется, творческому человеку хочется поделиться мировосприятием с окружающими, почувствовать обратную связь. Как это сделать? Например, принять участие в конкурсе.

Второго ноября 2019 года в Москве, на малой сцене Театра Наций, состоялось вручение первой премии «Со-единение», приуроченной к 5-летию Фонда, и подведение итогов литературного конкурса «Со-творчество». Приз для участников конкурса и победителей один — сборник «Зоркое сердце» с их произведениями. Я держу в руках эту книгу с яркой иллюстрацией на обложке. Работы авторов, представленные здесь, так же ярки и разнообразны. Да и география впечатляет: Россия, Украина и даже Канада. Можно представить, какая ответственная и нелегкая задача стояла перед членами жюри!

Торжественную церемонию украсили творческие номера. Было и жестовое пение, и танец с веерами, и стихи, и, конечно же, песни. Поздравить конкурсантов и гостей вечера при-

ехала солистка Московской областной филармонии, лауреат премии «Триумф» Алина Яровая. Не остались в стороне и участницы. Алексей Пижонков, победитель в номинации «Поэзия», прочел одно из своих стихотворений, а Карина Жакова исполнила произведение английского незрячего композитора и пианиста Джорджа Ширинга «Колыбельная страны птиц». После церемонии награждения мы побеседовали с Мариной.

Карина Жакова: Литературный опыт у меня небольшой. Самые ранние рифмованные строчки я пробовала складывать еще до школы. От случая к случаю, когда меня посещает вдохновение, немного пишу.

М.П.: Какие были впечатления, когда вы узнали о результатах конкурса?

К.Ж.: Мне было очень приятно попасть в шорт-лист, конечно, это была неожиданность, потому что в конкурсе участвовали такие мэтры, как Владимир Рачкин и Владимир Елфимов, а они пишут более сорока лет!

М.П.: А церемония награждения чем запомнилась?

К.Ж.: Я была рада принять в ней участие, поздравить любимый Фонд с его прекрасным праздником. Я счастлива, что он есть в моей жизни на протяжении почти четырех лет.

М.П.: «Шопинг с монашкой» — рассказ Анны Демидовой, занявший второе место в номинации «Произведения о слепоглухих». Анна — научный сотрудник, работает в Ботаническом саду МГУ «Аптекарский огород». Вот что она рассказала о своем сотрудничестве с Фондом и об участии в конкурсе.

Анна Демидова: Я окончила курсы по сопровождению слепоглухих людей — нашла их случайно, это было в 2016 году, и после этого подружилась с Фондом и со слепоглухими людьми.

М.П.: У вас есть совместные проекты?

А.Д.: Первым проектом, который мы воплотили с Фондом «Со-единение» и со слепоглухими людьми из Дома слепоглухих в Пучково, — стала первая в истории «Аптекарского огорода» экскурсия с тактильным переводом. Среди моих гостей был даже тотально слепоглухой человек. А дальше — по нарастающей. В этом году, например, мне предложили поехать в Краснодар, где я обучала слепоглухих девушек вязанию на спицах. Но, в основном, моя работа связана с конкретным

сопровождением, с адресной помощью, а также — в Ботаническом саду. Конечно, я приглашаю на экскурсии всех, кто может посетить наш сад. Он находится на Проспекте Мира, рядом — библиотека для незрячих людей — одна из крупнейших в нашей стране.

М.П.: Вы написали рассказ специально для конкурса?

А.Д.: Эту историю я написала раньше и отправила в газету «Поле зрения» — они с удовольствием ее тут же опубликовали. Но поскольку произведение не научное, я параллельно отправила его на конкурс, и оно вошло в сборник итоговых работ.

М.П.: Это вымышленная история — или встреча с монашкой действительно была?

А.Д.: Это реальная история, в которой я всего лишь заменила имена. Но однажды, после публикации рассказа, вы не поверите, я пришла в магазин и услышала разговор продавцов. Одна говорит: «Оля», а другая отвечает: «Марина». Я тут же пишу сестре: «Наташ, представляешь, я написала в рассказе про Олю и Марину, а тут и правда работают Оля и Марина!».

М.П.: Итак, вы лауреат. Не возникло ли желания плотнее заняться литературной работой?

А.Д.: Мои родители — филологи, и первое слово, которое я в жизни произнесла, было «Папа». Причем, как говорит Мама, я показала пальчиком на Гоголя — его портрет висел на стене, видимо, внешне он напомнил мне Папу. Я написала несколько книг, готовлю к изданию. Первая — о моей экспедиции в Южный Вьетнам, а сюжеты других — пока не раскрою.

М.П.: Победитель среди победителей. Именно так можно назвать Алексея Пижонкова, который не просто завоевал первое место в номинации «Поэзия», но и стал обладателем гран-при — а это выпуск авторского сборника. Алексей, как давно началось твое сотрудничество с Фондом?

Алексей Пижонков: Это был 2015 год, я еще жил в Твери — и про Фонд мне рассказал работник библиотеки Сергей Александрович Макарин. Он был председателем тверского отделения общества «Эльвира». Меня переписали в Фонде, и я стал его подопечным.

М.П.: И вот однажды ты получил письмо с информацией о конкурсе...

А.П.: Честно говоря, я не планировал в нем участвовать, поскольку достаточно скептически отношусь к литературным конкурсам.

М.П.: Почему?

А.П.: Не верю в объективность. Любой конкурс субъективен. Поэтому я и не хотел участвовать, но подключилась супруга, а к ней — Ирина Николаевна Зарубина, и под двойным напором пришлось уступить. Я отправил заявку и подборку стихов. Практически сразу одно из моих стихотворений было опубликовано в соцсетях — на страничках фонда «Соединение».

М.П.: Как ты узнал о победе? Я, конечно, об этом знаю, но расскажи, пожалуйста, читателям нашего журнала.

А.П.: Первой о моей победе узнала супруга — она начала танцевать, а потом рассказала мне.

М.П.: В качестве гран-при тебе достался замечательный приз — издание собственного сборника.

А.П.: Да. Было опасение, что к вручению наград его не успеют напечатать, но, к счастью, все получилось, и второго ноября я получил авторские экземпляры.

М.П.: Ты стал чувствовать себя увереннее в творческом плане?

А.П.: Для меня это просто определенная ступень. Да, конечно, мне приятно, что есть книжка — возможно, какая-то память для потомков. И радость за то, что рады мои близкие.

М.П.: Ну что же, церемония состоялась. Аплодисменты отзвучали, награды нашли героев, занавес опущен. Получилось действительно классно. Однако, как известно, нет предела совершенству. А значит, будем ждать новых конкурсов, новых стихов и, конечно же, новых встреч. Встреч, соединяющих «зоркие сердца».

Данные об эфире:

Программа звукового журнала «Диалог» Всероссийского общества слепых, № 2, 2020 г.

Робкий свет

За приглашение в жюри литературного конкурса слепоглухих стоит поблагодарить хотя бы потому, что, читая материалы конкурса, получаешь некоторое общее представление о жизни слепоглухих в России. Удивляешься, как же нас, слепоглухих, однако, много, и как мы разнообразно, по-разному сложно, трудно живем. И по ходу чтения мне все время вспоминался мой любимый Твардовский, из поэмы «Дом у дороги»:

Где светит свет хоть краем дня,
Где тучей вовсе застится.
И счастье — счастью не ровня,
И горе — горю разница.

Из авторов конкурсного сборника «Обретенный свет» самым счастливым я назвал бы Владимира Елфимова. Его любят, у него надежная, неизменно поддерживающая семья — любому зрячеслышащему на зависть! По-своему счастливой можно назвать и Галину Ушакову. Игорь Маркарян, «Зачем судьба дала мне вторую жизнь», — просто потрясает, и я оценил его на двадцать, хотя по правилам можно оценивать только в пределах от нуля до десяти. Маркарян после взрыва газового баллона лишился зрения, нескольких пальцев на обеих руках, падает слух, — и делится опытом преодоления «плохих мыслей». Знаю, о чем. Сам в молодости называл их «недозволенными настроениями» и очень склонен к ним до сих пор, и опыт их преодоления у меня с Маркаряном очень похожий. Маркаряна, как и Елфимова, поддерживает семья, надежные друзья, замечательная компьютерная техника, но я не могу отделаться от навязчивой мысли: «Ничто не вечно под луною»...

Благотворительный фонд поддержки слепоглухих «Соединение» действительно поддерживает нас, без дураков, конкретными делами, и с тех пор, как он существует, многие из нас

действительно обрели свет поддержки, свет надежды, свет уверенности, что есть на кого надеяться, есть к кому обращаться «в случае чего». Хотя от материала Любови Молодых «Смординовый морс» так и веет безнадежностью, безысходностью. Да и оптимизм поэтического раздела определенно вымученный. Люди стесняются боли, страха перед будущим, да и перед настоящим, гонят от себя этот страх, пытаются заклинать: вот мы наслаждаемся природой, вот мы любим, все хорошо...

И все-таки страшно, что обретенный свет погаснет или потускнеет. Техника ломается, и ждешь не дожدهшься ее из ремонта, а как больно вдруг лишаться, пусть и временно, обретенной было возможности пользоваться айфоном. Привык к WhatsApp, к Facebook, и вдруг это все обрывается из-за ремонта брайлевого дисплея, — и тебя «ломает» хуже, чем курильщика без курева...

Слепоглухота страшна прежде всего одиночеством. Тем, что жизнь оборачивается склепом прозябания. Обесчеловечиванием, удовлетворением зоологических потребностей в еде, и даже прогулка становится недоступной роскошью. И если в этом склепе настужь распахивается дверь в мир, а потом вдруг захлопывается из-за ремонта брайлевого дисплея или еще почему-то... Обретенный было Свет тускнеет, если хоть какой-то выход в мир остается, и гаснет совсем, если — никакого.

И поскольку нет стопроцентной гарантии, что обретенный было Свет не потускнеет и не погаснет по чисто внешней и случайной, в сущности, причине, — этот обретенный Свет на самом деле робкий, каким бы ни был ярким. И чем ярче сейчас, тем больнее, когда он гаснет.

Об этом не стоит забывать. Этого не надо стесняться и стыдиться. Об этом не надо молчать.

Иначе мир так и будет благодушеествовать на фоне безнадёжной, беспросветной тьмы, в которую кто-то погружен. Благодушеествовать, не желая ничего знать об этой тьме.

7 ноября 2020 г.

Александр Суворов,
доктор психологических наук,
ведущий научный сотрудник Московского государственного
психолого-педагогического университета

Члены жюри литературного конкурса «Со-творчество»

Константинова Татьяна Александровна (председатель жюри) — президент Фонда «Со-единение». Член Совета Ассоциации «Все вместе». Учредитель Ассоциации «Благополучие животных».

Поликанов Дмитрий Валериевич — заместитель председателя Общественного совета Министерства труда и социальной защиты РФ. Член Совета по делам инвалидов при Совете Федерации. Кандидат политических наук.

Суворов Александр Васильевич — поэт, психолог. Слепоглухой профессор, доктор психологических наук.

Кремнева Наталья Борисовна — главный редактор журнала «Ваш собеседник», слепоглухая.

Соколова Наталья Дмитриевна — исполнительный директор Фонда поддержки слепоглухих «Со-единение».

Коркунов Владимир Владимирович — журналист, литературный критик. Член Союза журналистов России. Кандидат филологических наук.

Котова Ирина Владимировна — поэт, хирург. Доктор медицинских наук. Лауреат Малой премии «Московский счет».

Пижонков Алексей Александрович — слепоглухой поэт. Обладатель гран-при первого литературного конкурса «Со-творчество».

Поволоцкая Ирина Михайловна — слепоглухая поэтесса, актриса, художница, общественный деятель.

Юсупова Лида — поэтесса, автор четырех поэтических сборников и книги прозы. Лауреат премии «Различие».

Балла Ольга Анатольевна — критик, эссеист, библиограф. Редактор отдела философии и культурологии журнала «Знание-Сила» и отдела критики и библиографии журнала «Знамя».

Семенова Елена Владимировна — поэт, журналист. Сотрудница книжного приложения Ex libris «Независимой газеты».

Содержание

Негромкая пронзительная речь

Предисловие Натальи Соколовой 3

Из разных ниш реальности

Предисловие Юлии Подлубновой 5

ПОЭЗИЯ

Николай Кузнецов (Санкт-Петербург)

Стихотворения 12

Евгения Смоленская (Москва/Троицк)

Стихотворения 15

Наталья Демьяненко (Санкт-Петербург)

Стихотворения 19

Максим Черный (Люберцы)

Стихотворения 23

Елена Волох (Москва)

Стихотворения 27

Людмила Нерадовская (Печора)

Стихотворения 29

Галина Ушакова (Сочи/Кингисепп)

Стихотворения 32

Дмитрий Алексеевских (Москва)

Раздождилась осень, хмурится фонарь. Стихотворение 36

Ирина Экимашева (Псков)

Стихотворения 37

Альбина Снижко (Воркута/Москва)

Стихотворения 39

Аркадий Грязев (Верхний Уфалей)

Стихотворения 41

Вера Филатова (Москва)

Белая трость. Стихотворение 43

Ирина Жукова (Починок)

Душа. Стихотворение 44

Михаил Блусь (Брянск)

Деду Николаю. Стихотворение 45

Надежда Грановецкая (<i>пгт Лучегорск, Приморский край</i>)	
А у меня такая есть мечта. <i>Стихотворение</i>	47
Карина Жакова (<i>Брянск</i>)	
Танцую вальс на лезвии дождя. <i>Стихотворение</i>	48

ПРОЗА

Наталья Демьяненко и Анатолий Киселев (<i>Санкт-Петербург / пос. Винзили, Тюменская область</i>)	
10 писем, которые подружили меня с дактилем	50
Любовь Молодых (<i>ст. Озерки, Алтайский край</i>)	
Смородиновый морс. <i>Рассказ</i>	70
Игорь Маркарян (<i>Васильков, Украина</i>)	
Зачем судьба дала мне вторую жизнь. <i>Рассказ</i>	79
Михаил Кременецкий (<i>Астрахань</i>)	
День в руку. <i>Рассказ</i>	91
Арина Деньмухамедова (<i>Оренбург</i>)	
Чапка. <i>Рассказ</i>	98
Владимир Елфимов (<i>Новосибирск</i>)	
Незадачливый помощник. <i>Рассказ</i>	100
Александра Бегунова (<i>Великий Новгород</i>)	
Черная дыра. Где можно побывать во сне? <i>Рассказы</i>	103
Виталий Рольщиков (<i>Железнодорожный</i>)	
Рыцарь Осьминожка. До свидания, Тася. Аквариум. <i>Рассказы</i> ..	104
Ирина Экимашева (<i>Псков</i>)	
О Микки. <i>Рассказ</i>	109
Александр Галан (<i>Тюмень</i>)	
Ключ без права передачи. <i>Рассказ</i>	111
Ирина Жукова (<i>Починок</i>)	
Ирик сидит дома. <i>Рассказ</i>	116

ЭССЕ/ПУБЛИЦИСТИКА

Елена Волох (<i>Москва</i>)	
Из пут достигнувшей беды. <i>Эссе</i>	120
Любовь Малофеева (<i>Ижевск</i>)	
Витамин против коронавируса. <i>Статья</i>	124
Александра Нечаева (<i>Старица</i>)	
Из детства. <i>Эссе</i>	131
Галина Ушакова (<i>Сочи/Кингисепп</i>)	
Побег за 2400 км. Как Брайль вошел в мою жизнь. <i>Эссе</i>	133

Владимир Елфимов (<i>Новосибирск</i>)	
Один день из жизни слепоглухого. Пандемия и Тотальник. <i>Эссе</i>	142
Алена Капустян (<i>Москва</i>)	
«До сих пор помню, как выглядит мир...». <i>Эссе</i>	150
Владимир Рачкин (<i>Пермь</i>)	
Для ума и для сердца. <i>Статья</i>	152
Валентина Васильева (<i>Гай</i>)	
Учеба продолжается. <i>Статья</i>	160
Константин Снижко (<i>Воркута/Москва</i>)	
Мои бесконечные сны. <i>Эссе</i>	164
Карина Жакова (<i>Брянск</i>)	
«Вопреки тому, что с раннего детства я тотально слепая...». <i>Эссе</i>	166
Валентина Серегина (<i>Орск</i>)	
Петербургские истории — Лисий Нос. <i>Заметки</i>	168

СМИ

Елена Дьякова (<i>Москва</i>)	
Легко ли быть не таким? <i>Статья</i>	172
Ольга Чухачева (<i>Тюмень</i>)	
Большой мир Елены Токаревой. <i>Очерк</i>	175
Анна Поваго (<i>Москва</i>)	
Одиночество, прощай! <i>Статья</i>	181
Мария Муравьева (<i>Москва</i>)	
Не одни в темноте. <i>Статья</i>	187
Анна Демидова (<i>Москва</i>)	
Листая фотоальбом: Ботанический сад МГУ «Аптекарский огород» в жизни незрячих и слепоглухих людей. <i>Статья</i>	194
Дмитрий Балыкин (<i>Нижний Новгород</i>)	
Велопробег «Ехать. Доверять. Жить». <i>Фрагмент радиозэфира</i> ...	204
Степан Давиденко (<i>Москва</i>)	
Жизнь по памяти. <i>Статья</i>	211
Марина Платонова (<i>Казань</i>)	
Соединение зорких сердец. <i>Фрагмент программы</i>	216
Робкий свет	
Послесловие Александра Суворова	220
Сведения о членах жюри	222

Литературно-художественное издание

ОБРЕТЕННЫЙ СВЕТ

сборник по итогам II литературного конкурса
для слепоглухих (и о слепоглухих)
«Со-творчество»

Выпускающий редактор *Владимир Коркунов*
Макет *Светлана Демидова*
Дизайн обложки *Сергей Ивкин*
Корректор *Елена Коровкина*

Бумага офсетная
Гарнитура CharterC
Тираж 300 экз.
Подписано в печать 16.11.2020

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл.,
г. Старый Оскол,
Комсомольский пр-т, 73
kvadrat1998@gmail.com